все вечеринки завтрашнего дня

уильям гибсон

•кiберпанк/fiction

Все вечеринки завтрашнего дня
Уильям Гибсон

Аннотация
Уильям Гибсон. ВСЕ ВЕЧЕРИНКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ
1. КАРТОННЫЙ ГОРОД
2. "СЧАСТЛИВЫЙ ДРАКОН"
3. В ЗАТРУДНЕНИИ
4. ФОРМАЛЬНОЕ ОТСУТСТВИЕ ДРАГОЦЕННЫХ ВЕЩЕЙ
5. СТАТИКА ПОД МАРЬЯЧИ
6. СИЛЕНЦИО
7. КОНДОМИНИУМ
8. ДЫРА
9. МГНОВЕНИЕ
10. АМЕРИКАНСКИЙ АКРОПОЛЬ
11. ДРУГОЙ ПАРЕНЬ
12. "ЭЛЬ ПРИМЕРО"
13. НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ
14. ЗАВТРАК НА ПЛИТКЕ
15. ВНОВЬ ЗДЕСЬ, НАВЕРХУ
16. ПОДПРОГРАММЫ
17. ЗОДИАК
18. СЕЛВИН ТОНГ

19. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ МЕСТА
20. БУМЗИЛЛА
21. "ПАРАГОН-АЗИЯ"
22. В ЯРОСТИ
23. РУССКИЙ ХОЛМ
24. ДВА ФОНАРИКА СЗАДИ
25. КОСТЮМ
26. "СБОЙНЫЙ СЕКТОР"
27. НОЧЛЕГ И ЗАВТРАК
28. ФОЛСОМ-СТРИТ
29. ПОРОЧНЫЙ КРУГ
30. БЛИЗНЯШКИ
31. ВИД С ЛИФТА, ЕДУЩЕГО В АД
32. МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ
33. ДАРИУС
34. РАЗРЫВЫ В РЫНОЧНОМ КОНТИНУУМЕ
35. НА АВТОПИЛОТЕ
36. ОТЛИЧНЫЙ ВИД
37. ДЕРЬМОВЫЕ ДЕНЬГИ
38. "ВИНСЕНТ ЧЕРНАЯ МОЛНИЯ"
39. ПАНОПТИКУМ
40. ЖЕЛТАЯ ЛЕНТА
41. "ТРАНСАМЕРИКА"
42. КРАСНЫЕ ПРИЗРАКИ ЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ
43. ЛИВИЯ И ПАКО

44. ТОЛЬКО ПОДУМАТЬ
45. ХОД КОНЕМ
46. СОСНОВЫЙ ЯЩИК
47. САЙ-ШЕНГ-РОУД
48. В ЭТОТ МОМЕНТ
49. РАДОНОВАЯ ТЕНЬ
50. "ЛИШНИЕ ХЛОПОТЫ"
51. СМЫСЛ ЖИЗНИ
52. "МОЙ ДРУЖОК ВЕРНУЛСЯ"
53. "ЗНАЕШЬ, Я НЕ МОГУ ТЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ ВЫСКОЛЬЗНУТЬ ИЗ МОИХ ОБЪЯТИЙ"
54. ОТНЮДЬ НЕ ВСЕМУ СУЖДЕНО СЛУЧИТЬСЯ
55. ТАЛАНТЛИВАЯ МОЛОДЕЖЬ
56. ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОМБИНАТА
57. ЦЕНТР
58. МАЛЕНЬКОЕ СИНЕЕ ОТВЕРСТИЕ
59. ПТИЦЫ ЧУЮТ ОГОНЬ
60. КРЫСЫ ВСЕ ЗНАЮТ
61. "ФУТУРОМАТИКА"
62. ЛОС-ПРОЖЕКТОС
63. ФУНИКУЛЕР
64. НАЖИВКА
65. СВЕЖИЙ ВОЗДУХ
66. ГРУЗОВОЗ
67. СЕРЕБРЯНЫЙ ЗАМОК
68. АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА

69. ВСЁ НАВСЕГДА
70. ВИЗИТ ВЕЖЛИВОСТИ
71. ЯМАДЗАКИ
72. ФОНТЕЙН
73. СИЛЕНЦИО
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Роман `Все вечеринки завтрашнего дня` – последний роман `мостовой` трилогии Гибсона (`Виртуальный свет`, `Идору` и `Все вечеринки завтрашнего дня`). В нем истории старых и новых персонажей – и мира в целом – сходятся в узловой точке...

Уильям Гибсон.
ВСЕ ВЕЧЕРИНКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

все вечеринки завтрашнего дня

уильям гибсон

•киберпанк/fiction

1. КАРТОННЫЙ ГОРОД

Сквозь вечерний поток лиц, меж спешащих черных ботинок, свернутых зонтов, через толпу, втекающую как единый организм в удушливое чрево станции, незамеченный, неузнанный, пробирается Шинья Ямадзаки, его ноутбук зажат под мышкой, как раковина некоего скромного, но вполне удачного экземпляра подводной фауны.

Не обращая внимания на многочисленных посетителей магазинов Гинзы с их бесцеремонными локтями, огромными пакетами и безжалостно бьющими по ногам кейсами, Ямадзаки и его ноутбук — легкая кладь информации — спускаются в неоновые бездны. В это подземелье относительного спокойствия, выложенное плиткой, с эскалаторами, движущимися вверх и вниз.

Центральные колонны, облицованные зеленой керамикой, поддерживают потолок, изрытый мохнатыми от пыли вентиляторами, дымоуловителями, громкоговорителями. За колоннами, у дальней стены, жмутся нестройным рядом потрепанные картонные ящики для грузовых перевозок, импровизированные укрытия, возве-

денные городскими бездомными.

Ямадзаки замирает на месте, и в тот же миг на него обрушивается океанский грохот спешащих с работы и на работу ног. Его не удерживает больше его миссия, и Ямадзаки вдруг испытывает искреннее и глубокое желание оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда. Он морщится от боли, когда стильная молодая дама, черты лица скрыты маской "Шанель Микропор", проезжает ему по ногам дорогостоящей детской коляской на трех колесах. Судорожно выпалив извинения, Ямадзаки успевает заметить крошку-пассажира, промелькнувшего сквозь подвижные шторки из какого-то розоватого пластика, свечение видеодисплея, мерцающего в такт шагам матери, которая, как ни в чем не бывало, катит коляску вперед.

Ямадзаки вздыхает, никем не услышанный, и направляется, прихрамывая, к картонным укрытиям. Долю секунды он гадает, что подумают проходящие мимо пассажиры, увидев, как он залезает в пятый слева картонный ящик. Ящик едва доходит ему до груди, но длиннее, чем другие, и отдаленно напоминает гроб; кусок захватанной пальцами белой рифленки, свисающей пологом, служит дверью.

А может, меня и не заметят, думает он. Так же как он сам ни разу не видел, чтобы кто-то входил в одну из этих методично расставленных хибар или покидал ее. Как будто обитатели стали невидимками в ходе особой сделки, позволившей таким структурам существовать в контексте станции. Он изучает экзистенциальную социологию, и такие сделки всегда его особенно интересовали.

А сейчас он колеблется, сопротивляясь желанию снять ботинки и поставить их рядом с засаленной парой желтых пластиковых сандалий, размещенных у входа на аккуратно сложенном листе подарочной бумаги "Парко".

Нет уж, думает он, представляя, как попадает в поджидающую внутри западню, как борется с неизвестными врагами в чреве картона. С обувью лучше не расставаться.

Снова вздохнув, он падает на колени, сжимая ноутбук обеими руками. Замирает на миг, коленопреклоненный, слушая за спиной звуки идущих мимо торопливых шагов. Потом опускает ноутбук на керамическую плитку пола, толкает его вперед, под рифленый занавес, и на четвереньках движется за ним.

Он отчаянно надеется, что попал в тот самый ящик.

Застывает на месте от неожиданного света и жары. Единственная галогенная лампа опаляет тесное помещение с частотой пустынного солнца. Лишенное вентиляции пространство нагрето, как вместительный террариум.

***

— Входи, — произносит старик по-японски, — и убери задницу из прохода.

Он почти голый, если не считать подобия набедренной повязки, скрученной из останков того, что когда-то давно, возможно, было красной футболкой. Он сидит, скрестив ноги, на грубом, заляпанном краской татами. В одной руке — ярко раскрашенная игрушка, в другой — тонкая кисть. Ямадзаки видит, что игрушка представляет собой модель робота или воина в защитной броне. Поделка сверкает в солнечно-ярком свете, переливаясь синим, красным и серебряным. По татами разбросаны мелкие инструменты: бритва, резец, — наждачная стружка.

Старик очень худ, свежевыбрит, но явно нуждается в стрижке. Космы седых волос свисают по обеим сторонам лица, рот застыл в вечно недовольном изгибе. На старике очки в тяжелой оправе из черного пластика с допотопными

толстыми стеклами. В стеклах прыгают зайчики света.

Ямадзаки послушно вползает в картонный ящик, чувствуя, как сзади с хлопком опускается дверь. Стоя на четвереньках, он с трудом удерживается от попытки сделать поклон.

— Он ждет, — говорит старик, кончик кисти парит над фигуркой в руке. — Там, внутри. — Движение головы.

Ямадзаки видит, что картон был недавно укреплен трубами пневмопочты, система определенно заимствована у традиционной свайно-стропильной японской архитектуры, трубы стянуты мотками видавшей виды полимерной ленты. В этом маленьком пространстве слишком много предметов. Полотенца и одеяла, кастрюли на картонных полках. Книги. Маленький телевизор.

— Там внутри? — Ямадзаки указывает на то, что, по его предположению, является еще одной дверью и напоминает ход в кроличью нору, скрытый от посторонних глаз засаленным квадратом желтого, дынного оттенка одеяла на пенной основе, вроде тех, что попадаются в капсюль-отелях.

Но кончик кисти опускается, касаясь поделки, и старик целиком сосредоточивается на работе, так что Ямадзаки остается только ползти на

четвереньках через крохотное до нелепости помещение и отдернуть в сторону край одеяла.

— Лэйни-сан?

Что-то похожее на смятый спальник. Запах болезни.

— Ну? — хрип. — Давай сюда.

Сделав глубокий вдох, Ямадзаки заползает внутрь, толкая впереди себя ноутбук. Когда дынно-желтое одеяло падает, снова закрывая вход, яркий свет просачивается сквозь синтетику ткани и тонкую пенную основу, как тропическое солнце, проникающее в глубину кораллового грота.

— Лэйни?

Американец стонет. Кажется, пытается повернуться или сесть. Ямадзаки не разглядеть. Глаза Лэйни чем-то прикрыты. Мигает красный огонек диода. Кабели. Слабый отблеск интерфейса, отраженный на тонкой проводке вдоль скользкой от пота скулы Лэйни.

— Вот теперь я увяз, — говорит Лэйни и кашляет.

— Увязли в чем?

— За тобой не следили, случайно?

— Не думаю.

— Я бы почуял, если бы следили.

Ямадзаки чувствует, как пот внезапно начинает струиться из обеих подмышек, стекая ручьями по ребрам. Он заставляет себя сделать вдох. Воздух здесь тяжелый, гнилой. На ум приходят семнадцать известных науке штаммов устойчивых к лекарствам палочек туберкулеза.

Лэйни хрипло вздыхает.

— Но ищут-то они не меня, так?

— Нет, — говорит Ямадзаки, — ищут ее.

— Им ее не найти, — говорит Лэйни. — Не здесь. И нигде. Не сейчас.

— Почему вы сбежали, Лэйни?

— Долбаный синдром, — отвечает Лэйни и снова кашляет, а Ямадзаки чувствует ровное, на низких частотах содрогание включившейся магнитной подвески, где-то в самом нутре станции, не механическую вибрацию, а мощные толчки отработанного воздуха, рвущегося через клапаны. — В конце концов, он меня доконал. Этот долбаный 5-SB. Сталкер-эффект.

До Ямадзаки доносится топот ног, пробегающих где-то рядом, рукой подать, прямо за картонной стеной.

— Так вы из-за этого кашляете? — Ямадзаки моргает, от чего его новые контактные линзы начинают неприятно елозить.

— Нет, — отвечает Лэйни и кашляет, прикрывая рот худой рукой. — Какой-то долбаный вирус. Здесь он у всех поголовно.

— Я переживал, когда вы исчезли. Вас стали искать, но когда пропала она…

— Дерьмо угодило прямиком в вентилятор.

— Дерьмо?

Лэйни тянется и снимает громоздкий старомодный шлем виртуальной реальности. Ямадзаки не удается разобрать, каким образом в него подается информация, в неровном свете дисплея становятся видны запавшие глаза Лэйни.

— Все скоро изменится, Ямадзаки. Мы подбираемся к материнской плате всех узловых точек. Теперь-то я это вижу. Все скоро изменится.

— Не понимаю.

— Знаешь, в чем фишка? Ничего не изменилось, когда все думали, что изменится. Миллениум был всего-навсего христианским праздником. Я изучаю историю, Ямадзаки. Я вижу ее узловые точки. Последний раз у нас такое было в тысяча девятьсот одиннадцатом.

— А что случилось в тысяча девятьсот одиннадцатом?

— Все изменилось.

— Как?

— Раз — и все. Так уж эта штука действует. Теперь-то я понимаю.

— Лэйни, — произносит Ямадзаки, — когда вы мне рассказывали о сталкер-эффекте, вы упомянули, что жертвы, то есть тестируемые, становятся одержимы одной отдельной личностью из мира медиа.

— Да.

— А вы одержимы ею?

Лэйни смотрит на него в упор, глаза вспыхивают от прихлынувшего потока данных.

— Нет. Она ни при чем. Некто по имени Харвуд. Коди Харвуд. Впрочем, они еще встретятся. В Сан-Франциско. И еще один человек. Оставляет что-то вроде негативного следа; делая любой вывод, исходи из посылки, что его как бы нет.

— Почему вы вызвали меня сюда, Лэйни? Это жуткая дыра. Хотите, я помогу вам выбраться? — Ямадзаки вспоминает о швейцарском армейском ноже, лежащем в кармане. Одно из лезвий зазубрено; с его помощью он мог бы легко сделать прорезь в этой стене. Но энергетика места сильна, очень сильна, она подавляет его. Он чувствует себя бесконечно далеко от Синдзюку, от Токио, от всего. Он слышит запах пота Лэйни. — Вам нездоровится.

— Райделл, — говорит Лэйни, натягивая шлем, — тот рентакоп из Шато. Тот самый, ты его знаешь. Собственно, он и навел меня на тебя тогда, в старом добром Эл-Эй.

— И что?

— Мне нужен надежный парень на месте, в Сан-Франциско. Я сумел перевести туда кое-какие деньжата. Не думаю, что их перехватят. Я запутал к чертям весь банковский сектор "Дейтамерики". Найди Райделла и скажи, что это его гонорар.

— За какую работу?

Лэйни трясет головой. Кабели шлема сплетаются в темноте, как змеи.

— Он должен быть там, вот и все. Что-то наступает. Все меняется.

— Лэйни, вам плохо. Давайте, я отвезу вас…

— Обратно на остров? Там же ничего нет. И никогда не будет, раз теперь ее нет.

И Ямадзаки знает, что это правда.

— Где Рез? — спрашивает Лэйни.

— Отправился в поездку по Штатам Комбината, когда решил, что она ушла.

Лэйни задумчиво кивает, шлем подпрыгивает во тьме, как кузнечик.

— Найди Райделла, Ямадзаки. Я скажу тебе, где он сможет взять деньги.

— Зачем это все?

— А затем, что он часть целого. Часть узла.

***

Спустя время Ямадзаки стоит, пристально глядя на башни Синдзюку, на стены бегущего света, летящие в небо в бесконечном ритуале коммерции и сластолюбия.

Огромные лица заполняют экраны, знаки красоты, одновременно ужасной и банальной.

Где-то внизу, под его ногами, Лэйни ежится и заходится кашлем в своем картонном убежище, вся "Дейтамерика" непрерывно течет в его глаза. Лэйни — его друг, и другу сейчас плохо. Американские гении данных — результат опытных испытаний, проведенных в одном из федеральных сиротских приютов во Флориде, с субстанцией, известной под кодом "5-SB". Ямадзаки видел, что Лэйни может творить с данными и что данные могут творить с Лэйни.

И у него нет никакого желания увидеть это снова.

Скользя взглядом вниз по светящимся стенам, по медиа-лицам, он чувствует, как его контактные линзы двигаются, меняются, регулируя глубину фокуса. К этому он до сих пор не при-

вык.

Неподалеку от станции, в переулке, светлом как днем, он находит киоск, торгующий анонимными дебитными картами. Покупает одну. В другом киоске опускает ее и покупает одноразовый телефон с зарядом ровно на тридцать минут, Токио — Эл-Эй.

Он задает ноутбуку вопрос о номере Райделла.

2. "СЧАСТЛИВЫЙ ДРАКОН"

— Героин, — заявил Дариус Уокер, коллега Райделла по охране супермаркета "Счастливый дракон", — это опиум для народа.

Дариус только что закончил подметать. Он осторожно поднял большой бак для мусора и направился к встроенному контейнеру, наподобие медицинского для острых предметов, на котором стоял знак "Опасно для жизни". Туда они и выбрасывали иглы, когда находили их.

В среднем находили пять-шесть в неделю.

Райделл фактически ни разу не поймал в супермаркете с поличным ни одного наркомана, хотя в принципе он считал, что они способны и не на такое. Казалось, люди просто бросают использованные иглы на пол, обычно где-нибудь в глубине торгового зала, рядом с кормом для кошек.

Регулярно подметая в "Счастливом драконе", можно было обнаружить и другие предметы: таблетки, иностранные монеты, больничные браслеты для опознания личности, смятые бумажные купюры государств, где такие были в ходу. Не то чтобы было желание рыться в этом мусорном баке. Когда приходила очередь Рай-

делла подметать, он надевал те же перчатки из кевлара, что были сейчас на Дариусе, а под них — проверенный латекс.

Он полагал, что Дариус все же был прав в своем суждении, и это заставляло задуматься: сколько развелось кругом новой дряни, а народ и не думал забывать о старой. Запрети, скажем, сигареты — и люди придумают, что можно курить вместо них! "Счастливому дракону" не разрешалось продавать бумагу для самокруток, но шла бойкая торговля мексиканскими папильотками, которые пускались в дело ничуть не хуже. Самая популярная марка называлась "Больше волос", и Райделл порой гадал, была ли использована хотя бы одна папильотка для завивки шевелюры. И как вообще можно завить волосы на прямоугольнички папиросной бумаги?

— Без десяти, — бросил через плечо Дариус. — Хочешь проверить поребрик?

В четыре часа одному из них выпадал десятиминутный перерыв — одна нога здесь, другая там. Если Райделл шел проверять поребрик, это означало, что он был обязан первым уйти на перерыв, а потом дать передохнуть Дариусу. Проверка поребрика была мероприятием, учрежденным родительской корпорацией "Счастливого драко-

на" в Сингапуре по совету принятой на работу в компанию команды американских культурологов-антропологов. Мистер Парк, менеджер ночной смены, объяснил это Райделлу, отмечая галочками пункты в своем ноутбуке. Для большей важности он щелкал пальцем по каждому параграфу на экране, в его голосе ясно читалась скука, но Райделл счел это частью работы, а мистер Парк был редкий педант.

***

— Для демонстрировать забота "Счастливый дракон" о безопасность в район, охранный персонал будет патрулировать поребрик перед магазин на постоянный основа, каждый ночь.

Райделл кивнул.

— Вы не позволено долго отсутствовать из магазин, — добавил мистер Парк. — Пять минута. Непосредственно перед перерыв! — пауза. Щелчок. — "Счастливый дракон" должен быть высокопрофессиональный, дружелюбный, чувствительный к местной культура.

— А что это значит?

— Кто-нибудь спит, вы их подвинуть. Дружелюбный. Работать шлюха, вы ей "привет", анекдот, подвинуть.

— Я боюсь этих старух, — сказал Райделл без всякого выражения на лице. — В Рождество они наряжаются эльфами Санта-Клауса.

— Никакой шлюха перед "Счастливый дракон".

— Чувствительный к местной культуре?

— Рассказать анекдот. Шлюха любит анекдот.

***

— Может быть, в Сингапуре, — сказал Дариус, когда Райделл изложил ему инструкции Парка.

— Он не из Сингапура, — сказал Райделл. — Он из Кореи.

— Так что, по сути, они хотят, чтобы мы "показали себя", расчистили несколько ярдов тротуара, были дружелюбными и чувствительными?

— И рассказать анекдот.

Дариус прищурился:

— Знаешь, какой народ зависает перед второсортной лавочкой на Сансет в четыре утра? Малолетки под "плясуном" со съехавшими крышами и галлюцинациями из фильмов про монстров. Угадай, кому достанется быть монстром? Плюс там тебе еще и зрелые социопаты: старше, изощренней, полифармней…

— И что?

— С дерьмом их смешать, — сказал Дариус,

— отобрать к черту наркоту.

— Давно пора. Сам бог велел.

Дариус глянул на Райделла:

— Ты первый.

Он был из Комптона и единственный из знакомых Райделла, кто действительно родился в Лос-Анджелесе.

— Ты крупнее.

— Размер — это еще не все.

— Точно, — согласился Райделл.

***

Все лето Райделл и Дариус вкалывали в ночной охране "Счастливого дракона", изготовленного на заказ модуля, который был доставлен вертолетом к стоянке бывшего автопарка на Стрипе. До этого Райделл работал ночным охранником в Шато, чуть выше по улице, а еще раньше водил фургон для компании "Интенсекьюр". А еще раньше, весьма недолго — и об этом он старался думать как можно реже, — он служил офицером полиции в Ноксвилле, штат Теннесси. Когда-то в те времена он дважды чуть не стал героем телешоу "Копы влипли", на котором он вырос, но с тех пор старался никогда не смотреть. Ночные дежурства в "Счастливом драконе" оказались куда интерес-

нее, чем Райделл мог себе представить. Дариус говорил, что это все потому, что на милю-другую в округе больше нет других точек, торгующих чем угодно, что только может понадобиться кому угодно, на регулярной основе и наоборот. Лапша для микроволновок, диагностические тесты для большинства вензаболеваний, зубная паста, весь ассортимент одноразовых товаров, карточки доступа в сеть, жвачки, вода в бутылках…

"Счастливые драконы" расплодились по всей Америке, по всему миру, если на то пошло, и чтобы это доказать — вот вам у входа, как фирменный знак, стояла "Всемирная Интерактивная Видеоколонна "Счастливого дракона"". Встречи с ней нельзя было избежать ни на входе, ни на выходе из магазина — и, конечно, нельзя было не увидеть очередную дюжину "Счастливых драконов", связанных на данный момент по сети с лавкой на Сансет: в Париже, в Хьюстоне или Браззавилле — где угодно.

Их тасовали каждые три минуты, исходя из практических соображений и установленного факта, что, если максимальное время просмотра будет длиться чуть дольше, детишки со всех дебильных задворков мира начнут на спор трахаться перед камерой. Вам и так доставалось

определенное число голых задниц и прочих частей тела. Или еще привычней, как этот урод из пражского захолустья, который, как раз когда Райделл выходил проверить поребрик, выставил напоказ в камеру свой "универсальный палец".

— У нас все так же, — ответил Райделл неизвестному чеху, прикрепляя на пояс неоново-розовую сумку с эмблемой "Счастливого дракона", которую он должен был по контракту таскать с собой во время дежурства.

Вообще-то он не возражал, хотя сумка и выглядела дерьмово: зато она была пуленепробиваемой, с выдвижным нагрудным кевларовым "слюнявчиком", который можно было закрепить вокруг шеи, если дела шли совсем плохо.

Однажды некий обдолбанный в дым посетитель с керамическим кнопарем предпринял попытку проткнуть Райделла прямо через логотип "Дракона", — и это на второй неделе работы! — после чего Райделл даже как-то сдружился с несуразной штуковиной. Он повесил памятный кнопарь на стену в своей комнате над гаражом миссис Сикевиц. Они нашли нож под банками с арахисовым маслом, после того как парни из ДПЛА, Департамента полиции Лос-Анджелеса, забрали того обдолбанного. У кнопаря было черное

лезвие, похожее на стекло, облепленное песком. Райделлу нож не нравился: лезвие из керамики давало странную балансировку и было такое острое, что он успел уже дважды порезаться. Он не знал, что с ним делать.

***

Сегодня ночью проверка поребрика была необременительна. Неподалеку стояла молодая японка с ошеломительно длинными ногами, торчавшими из вовсе ошеломительно коротких штанишек. Не то чтобы японка. В Эл-Эй Райделл понял, что разницу здесь уловить очень трудно. Дариус как-то сказал, что гибридная стать стала ходовым товаром, и Райделл решил, что он прав. Эта девица — сплошные ноги! — была почти с Райделла ростом, а ему казалось, что японцы обычно пониже. Но кто его знает, может, она выросла здесь, как перед этим выросли ее предки, и местная пища сделала их высокими. Он слыхал о подобных случаях. Но нет, решил он, приближаясь, дело в том, что это вовсе не девушка. Смех, да и только, как вас могут обдурить. Обычно различия не так очевидны. Он едва не принял ее за настоящую девушку, но, подсознательно оценив ее телосложение, понял, что это не так.

— Эй, — сказал он.

— Хочешь меня подвинуть?

— Ну, — сказал Райделл, — мне положено.

— А мне положено стоять здесь на улице и клеить истасканную клиентуру, чтобы купила у меня минет. В чем разница?

— Ты вольный стрелок, — наконец решил он, — а я получаю зарплату. Спускайся по улице и иди минут двадцать, никто тебя за это не уволит. — Он чувствовал запах ее парфюма сквозь сложную смесь ядовитых газов в воздухе и прозрачный аромат апельсинов, витающий здесь порой по ночам. Где-то рядом цвели апельсиновые деревья, вернее, должны были цвести, но он до сих пор ни одного не видел.

Она стояла и хмурилась на него.

— Вольный стрелок?

— Так и есть.

Она профессионально качнулась на своих навороченных каблуках и выудила пачку русского "Мальборо" из эксклюзивной розовой сумочки. Мчащие мимо машины уже вовсю сигналили о ночном охраннике "Счастливого дракона", о чем-то болтающем с девочкой-мальчиком шести с лишним футов ростом, а теперь она с явным умыслом делала ему нечто и вовсе противоза-

конное. Она открыла красно-белую пачку и с вызовом протянула Райделлу сигарету. Сигарет в пачке осталось две, с фабричными фильтрами на концах, но одна была явно короче другой, со следами малиново-синей губной помады.

— Нет, спасибо.

Она вытащила короткую недокуренную сигарету и сунула ее в рот.

— Знаешь, что бы я сделала на твоем месте? — ее губы, огибая коричневый фильтр, казались парочкой миниатюрных надувных матрацев, покрытых блестящей голубоватой глазурью.

— И что же?

Она выудила из сумочки зажигалку. Точно такие продают в этих чертовых табачных магазинах. Скоро их тоже прикроют, как он слышал. Она щелкнула и прикурила. Втянула дым, задержала, выпустила, отвернувшись от Райделла.

— Я бы, твою мать, растворилась в воздухе.

Он оглянулся на "Счастливого дракона" и увидел, как Дариус что-то говорит мисс Хвалагосподу Сгиньсатана, контролеру ночных дежурств. У старухи Хвалагосподу было отменное чувство юмора, что, как считал Райделл, и неудивительно — с таким-то именем! Ее родители были членами особо ревностной секты небезызвестных неопу-

ритан Южной Калифорнии и взяли фамилию Сгиньсатана еще до того, как родилась Хвалагосподу. Все дело в том, разъясняла она Райделлу, что никто сейчас толком не знает, что значит "сгинь", так что если она по глупости сообщала свою фамилию, все дружно записывали ее в сатанистки. Поэтому в миру она обходилась фамилией Проуби, принадлежавшей ее папаше еще до того, как он заразился религией.

Тут Дариус сказал что-то смешное, и Хвалагосподу захохотала, откинувшись всем телом. Райделл вздохнул.

Ему хотелось, чтобы сегодня была очередь Дариуса проверять поребрик.

— Слушай, — сказал Райделл, — я же не говорю, что ты не имеешь права здесь стоять. Тротуар — это общественное место. Просто пойми, в компании существует такая политика.

— Я докуриваю эту сигарету, — сказала она, — после чего звоню своему адвокату.

— А нельзя решить проблему попроще?

— Не-а, — широкая, ядовито-синяя, вздутая коллагеном улыбка.

Райделл мельком глянул назад и увидел, что Дариус делает ему какие-то знаки, показывая на Хвалагосподу с телефоном в руке. Он надеялся,

что они еще не звонят в ДПЛА. Почему-то он почувствовал, что у девицы действительно есть адвокат, а это совсем бы не понравилось мистеру Парку.

Дариус вышел наружу.

— Это тебя! — крикнул он. — Слышишь, из Токио!

— Прошу прощения, — сказал Райделл и отвернулся.

— Эй! — сказала она.

— Что "эй"? — он снова посмотрел назад.

— А ты симпатяга.

3. В ЗАТРУДНЕНИИ

Лэйни слышит, как его моча булькает, заполняя литровую пластиковую бутылку с наверчивающейся крышкой. Неловко стоять на коленях здесь в темноте, и ему не нравится, как бутылка теплеет в его руке, наполняясь. Он закрывает ее на ощупь и ставит осторожно в дальний угол от изголовья. Утром он отнесет ее, накрыв пиджаком, в мужскую уборную и опорожнит в раковину. Старик знает, что он слишком болен, чтобы выползать и тащиться по коридору каждый раз как приспичит, и у них есть соглашение по этому поводу. Лэйни мочится в пластиковую бутылку и выносит ее, когда может.

Он не знает, почему старик позволяет ему торчать здесь. Он предлагал заплатить, но старик только и знает, что делать свои модели. Он тратит целые сутки, чтоб закончить одну, и они всегда безупречны. И куда они исчезают, когда он их заканчивает? И откуда берутся комплектующие детали?

По теории Лэйни, старик — сенсэй сборки, сокровище нации, знатоки всего мира привозят ему комплекты, с волнением ожидая, когда

мастер сложит трансформеры на старинный манер с непревзойденным небрежным изяществом, своим дзэнским штрихом оставляя на каждом единственный крохотный и при этом совершенный изъян, одновременно и подпись, и отражение сущности мироздания. Действительно, как все несовершенно. Ничто не завершено. Все лишь процесс, утешает себя Лэйни, застегивает ширинку и валится в свое отвратительное логовище из спальных мешков.

Однако процесс оказался намного более странным, чем оговаривалось в контракте, размышляет он, сбивая угол спальника в подобие подушки, чтобы не касаться головой картона, сквозь который он чувствует твердую облицовку коридорной стены.

И все же, думает он, мне нужно оставаться здесь. И если в Токио существует место, где люди Реза меня не найдут, так это здесь. Он не совсем представляет, как тут оказался: все слегка затуманилось, когда навалился синдром. Некий сдвиг в сознании, некий сдвиг в природе восприятия. Недостаточно памяти, некий провал. Что-то не срастается.

Теперь ему интересно, а что, если он на самом деле о чем-то договорился со стариком? Возмож-

но, он уже покрыл все расходы, ренту, что там еще. Возможно. Поэтому старик дает ему пищу, приносит бутылки минералки без газа, терпит запах мочи. Может быть, все именно так, как он думает, но он не уверен.

Здесь темно, но он видит цвета, неясные сполохи, клочья, пунктиры, движение. Как будто остатки потоков "Дейтамерики" остались с ним навсегда, впечатанные в сетчатку. Ни лучика света не проникает снаружи из коридора — он залепил черной лентой все булавочные проколы, и теперь стариковская галогенная лампа отключена. Он допускает, что там, за стеной, старик спит, но он никогда не видел его спящим, не слышал ни звука, который бы мог означать переход ко сну. Возможно, старик спит, сидя прямо на татами, трансформер в одной руке, кисть в другой.

Иногда ему слышится музыка в соседних коробках, но смутно, как будто жильцы надевают наушники.

У него нет ни малейшего представления о том, сколько людей живет в этом коридоре. Судя по всему, здесь хватит места на шестерых, но он видел и больше, а может, они ночуют посменно. Он не сильно понимает по-японски, даже спустя восемь месяцев, а если бы и понимал, решает

Лэйни, все равно эти люди чокнутые, и говорят они только о том, о чем говорят чокнутые.

И конечно, любой, кто бы увидел его здесь и сейчас, с его лихорадкой, на куче спальников, с его шлемом и сотовым портом для скачивания данных, его бутылкой с охлаждающейся мочой, решил бы, что он тоже чокнутый. Но он вовсе не чокнутый. Он знает, что он не чокнутый, несмотря ни на что.

Да, теперь у него синдром, болезнь, настигающая каждую жертву тестов, что проводились в том гейнсвилльском сиротском приюте, но он вовсе не чокнутый. Он лишь одержимый. И эта одержимость имеет свою особую форму в его голове, свою особую текстуру, свой особый вес. Он знает об Этом от самого себя, может Это распознавать и потому возвращается к Этому по мере надобности, чтобы проверить. Отслеживает. Убеждается, что еще не стал Этим. Это напоминает ему разболевшийся зуб или эмоции, которые он испытывал, когда однажды влюбился, не желая любить: его язык всегда находил больной зуб, он всегда чувствовал эту боль, этот собственный недостаток — свою возлюбленную.

Но синдром был совсем другим. Он жил отдельно от Лэйни и не имел никакого отношения ни к

кому и ни к чему, чем Лэйни хотя бы интересовался. Почувствовав впервые, что Это начинается, он принял как должное то, что Это связано с ней, с Рэи Тоэи, потому что был там, рядом с ней, или близко, как только возможно находиться к существу, физически не бывшему. Они общались почти каждый день, он — и идору.

И вначале, размышляет он теперь, Это, наверное, и было связано с ней, но потом он как будто рванулся вслед за чем-то сквозь потоки данных, не думая, что творит, точь-в-точь как механически нащупываешь нить основы и начинаешь тянуть, распуская всю ткань.

И то, что распустилось, — стало, в его понимании, схемой бытия. И за всем этим он обнаружил Харвуда, который был знаменит, но знаменит в смысле "быть знаменитым своей знаменитостью". Харвуд, который, как говорят, избрал президента. Харвуд — гений пиара, унаследовавший компанию "Харвуд Левин", самую мощную в мире пиаровскую фирму и изменивший ее самым серьезным образом, направив на совсем иные сферы влияния, но каким-то образом сумевший не стать жертвой механизма, производящего знаменитостей. Который мелет, как отлично знал Лэйни, очень мелко. Харвуд, который, предполо-

жительно, только предположительно, вращал все эти жернова, каким-то образом сумел не дать механизму защемить себе палец. Он, непонятно как, умудрялся быть знаменитым и при этом не казаться значительным, центром чего бы то ни было. В самом деле, на него почти никогда не обращали внимания, разве что когда он развелся с Марией Пас, и даже в тот раз героиней была сама звезда из Падании 1, блиставшая в конце каждого эпизода, и был Коди Харвуд, улыбавшийся из вереницы боковых экранов, окружающих изображение гипертекстовых ромбов: красавица и этот мягкий с виду, скрытный, демонстративно лишенный всякой харизмы миллиардер.

— Привет, — говорит Лэйни, его пальцы нашаривают рукоятку механического фонарика из Непала, примитивной вещицы, ее крохотный генератор приводит в движение механизм, похожий на скрепленные пружиной плоскогубцы. Накачав фонарь жизнью, он поднимает его, слабо мерцающий луч упирается в картонный потолок. Потолок плотно залеплен множеством наклеек, маленьких, прямоугольных, произведенных на заказ продавцом-автоматом, стоящим рядом с западным входом на станцию: все наклейки — разнообразные фото отшельника Харвуда.

Он не помнит, что вообще ходил к автомату, произвел простой поиск фотографий Харвуда и заплатил за их распечатку, но вполне допускает, что проделал все это. Потому что знает, откуда они взялись. И точно так же не помнит, как отдирал защитную пленку с каждого фото и прилеплял его к потолку. Но кто-то проделал и это.

— Я вижу тебя, — говорит Лэйни, рука его слабеет, от чего тусклый луч фонарика еще более мутнеет и окончательно гаснет.

4. ФОРМАЛЬНОЕ ОТСУТСТВИЕ ДРАГОЦЕННЫХ ВЕЩЕЙ

На Маркет-стрит: безымянный мужчина, наваждение узловых конфигураций Лэйни, только что видел девушку.

Утонувшая тридцать лет назад, она ступает, свежа, как первое творение, из бронзовых дверей какой-то маклерской конторы. И в тот же миг он вспоминает, что она мертва, а он — жив, и что это другое столетие, и что, вполне очевидно, это другая девушка, просто новенькая, с иголочки, незнакомка, с которой он никогда не заговорит.

Проходя мимо нее сквозь легкий расцвеченный туман подступающей ночи, он чуть заметно склоняет голову в честь той, другой, ушедшей давным-давно.

И вздыхает, — на нем длиннополое пальто, доспехи, которые он носит под ним, — один безропотный вдох и безропотный выдох, — он движется в толпе коммерсантов, спешащих из своих многочисленных контор. Они плывут по осенней улице в сторону выпивки, или обеда, или просто дома и сна, которые их ждут.

Но вот и та, с которой он никогда не заговорит, исчезает, и его омывает невыразимое чувство не то чтобы утраты, но какого-то острого осознания собственной протяженности во всем мире и во всех городах, а в этом городе — особенно.

Под его правой рукой, надежно укрытой, подвешен клинок, покоящийся, словно летучая мышь, вниз острием, лезвие отточено до тонкости хирургического скальпеля.

Клинок прихвачен магнитами, вставленными в нехитрую рукоятку из сплава никеля с серебром. Угольчатый кончик лезвия, вызывающий в памяти острый резец гравера, отклоняется в сторону пульсирующей под мышкой артерии, будто напоминая, что он тоже всего лишь в нескольких шагах от того места, куда ушла в безвременье уже так давно утонувшая девушка. В нескольких дюймах от той, другой, ждущей страны.

Его профессия — стражник у дверей в эту страну.

Если вынуть черное лезвие, оно превращается в ключ. Когда он держит его, он держит ветер в своей руке.

Дверь с нежным скрипом приотворяется.

Но он не спешит распахнуть ее настежь, и служащие фирм видят всего лишь седовласого

мужчину, строгого профессора, в серовато-зеленом пальто — такой цвет есть у некоторых сортов лишайников, — профессор часто моргает под изящной золотой оправой своих маленьких круглых очков и поднимает руку, чтобы остановить проезжающее такси. По какой-то причине коммерсанты вовсе не рвутся, как вполне бы могли, заявить свои права на экипаж, и мужчина проходит мимо них, его щеки исчерканы глубокими вертикальными морщинами, будто от старой привычки часто улыбаться. Никто не видит, как он улыбается.

Дао, напоминает он себе, застряв в пробке на Постстрит, старше Бога.

Он видит нищего попрошайку, сидящего под витриной ювелирной лавки. В витрине стоят небольшие пустые подставки, формальные отсутствия драгоценных вещей, запертых где-то на ночь. Нищий обмотал свои ноги коричневой бумажной пленкой, и эффект получился поразительный, словно он надел рыцарские латы, изготовленные из офисных материалов. Стройные икры, изящные ступни, элегантность, подобающая обладателю орденских лент. Поверх мотков пленки — сам человек, будто смазанное пятно, загогулина, его личность растерта бетоном

и неудачами. Он слился цветом с мостовой, его расовая принадлежность неопределенна.

Такси медленно продвигается вперед. Мужчина сует руку за пазуху, чтоб развернуть лезвие ножа от ребер. Он левша, и ему приходится часто задумываться о таких тонкостях.

Девушка, утонувшая так давно, ныне уже покоится на дне, утянута вниз вихрем рыжеватых волос и притупившихся воспоминаний, туда, где его юность мягко скрывается своими привычными волнами, и ему становится легче.

Прошлое — это прошлое, будущее еще бесформенно.

Есть только мгновение, и именно в нем он предпочитает пребывать.

И вот он склоняется, чтоб постучать водителю один раз в затемненную защитную перегородку.

Просит остановиться у моста.

Такси тормозит около изъеденной дождем свалки бетонных ловушек для танков, огромных ромбоидов в ржавых потеках, покрытых замысловатыми инициалами каких-то любовных парочек.

Эта дыра наверняка занимает почетное место в здешней романтической мифологии и является темой многих популярных баллад.

— Простите, сэр, — говорит ему таксист сквозь несколько слоев защитного пластика через цифровой переводчик, — не будете ли вы так любезны высадиться здесь? Этот район опасен. И я не смогу вас дожидаться.

Вопрос формальный, требование закона, во избежание неприятностей.

— Спасибо. Мне ничего не грозит. — Его английский так же формален, как у программы-переводчика.

Ему слышится мелодичный стрекот, его слова звучат на некоем азиатском наречии, которое он не может узнать. Карие глаза таксиста оглядывают его, мягкие и бесстрастные, сквозь защитные очки и щит безопасности — многократные слои отражений.

Водитель открывает магнитный замок.

Мужчина выходит из такси, расправляя пальто. За танковыми ловушками высятся ощетиненные, устремленные вниз террасы, лоскутная суперструктура, в которую завернут мост. Косвенно его мозг осознает: это знаменитое место, открытка для туристов, символ этого города.

Он закрывает дверь, и машина отъезжает, оставив после себя в воздухе карамельную сладость отработанного газойля.

***

Он стоит, глядя на мост, на посеребренную облицовку бессчетных крохотных жилищ, это напоминает ему фавелы в Рио, хотя масштаб составных частей несколько иной. В этой надстройке есть что-то сказочное по контрасту с опорными конструкциями основы моста. Индивидуальные укрытия — если это действительно укрытия — очень малы, пространство здесь доминирует. Он помнит, что видел вход в нижний дорожный ярус, по бокам освещенный оплывшими факелами, хотя теперь, как он знает, местные жители по большей части сотрудничают с городскими властями в борьбе со всеобщим загрязнением.

— "Плясуна" не желаете?

В тени между бетонными сооружениями она держит в ладонях миниатюрную склянку. Отвратительная гримаса как способ облегчить процесс торговли. Этот наркотик вызывает тотальное разрушение десен, порождая у тех немногих, кто переживает его, прочие побочные эффекты, характерный и жуткий оскал.

Он отвечает глазами, сила его твердого взгляда вызывает в ее глазах сполох паники, и она исчезает.

Рыжеватые волосы извиваются в бездне.

Он опускает взгляд на носки своих туфель. Черные и четко очерченные на фоне случайной мозаики утрамбованного мусора.

Он перешагивает пустую жестянку пива "Королевская кобра" и идет между двух ромбоидов прямо к мосту. Недобры их тени, сквозь которые он движется, тени от его ног словно лезвия еще более глубокой тьмы. Это зловещее место, куда приходят волки в ожидании слабых овец. Он не боится ни волков, ни прочих хищников, которых только мог породить город, — ни сегодня, никогда. Он просто представляет все себе в одно мгновение.

Он позволяет себе предвосхитить вид, который ожидает его за последним ромбоидом: некое чрево, врата в его мечту, в его память, где торговцы рыбой раскладывают свой товар на прилавках, устланных грязным льдом. Вечная толкотня, прилив и отлив, пульс города.

И выходит в ослепляющий свет, красный росчерк ложного неона тлеет над ровным изгибом сингапурского пластика.

Память предана.

Кто-то пробирается мимо, слишком близко, еле живой, плохо ориентируясь в темноте, магниты слетают с неясным щелчком, который скорее

чувствуешь, нежели слышишь. Он дотрагивается до лезвия, и пьяница, спотыкаясь, бредет дальше, слегка в забытьи.

Он возвращает рукоятку на место и холодно смотрит на непредвиденное новшество: "Счастливый дракон" — извивается аккуратная вывеска не то по плавнику, не то по пилону, чье основание, кажется, сложено из дюжин и дюжин видеомониторов.

5. СТАТИКА ПОД МАРЬЯЧИ

— Значит, она тебя бросила ради этого телепродюсера, — сказал исполнитель кантри, запихивая остатки тринадцати унций водки обратно за пояс джинсов цвета индиго, таких новых и тугих, что они поскрипывали. Вогнутая плоская бутылка примостилась под старинной пряжкой, похожей на гравированную мемориальную доску "кто-то когда-то где-то что-то завоевал", как решил Райделл, в честь победы на родео ил и в каком-нибудь другом соревновании. Райделл приспустил боковое стекло, оставив щель, чтобы выпускать клубы дыма.

— Продюсера-координатора, — сказал Райделл, желая, чтобы водка опять помогла его пассажиру, которого звали Бьюэлл Кридмор, задремать. Тот проспал изрядную часть пути, слегка похрапывая, на что Райделл не обращал внимания. Кридмор был другом или, скорее, знакомым Дариуса Уокера. Дариус некогда работал наркодилером в Южном Централе и подсел на свое же дерьмо. Ныне, излечившись, он проводил много времени с людьми, у которых были проблемы с наркотиками, пытаясь им как-то помочь. Рай-

делл решил считать Кридмора одним из них, хотя по всем внешним признакам парень был просто конченым алкашом.

— Спорим, та штучка надрала тебе задницу, — сказал Кридмор, глаза, залитые спиртным, напоминали щелочки. Он был невысокий, хрупкого сложения, будто ни разу не видал спортзала. Мышцы землекопа. То, что Райделл принял за налет искусственного загара, начало облезать, обнажая природную бледность. Выбеленные волосы, темные у корней, были зализаны назад и закреплены каким-то составом, будто парень только что вышел из душа. Однако вряд ли он был в душе, он потел, несмотря на включенный кондиционер.

— Ну, — сказал Райделл, — я решил, что на этот раз у нее есть право требовать своего.

— Что за либеральную лапшу из драной задницы ты мне вешаешь на уши? — спросил Кридмор. Он вытащил бутылку из-за пояса и, прищурившись, рассмотрел остатки жидкости, как плотник, проверяющий уровень. Оказалось, уровень не соответствовал его теперешнему стандарту, и он вернул бутылку на место, за мемориальную доску. — Что же ты за человек такой, а?

Райделл на секунду насладился мыслью при-

тормозить у обочины, поколотить Кридмора, бросить его прямо там же, на краю Пятой автострады, чтобы добраться спокойно до Сан-Франциско. Но делать он этого не стал и ничего не стал отвечать.

— Кобели не должны подставляться, как сучки, — вот что сегодня не в порядке с Америкой.

Райделл подумал о запрещенных приемах, о коротком и точном пережатии сонной артерии. Может, Кридмор даже не вспомнил бы, что Райделл с ним нечто этакое проделал. Но это не вырубит его полностью, по крайней мере, надолго, а Райделла еще в Ноксвилле научили, что нельзя рассчитывать на реакцию пьяницы, так как пьяница на все реагирует непредсказуемо.

— Эй, Бьюэлл, так чья же это все-таки машина? — спросил Райделл.

Райделл с самого начала подозревал, что машина могла быть краденой. На самом деле думать об этом он совсем не хотел, так как ему требовалось в кратчайшие сроки добраться до Северной Калифорнии. Билет на самолет ему пришлось бы выкраивать из выходного пособия "Счастливого дракона", а с тратой денег придется быть предельно осторожным, пока он не определится, светит ли чем-то полезным та странная байка Ямадзаки

— якобы в Сан-Франциско есть деньги, которые он вполне бы мог получить.

Ямадзаки темнит, сказал себе Райделл. Он так и не выяснил по-настоящему, чем, в сущности, тот занимается. Что-то вроде японского антрополога на вольных хлебах, изучающего американцев, вот и все, что мог понять Райделл. Возможно, японский эквивалент американцев, которых "Счастливый дракон" нанимал для того, чтобы рассказать им о необходимости "проверки поребрика". Хороший человек, этот Ямадзаки, вот только непонятно, откуда он появился. Последний раз, когда он говорил с Ямадзаки, тот хотел, чтобы Райделл нашел ему сетевого менеджера, и Райделл отправил к нему этого парня, Лэйни, поисковика данных, который только что ушел из "Слитскана" и шатался не у дел по Шато, имея здоровенный счет. Лэйни ухватился за предложение, отправился в Токио, и впоследствии Райделла уволили за то, что было названо "фамильярностью с гостями". Так вот, в общих чертах, и вышло, что Райделл оказался ночным охранником в захолустной лавчонке — потому что пытался помочь Ямадзаки.

И вот он гонит родстер "хокер-аиши" вверх по Пятой автостраде, и совершенно понятно, что его

ждет впереди, и вялое удивление, что он сейчас перевозит угнанный автомобиль через границу штата. И все потому, что Ямадзаки сказал, дескать, все тот же тип Лэйни в Токио хотел бы нанять его на какую-то "полевую" работу. Так именно и сказал Ямадзаки — "полевая работа".

И этого, особенно после того как он побеседовал с Дариусом, Райделлу хватило.

***

"Счастливый дракон" начал утомлять Райделла. К тому же он никогда толком не ладил с мистером Парком, и когда уходил на перерыв, на заднем дворе сразу после "проверки поребрика" настроение его совсем падало. Клочок земли, на котором был выстроен "Счастливый дракон", был словно выкопан экскаватором у подножия ближайшего холма, и в одном месте ничем не прикрытый, почти вертикальный срез был защищен от землетрясений с помощью странного каучукоподобного полимера серого цвета, не жидкого и не твердого, который напрочь схватывал почву и не без изыска был утыкан покрышками, так как раньше это место было автостоянкой. Покрышками и бутылками и прочей мусорной дрянью. В безотчетном страхе, который

стал испытывать во время этих перерывов на заднем дворе, он стал собирать пригоршнями камешки и изо всех сил швырять в полимер. При ударе они издавали неясный звук; в сущности, они полностью исчезали. Просто врезались в эту странную массу, и она затягивалась над ними как ни в чем не бывало. Райделл стал видеть в этом символ чего-то более значительного, будто он сам, подобно этим камешкам, летит через пространство и будто этот полимер — сама жизнь: затягивается над ним, не оставляя даже намека на то, что он когда-то жил.

Когда Дариус приходил на свой перерыв и говорил Райделлу, что пришло время вернуться в магазин, то иногда заставал Райделла за этим занятием — киданием камешков.

— Попади в покрышку, — советовал ему Дариус. — Кокни бутылку.

Но Райделлу не хотелось.

Когда Райделл поведал Дариусу о Ямадзаки и Лэйни и о деньгах, возможно ожидающих его в Сан-Франциско, Дариус выслушал очень внимательно, задал пару вопросов, а потом посоветовал Райделлу брать дело в свои руки.

— А как насчет договора? — спросил Райделл.

— Договора? Это же дерьмо, не работа! Спятил

ты, что ли?

— Льготы, — парировал Райделл.

— А ты хоть раз пользовался здешней медицинской страховкой? За ней надо гнать в Тихуану.

— Я так не могу, — сказал Райделл, — просто взять и свалить.

— Поэтому тебя и увольняют с любой работы, — объяснил Дариус, — я читал твое досье.

В общем, Райделл вручил мистеру Парку письменное заявление, и мистер Парк моментально уволил его, вспомнил многочисленные нарушения Райделлом порядков "Счастливого дракона" вплоть до предложения медицинской помощи жертве столкновения с автомобилем на Сансет — поступок, который, как настаивал мистер Парк, мог вовлечь головную корпорацию "Счастливого дракона" в разорительную тяжбу по поводу страховки.

— Но она вошла сюда без посторонней помощи, — запротестовал Райделл, — и все, что я сделал, — предложил ей бутылку чая со льдом и вызвал дорожный патруль.

— Пройдоха адвокат заявлять, чай со льдом вызвать у ней системный шок.

— В задницу шок.

Но мистер Парк знал, что если он уволит Рай-

делла, то расчетный чек будет меньше, чем если Райделл свалит по собственному желанию.

Хвалагосподу, которая обычно проливала слезу, если кто-то уходил, всплакнула, сдавила его в объятиях, а потом, когда он вышел из магазина, сунула ему тайком пару бразильских солнцезащитных очков с GPS 2, со встроенным телефоном и AM-FM-радио, чуть ли не самую дорогую статью ассортимента "Счастливого дракона". Райделл не захотел их принять, так как знал, что пропажа обязательно всплывет при ближайшей инвентаризации.

— В задницу инвентаризацию, — заявила Хвалагосподу.

Вернувшись в свою клетушку над гаражом миссис Сикевиц, в шести кварталах чуть ниже Сансет, Райделл вытянулся на узкой кровати и попытался заставить работать радио, встроенное в очки. Однако он смог поймать лишь статичные разряды, в которых еле-еле различалось что-то похожее на музыку марьячи.

Чуть больших успехов он добился с GPS, в левую дужку которых был вмонтирован пульт управления. Пятнадцатиканальный приемник, казалось, четко держал сигнал, но обучающая программа была переведена отвратительно, и все, что мог

делать Райделл, так это скользить с крупного плана на общий, как он вскорости понял, городской схемы Рио, а не Эл-Эй. Ну и пусть, решил он, снимая очки, я все равно разберусь с этой штучкой. Тут у левого виска запищал телефон, и он снова надел очки.

— Да?

— Райделл, здорово!

— Привет, Дариус!

— Хочешь завтра проехаться до Северной Калифорнии в клевой новенькой тачке?

— Кто туда навострился?

— Зовут Кридмор. Знает одного парня, с которым я знаком по программе.

У Райделла как-то был дядя, состоявший в масонах, и программа, где был занят Дариус, напомнила ему об этом.

— Да уж… Нет, в смысле, с ним все о'кей?

— Похоже, что нет, — радостно сказал Дариус. — Так что парню нужен водитель. У него есть трехнедельная электрическая тачка, которую позарез надо туда перевезти, и парень говорит, что на тачке можно ехать. Ты же работал шофером, так?

— Было дело.

— Короче, это бесплатно. Этот тип Кридмор

заплатит за подзарядку.

***

Вот таким образом Райделл оказался за рулем двухместного "хокер-аиши", одного из этих низкопосаженных клиновидных скоплений выставочных материалов, который, возможно, весил — без людей — чуть меньше парочки небольших мотоциклов. Казалось, во всем этом нет и грамма металла, просто обтекаемые сандвичи с легкой прослойкой, прошито для прочности угольными волокнами. Двигатель помещался сзади, а баки с горючим были распределены равномерно внутри самих сандвичей, одновременно служивших и шасси и кузовом. Райделл и знать не хотел, что случится, если во что-нибудь врежешься на такой таратайке.

Однако она, черт возьми, почти совсем не шумела, превосходно слушалась и неслась вперед, как летучая мышь, только придай ей скорость. Что-то в этой машине напоминало Райделлу о горизонтальном велосипеде, на котором он когда-то ездил, только здесь не нужно было жать на педали.

— Ты так мне и не сказал, чья это тачка, — напомнил Райделл Кридмору, только что про-

глотившему последние остатки водки на два пальца.

— Одного дружка, — сказал Кридмор, приспустив стекло и выкинув пустую бутылку.

— Эй, — сказал Райделл, — это десять баксов штрафу, они тебя сцапают.

— Они могут на прощанье поцеловать нас в задницу — вот что они могут, — ответил Кридмор. — Сучьи ублюдки, — добавил он, после чего закрыл глаза и уснул.

Райделл вдруг обнаружил, что опять вспоминает о Шеветте. Жалея, что вообще позволил "певцу" втянуть себя в разговор. Он знал, что не хочет об этом думать.

Просто жми вперед, вот и все, сказал он себе.

На коричневом склоне холма, справа от трассы, белые крылья чьей-то ветряной мельницы. Поздний свет полдневного солнца.

Просто жми вперед, вот и все.

6. СИЛЕНЦИО

Силенцио достается носить. Он самый маленький, кажется почти пацаном. Он сам не торчок, но если копы схватят его, он будет молчать. Во всяком случае, про гадость.

Силенцио уже какое-то время таскается за Крысу-ком и Плейбоем, смотрит, как они торчат, как они добывают бабки, которые им нужны, чтобы торчать еще и еще. Крысук делается злым, когда ему хочется заторчать, и Силенцио навострился в таких случаях держаться подальше от его ног и кулаков.

У Крысука длинный узкий череп, он носит контактные линзы с вертикальными радужками, как у змеи. Силенцио интересно: специально ли Крысук придумал выглядеть будто крыса, проглотившая змею, и теперь эта змея глядит наружу сквозь глазницы крысы? Плейбой говорит, что Крысук — это pinche Chupacabra 3 из Уотсонвилля, а они все там так выглядят.

Плейбой крупный, его туша обтянута длинным прямым пальто, под которое надеты джинсы и старые рабочие сапоги. Он носит усы а-ля Панчо Вилья 4, желтые очки авиатора и черную фе-

дору 5. Он подобрее с Силенцио, покупает ему буррито 6 с лотков, воду, жестянки попкорна, а один раз купил большую картонку фруктового напитка с мякотью.

Силенцио интересно, а может, Плейбой — его отец? Он не знает, кем бы мог быть его отец. Его мать чокнутая, торчит в своем Лос-Прожектосе 7. На самом деле он вовсе не думает, что Плейбой — его отец, потому что помнит, как встретил Плейбоя на рынке на Брайент-стрит, и это вышло по чистой случайности, но иногда ему все-таки интересно — когда Плейбой покупает ему поесть.

Силенцио уселся и смотрит, как Крысук и Плейбой торчат, прямо за этим пустым лотком, воняющим гнилыми яблоками. Крысук сунул в рот небольшой фонарик, поэтому видит, что делает. Сегодня черная ночь, и Крысук надрезает маленькую пластиковую трубку специальным ножом, рукоятка длинней, чем короткое гнутое лезвие. Все трое сидят на пластиковых упаковочных ящиках.

Крысук и Плейбой торчат от черного два, а может, три раза в сутки — и днем и ночью. Три раза по черному, а потом им нужно заторчать и от белого. Белое подороже, но когда слишком много

черного, они начинают говорить быстро-быстро, а может, и видят людей, которых тут нет. "Разговор с Иисусом" — так это называет Плейбой, но белое он называет "прогулка с королем". Но это совсем не прогулка: от белого они не двигаются, молчат и спят. Силенцио предпочитает белые ночи.

Силенцио знает, что они покупают белое у черных, а черное — у белых, и думает, что это и есть тайна, что изображена на картинке, которую Крысук носит на цепочке на шее: черная слеза и белая слеза, изгибаясь, сливаются вместе, чтоб получилась окружность; в белой слезе небольшой кружок черного, в черной слезе — небольшой кружок белого.

Чтобы добыть деньги, они заговаривают с людьми, обычно в темных местах, так что люди пугаются. Иногда Крысук показывает им нож, а Плейбой в это время держит их за руки, чтобы не убежали. Деньги — внутри маленьких пластиковых чеков, на которых напечатаны бегущие картинки. Силенцио хотел бы оставлять у себя эти чеки, когда все деньги в них кончаются, но делать так не разрешается. Плейбой от них избавляется, тщательно перед тем протирая. Он бросает их в щели на обочине улицы. Он не хочет,

чтобы на них оставались отпечатки его пальцев. Иногда Крысук делает людям больно, чтобы они ему выдали заклинания, которые вызывают деньги из бегущих картинок. Заклинания — это фамилии, буквы и цифры. Силенцио знает все заклинания, которые выучили Крысук и Плейбой, но сами они об этом не знают; если бы он им сказал, они бы, наверное, рассердились.

Все трое спят в комнате, которая в Миссии. Плейбой сразу стаскивает матрац с кровати и кладет его на пол. Плейбой спит на матраце. Крысук — на голой кровати. Силенцио спит на полу.

Крысук разрезает трубку и кладет половину черного на палец Плейбоя. Плейбой лижет свой палец, чтобы черное прилепилось. Плейбой сует палец в рот и втирает черное в десны. Силенцио интересно, какое оно на вкус, но он не хочет разговаривать с Иисусом. Теперь и Крысук втирает черное в десны, фонарик забыт и зажат в свободной руке. Крысук и Плейбой похожи на идиотов, но Силенцио не смешно. Скоро им снова захочется заторчать, а черное даст им энергию, чтобы добыть необходимые для этого деньги. Силенцио знает, что денег нет, потому что все они не ели со вчерашнего дня.

Обычно они находят людей в темных местах

между большими фигурами в начале Брайент-стрит, но теперь Крысук думает, что полиция наблюдает за теми местами. Крысук как-то рассказывал Силенцио, что полиция видит и в темноте. Однажды Силенцио посмотрел на полицейских, когда они проезжали мимо в своих машинах, и ему стало очень интересно, как это полиция видит и в темноте.

***

Но сегодняшней ночью Крысук вывел их на охоту на мост, где живут люди, и говорит, что здесь они найдут деньги. Плейбою не нравится этот мост, потому что люди с моста, говорит он, все pinche 8; они не любят, когда на их территории орудуют чужаки. Крысук же уверен, что чует удачу.

Крысук швыряет пустой пузырек в темноту, и Силенцио слышит, как тот обо что-то стукается, издав еле слышный звук.

Змеиные зрачки Крысука расширены от черного. Он проводит пятерней по волосам от лба до затылка и делает знак рукой. Плейбой и Силенцио следуют за ним.

Силенцио второй раз проходит вдоль винного погреба, следя за мужчиной в длинном пальто,

пока тот сидит за маленьким белым столиком, пьет свой кофе.

Крысук говорит, какое клевое пальто. Смотри, какие у старика очки, говорит Крысук, они же золотые. Силенцио склонен думать, что у Плейбоя тоже золотые, но у плейбоевских желтые стекла. А у очков мужчины — простые. У него седые, очень коротко стриженные волосы, и глубокие морщины прорезали лицо. Он сидит в одиночестве, глядя на самую маленькую чашечку кофе, какую Силенцио видал в жизни. Кукольная чашечка.

Они дошли за стариком до этого места. Он шел в направлении Острова Сокровищ. Плейбой говорит, что это место на мосту — для туристов. Здесь есть винные погреба, магазины со стеклянными окнами, много прохожих.

Теперь они ждут, чтобы понять, куда двинет старик, покончив со своим лилипутским кофе. Если он двинет обратно, в сторону Брайент-стрит, тогда будут трудности. Если двинет дальше на Остров, Крысук и Плейбой будут счастливы.

Обязанность Силенцио — дать им понять, что мужчина уходит.

Силенцио, проходя мимо, чувствует на себе взгляд старика, но старик лишь рассматривает

толпу.

Силенцио смотрит, как Крысук и Плейбой идут за мужчиной к Острову Сокровищ.

Теперь они на нижнем ярусе моста, и Силенцио время от времени смотрит наверх, на дно верхней палубы — краска ее облупилась. Это напоминает ему о стене в Лос-Прожектосе. Здесь почти нет людей. Почти нет огней. Человек идет легкой походкой. Он не торопится. Силенцио чувствует, что человек всего лишь прогуливается, что идти ему, собственно, некуда. Силенцио чувствует, что человеку ничего не нужно: он не ищет денег, чтобы поесть или заторчать. Должно быть, потому что у него и так есть деньги, которые нужны, чтобы поесть или заторчать, и именно по этой причине Крысук и Плейбой выбрали его, они поняли, что у него есть деньги, которые им нужны.

Крысук и Плейбой стараются идти рядом с мужчиной, но отстают. Идут на расстоянии. Плейбой держит руки в карманах своего большого пальто. Он снял очки с желтыми стеклами, под глазами у него черные круги, как у всех, что торчит на черном. Он выглядит печальным, когда собирается добыть деньги, чтобы заторчать. Он выглядит так, будто слушает очень внимательно.

Силенцио следует за этими троими, время от

времени оглядываясь. В данный момент его работа — дать им знать, если кто-то появится.

Человек останавливается и смотрит в витрину магазина. Силенцио делает шаг назад и прячется за тележкой, груженной рулонами пластика, видит, как Крысук и Плейбой встают за другими укрытиями на тот случай, если человек оглянется. Человек не делает этого, но Силенцио интересно, отражается ли в витрине улица. Силенцио сам смотрит в витрину.

Человек не оглядывается. Он стоит, держа руки в карманах длинного пальто, и смотрит в витрину.

Силенцио расстегивает джинсы и тихонько мочится на рулоны пластика, осторожно, чтобы не наделать шума. Застегивая джинсы, он видит, что человек отошел от витрины и по-прежнему движется в сторону Острова Сокровищ, где, говорит Плейбой, есть люди, которые живут как звери. У Силенцио, видавшего в жизни лишь собак, голубей и чаек, в голове моментально возникает картинка: крылатые люди с клыками собаки. Раз возникнув, картинка остается в голове у Силенцио.

Выйдя из-за тележки одновременно с Крысуком и Плейбоем, решившими и дальше преследо-

вать человека, Силенцио замечает, как тот вдруг сворачивает направо. Исчез. Человек исчез. Силенцио яростно моргает, трет кулаками глаза и смотрит еще раз. Крысук и Плейбой прибавили шагу. Они не пытаются прятаться. Силенцио тоже скачет вприпрыжку, чтобы не потеряться, и оказывается на том месте, где свернул человек. Узкая спина Крысука скрывается за углом вслед за Плейбоем и исчезает.

Силенцио замирает. Чувствует, как колотится сердце. Делает шаг вперед и выглядывает из-за угла.

Это место, где по всем признакам должен быть магазин, но магазина там нет. Сверху свисают широкие листы пластика. Деревянные брусья, сплошные рулоны пластика. Человек стоит там.

Он стоит у дальней стены здания и переводит взгляд с Плейбоя на Крысука, с Крысука на Силенцио. Смотрит сквозь круглые стекла очков. Силенцио чувствует, что человек спокоен.

Плейбой направляется к человеку, перешагивая брусья и пластик. Плейбой молчит. Руки он все еще держит в карманах пальто. Крысук не двигается, он наготове и на глазах человека вытаскивает свой нож, щелчком раскрывает его выразительным жестом, приготовляясь.

Лицо человека не дрогнуло, а Силенцио помнит лица других людей и страх в их глазах, когда они видели нож Крысука.

В этот момент Плейбой спрыгивает с деревянного бруса, выдергивает руки из карманов, чтобы схватить человека за плечи и резко повернуть. Вот как все делается.

Силенцио видит, что человек слегка пошевелился, а может, ему это кажется.

Все замирают.

Силенцио точно видел, как левая рука человека рванулась под складки длинного пальто, которое только что было застегнуто. Но он не заметил, как получилось, что человек стоит, почти уже уперев свой кулак Плейбою в середину грудной клетки, выставив большой палец. Плейбой остолбенел. Его руки нелепо застыли, пальцы растопырены.

Силенцио смотрит, как Плейбоевы руки хватают воздух. Правая рука человека медленно поднимается, чтобы оттолкнуть Плейбоя, и из Плейбоевой грудной клетки медленно появляется тонкая черная штуковина. Силенцио становится интересно, давно ли он там ее прятал, а Плейбой навзничь валится на рулоны пластика и деревянные брусья.

Силенцио слышит, как кто-то кричит pinche

madre 9, и это, конечно, Крысук. Когда Крысук торчит от черного и дерется, он очень быстрый, и ни за что не угадаешь, что он сделает; он калечит людей и трясется, смеясь, оскаливая зубы. Сейчас он прыгает вниз по рулонам пластика, будто летит, нож сверкает в его руке, и перед глазами Силенцио возникает картинка про человека с крыльями и клыками собаки, а оскал Крысука точно такой, его змеиные зрачки расширены от черного.

И черная штука, как длинный и влажный палец, протыкает насквозь шею Крысука. И все замирает снова.

Потом Крысук пытается что-то сказать, кровь выступает в него на губах. Он хочет достать своим ножом человека, но нож рассекает лишь воздух и, наконец, выпадает из руки Крысука.

Человек вынимает черную штуковину из горла Крысука. Крысук шатается на ослабевших ногах, и Силенцио вспоминает, как тот, бывало, перебе-рет белого и пытается ходить. Крысук пытается обеими руками сжать горло. Его губы шевелятся, но слова не выходят. Один из змеиных глаз Крысука выпадает. Под ним настоящий глаз, круглый и карий.

Крысук валится на колени, все еще сжимая

горло руками. Его глаза — змеиный и карий — глядят снизу на человека, и Силенцио чувствует, что смотрят они уже из другого мира и видят уже другие картины.

Из горла Крысука вырывается негромкий слабый звук, после чего он заваливается назад, по-прежнему стоя на дрожащих коленях, падает на спину с широко разведенными коленями, поджав обе ноги под задницу.

Силенцио видно, как серые штаны Крысука темнеют в промежности.

Силенцио смотрит на человека. Тот глядит на него.

Силенцио смотрит на черный клинок, тот спокоен в руке человека. Чувствуется, что клинок владеет человеком, а не человек — клинком. Что клинок может дать человеку команду действовать.

Но вот человек поворачивается. Кончик клинка почти квадратный, будто обрубленный. Клинок поворачивается еле заметно. Силенцио понимает, что должен что-то предпринять.

Он делает шажок вбок, чтобы человек его видел.

Клинок поворачивается. Силенцио понимает.

Ближе.

7. КОНДОМИНИУМ

Однажды Тесса сказала Шеветте: оставь без присмотра пустой дом в Малибу — и кто ни попадя сползет с холмов и станет варганить барбекю из собак у тебя в камине.

От этой швали трудно избавиться, а замки их ничуть не смущают. Вот почему нормальные люди, привыкшие жить здесь еще до Слива, охотно сдают свои дома студентам.

Тесса была австралийкой, студенткой, изучавшей теорию медиа в университете в Южной Калифорнии, и причиной, по которой Шеветта жила здесь, в основном валяясь на диване.

Ко всему вышесказанному добавьте тот факт, что у Шеветты не было ни работы, ни денег, и она только что сбежала от Карсона.

Тесса сказала, что Карсон был на редкость драчливым куском дерьма.

И поглядите, куда меня занесло, думала Шеветта, накручивая педали на тренажере, который имитировал швейцарскую горную дорогу, и стараясь игнорировать вонь заросшей плесенью прачечной, которая находилась за кирпичной перегородкой. Кто-то оставил мокрое белье пря-

мо в машине, скорее всего в прошлый вторник, перед пожаром, и теперь оно там прокисало.

И это было просто ужасно, поскольку весьма затрудняло велогонки на тренажере. Этот тренажер мог принимать конфигурацию разных велосипедов и создавать иллюзию разных ландшафтов, но Шеветта обожала именно этот старомодный десятискоростник со стальною рамой, на котором она легко одолевала горную дорогу, да так, что альпийские цветы по обочине размывались в неясные полосы по периферии зрения. Другим ее любимчиком был "крейсер" на шинах-аэростатах для гонок по пляжу, что было неплохо в Малибу, потому что в реальности гонять по пляжу было нельзя, если, конечно, вам не хотелось карабкаться через ржавую колючую проволоку и игнорировать предупреждения "ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ", торчащие через каждую сотню футов.

Однако вонь от прокисших гимнастических носков продолжала догонять ее, и не было в этой вони ни намека на цветущие альпийские луга, и вонь говорила Шеветте, что у нее нет ни цента и нет работы, и что она прозябает в кондоминиуме в Малибу.

***

Дом стоял прямо на пляже, проволока тянулась примерно в тридцати футах от черты прибоя. Никто не знал точно, что же "слилось", так как правительство упорно молчало. Что-то с грузового судна, говорили одни, а другие твердили, что это было судно с отходами, затонувшее в шторм. Однако правительство использовало наноботы 10, чтобы все расчистить; все на это рассчитывали, и вот почему ходил слух, что гулять на пляже не стоит.

Шеветта нашла тренажер на следующий же день, как попала сюда, и гоняла на нем два-три раза в день или, как в этот раз, глубокой ночью. Казалось, больше никто не проявлял к нему интереса и даже не заглядывал в эту маленькую комнатенку, пристрой гаража, рядом с прачечной, и это ее вполне устраивало. Живя на мосту, она привыкла быть среди людей, но там, наверху, каждый всегда занимался делом. В кондоминиуме было полно студентов из университета, занимавшихся теорией медиа, и они ей действовали на нервы. Они сидели повсюду, весь день торчали в сети и трепались об этом и, казалось, ровным счетом ничего не делали.

Она почувствовала, что повязка интерфейсвизора промокла и пот потек по лицу. Она сейчас

здорово вжарила; ощущалось напряжение именно тех мышц спины, до которых обычно дело не доходило.

Тренажер гораздо лучше справлялся с имитацией желто-зеленого велосипедного лака, чем с рычагами переключения скоростей, — она обратила на это внимание. Рычаги были какие-то мультяшные, дорожное покрытие неслось под ними, смазываясь в стандартную текстурную карту. Облака, наверное, тоже были "условным обозначением", подними она взгляд; обычная стандартная фрактальная ерунда.

Она была определенно не слишком счастлива от своего пребывания здесь, да и от своей жизни в общем и целом на данном этапе. Она разговорилась об этом с Тессой после обеда. Ну, скажем так, разругалась.

Тесса хотела снять документальный фильм. Шеветта знала, что такое документальный фильм — Карсон работал на телеканал "Реальность", по которому шли исключительно документальные фильмы, так что Шеветте в свое время пришлось просмотреть их сотнями. В результате, как считала она, теперь у нее была масса информации ни о чем конкретном, в том числе ничего конкретного о том, что ей вроде бы реально стоило знать.

Например, что конкретно ей делать теперь, раз уж жизнь занесла ее в такое место.

Тесса хотела съездить с ней в Сан-Франциско, но Шеветта испытывала смешанные чувства по этому поводу. Темой документального фильма, который желала снять Тесса, были маргинальные сообщества, и Тесса сказала, что, дескать, Шеветта как раз принадлежала к одному из них, потому что жила на мосту. "Маргинальный" значит "находящийся на обочине", и Шеветта считала, что в этом определении, как ни крути, есть толика смысла.

И она действительно скучала по жизни там, наверху, скучала по людям, но ей не хотелось об этом думать. Из-за того, как все сложилось после ее приезда сюда, и из-за того, что ни с кем не общалась.

Просто жми на педали, сказала она себе, уже достигнув иллюзорной вершины. Переключи передачу еще раз. Жми еще сильней. Поверхность дороги местами стеклянно поблескивала, так как Шеветта превысила скорость смены образов симулятора.

— Наезд, — голос Тессы.

— Черт, — сказала Шеветта, сорвав с лица визор.

Платформа камеры, как надутая гелием подушка из серебристого майлара, на уровне глаз в открытом дверном проеме. Детская игрушка с небольшими пропеллерами, заключенными в клетки, управляется из спальни Тессы. Световое кольцо отразилось в раструбе объектива, когда он начал растягиваться, "наезжая".

Пропеллеры смазались в серое, вынесли платформу в дверь, остановка; вновь смазались в серое, разворот. Конструкция покачалась там, пока не обрела устойчивость из-за балласта подвешенной снизу камеры. "Маленькая Игрушка Бога", так окрестила Тесса свой серебристый воздушный шар. Бестелесный глаз. Она посылала его в медлительные круизы по дому, добывая фрагменты образов. Каждый, кто жил здесь, непрерывно снимал на пленку кого-то другого, за исключением Йена; Йен носил стоп-кадр-костюм, даже спал в нем и записывал свои собственные движения.

Тренажер, простая машина для трюков, почувствовал, что Шеветта утратила фокусировку, тяжко вздохнул, замедляясь, сложная система гидравлических приводов начала перестраиваться. Узкое клиновидное сиденье между ее бедер расширилось, раскинулось, чтобы охватить яго-

дицы в режиме "бич-байк". Ручки руля пошли вверх, приподнимая ее руки. Она продолжала крутить педали, но тренажер начал потихоньку тормозить.

***

— Сожалею, — голос Тессы из крохотной колонки. Но Шеветта знала, что Тесса не сожалеет.

— Я тоже, — сказала Шеветта, когда педали проделали финальный полуоборот, защелкнув замки для спуска. Она толкнула ограждения вверх и спустилась на землю, неловко толкнув платформу и испортив Тессе кадр.

— Une petite problemette 11. У тебя, я так думаю.

— Что?

— Пойдем на кухню, и я тебе покажу. — Тесса запустила один из пучков пропеллеров в обратную сторону, заставив платформу повернуться на оси. Потом направила два пучка вперед, и платформа поплыла обратно через дверной проем, в гараж. Шеветта проследовала за ней, стянув полотенце с гвоздя, вбитого в дверной косяк. Закрыла за собой дверь. Стоило бы закрыть ее на все время тренировки, но она забыла. "Маленькая Игрушка Бога" не умела открывать двери.

Полотенце нуждалось в стирке. Чуточку жест-

коватое, но не зловонное. Она вытирала им пот с подмышек и груди. Она догнала воздушный шар, поднырнула под него и оказалась на кухне.

Почувствовала, как в спешке скрываются тараканы. Каждая плоская поверхность, за исключением двери, была занята немытой посудой, пустыми бутылками, деталями съемочного оборудования. За день до пожара у них была вечеринка, и никто до сих пор не прибрался.

Сейчас здесь нет света, только пара огней сигнальных устройств и методичное перемигивание охранной системы, переключавшейся с одной внешней камеры ночного видения на другую. 4:32 ночи в углу экрана. Наверное, почти половину системы охранники отключили, потому что люди входили и выходили весь день, и снаружи всегда кто-нибудь был.

Жужжание платформы, которую Тесса подняла сзади над ее головой.

— В чем дело? — спросила Шеветта.

— Наблюдай за проездом.

Шеветта подвинулась поближе к экрану. Палуба, нависшая над песком… Пространство между их домом и соседним… Проезд. И машина Карсона, прямо там.

— Дерьмо, — сказала Шеветта, когда изоб-

ражение "лексуса" сменилось изображением пространства между домами с другой стороны, а потом панорамой камеры из-под палубы.

— Стоит там с 3:42. Палуба…

— Как он меня нашел? Между домами…

— Сетевой поиск, наверно. Сличение образов. Кто-то скачивал фотографии с вечеринки. Ты была на нескольких.

"Лексус" в проезде. Пустой.

— Где он?

Между домами… Под палубой…

— Без понятия, — сказала Тесса.

— А где ты?

Еще раз палуба. Посмотришь на такое, и начнут мерещиться вещи, которых нет. Она опустила взгляд на хлам, заваливший стойку, и увидела там мясницкий тесак в фут длиной, лежащий в остатках шоколадного торта, лезвие все залеплено засохшим кремом.

— Пролетом выше, — сказала Тесса. — Тебе лучше подняться.

Шеветта вдруг замерзла в своих коротких велосипедных шортах и майке. Ее охватил озноб. Перешла из кухни в гостиную. Предрассветная серость сквозь стеклянные стены. Англичанин Йен лежал, растянувшись, слегка похрапывая, на

длинной кожаной кушетке, красный светодиод на стоп-кадр-костюме помигивал на его груди. Нижняя часть лица Йена всегда казалась Шеветте не в фокусе; зубы неровные, цвет лица такой, будто он слегка навеселе. Чокнутый, считала Тесса. И он никогда не менял костюм, в котором спал сейчас; шнуровал его туго, как корсет.

Что-то пробормотал во сне и повернулся на бок, когда она прошла мимо.

Она стояла в нескольких дюймах от стекла, ощущая сырость, которой тянуло снаружи. На палубе — ничего, только призрачный белый стул, пустые пивные жестянки. Где же он?

Лестница на второй этаж была винтовой, клиновидные ступени из очень толстой доски закручивались вокруг металлической стойки. По этой лестнице она и пошла, углеродно-волоконные педальные скобы в подошвах туфель клацали при каждом шаге.

Тесса ждала на самом верху, стройная белокурая тень, утопленная в мохнатом пальто, которое, как знала Шеветта, при солнечном освещении было темно-оранжевым.

— У соседнего подъезда припаркован фургон, — сказала она. — Погнали!

— Куда?

— Вверх по берегу. Мой грант утвержден. Я не спала, говорила с мамой, и как раз ей об этом рассказывала, когда явился твой друг.

— Может, он просто хочет поговорить, — сказала Шеветта. Она однажды поведала Тессе, как он ее избил, и теперь сожалела об этом.

— Не уверена, что на это стоит надеяться. Мы уезжаем, о'кей? Видишь? Я упаковалась. — Раздутый ромб мешка со съемочной техникой, свисающий с плеча, шлепал по бедру.

— А я нет, — сказала Шеветта.

— А ты и не распаковывалась, помнишь? — что было правдой. — Мы выйдем с тобой через палубу, обогнем дом Барбары, и сразу в фургон: считай, мы свалили.

— Нет, — сказала Шеветта, — давай всех разбудим, включим внешний свет. Что он нам сделает?

— Не знаю, что он сможет нам сделать. Но он всегда сумеет вернуться. Теперь он знает, что ты живешь здесь. Тебе нельзя оставаться.

— Я не думаю, что он снова захочет мне навредить, Тесса.

— Ты хочешь с ним жить?

— Нет.

— Ты приглашала его сюда?

— Нет.

— Хочешь с ним повидаться?

Колебание.

— Нет.

— Тогда тащи свою сумку. — Тесса прошла мимо нее, толкнула, прокладывая путь мешком. — Живо, — добавила она, уже спускаясь по лестнице.

Шеветта открыла было рот, чтобы что-то сказать. Повернулась, пошла на ощупь вдоль коридора к двери в свою комнату. Бывший чулан, вот чем было это помещение, хотя внутри попросторнее, чем в некоторых домах на мосту. Когда открывалась дверь, на потолке вырастал льдистый купол. Кто-то вырезал толстый шмат пены размером с ширину пола и занимавший около половины узкого пространства без окон, между изысканной стойкой для обуви из какой-то светлой твердой тропической древесины и плинтусом из того же материала. Шеветта никогда не видела изделий из дерева, столь надежно собранных. Весь дом был такой под слоем брошенного скарба, и она часто гадала, кто жил здесь раньше и что он и чувствовали, зная, что уезжают. Кем бы они ни были, судя по обувной полке, туфель у них было больше, чем у Шеветты за всю ее жизнь.

Ее рюкзак валялся на краю узкой кровати из

пены. Как и сказала Тесса, все еще нераспакованный. Хотя открытый. Косметичка со всякой всячиной брошена рядом. Старая байкерская куртка Скиннера висит над кроватью, плечи расправлены и сидят уверенно на резных деревянных плечиках. Некогда черная конская кожа вытерлась и стала почти серой. Куртка старше тебя, сказал он однажды. Новые черные джинсы на перекладине рядом с курткой. Она стянула их вниз и скинула с ног велотуфли. Надела джинсы поверх шорт. Достала черную водолазку из раскрытой пасти рюкзака. Ощутила запах чистого хлопка, натянув ее через голову, — она все постирала, еще у Карсона, когда решила, что уйдет от него. Поставив ногу на край кровати, зашнуровала шипованные штурмовые ботинки; обошлась без носков. Встала и сняла куртку Скиннера с плечиков. Куртка была тяжелой, как будто помнила тяжесть лошади. Надев ее, Шеветта почувствовала себя в большей безопасности. Вспомнила, как всегда ездила в ней по Сан-Франциско, несмотря на ее изрядную тяжесть. Как броня.

— Пошли давай, — Тесса тихо зовет из гостиной.

Тесса однажды явилась к Карсону с какой-то девицей из Южной Африки в день их первой с

Шеветтой встречи, чтобы взять у него интервью о работе на канале "Реальность". Что-то сработало; Шеветта улыбалась в ответ тощей блондинке, чьи черты были великоваты для ее лица, но она выглядела на все сто, смеялась и казалась умной.

Слишком умна, подумала Шеветта, запихивая косметичку в рюкзак, потому что теперь она все же собиралась с ней в Сан-Франциско, не будучи до конца уверенной в правильности этой идеи.

— Пошли давай.

Нагнулась, чтобы до конца втиснуть косметичку в рюкзак, защелкнула замок. Забросила рюкзак на плечо. Взглянула на велотуфли. Нет времени. Вышла и закрыла дверь чулана.

Наткнулась на Тессу в гостиной; та проверяла, отключена ли сигнализация на раздвижных стеклянных дверях.

Йен рычал, колошматя что-то во сне.

Тесса потянула одну из дверей, открыв ее ровно настолько, чтобы можно было протиснуться, рама проскрежетала по заржавевшему пазу. Шеветта ощутила холодное дыхание моря. Тесса вышла наружу, просунула руку, вытащила свой мешок со съемочным оборудованием.

Шеветта вышла следом, рюкзак клацнул о раму. Что-то слегка коснулось ее волос, Тесса, вы-

тянув руку, поймала "Маленькую Игрушку Бога". Она протянула ее Шеветте, та взяла ее за одну из клеток, окружавших пропеллеры; платформа казалась совсем невесомой и хрупкой, такую легко сломать. Потом они с Тессой взялись за дверную ручку и совместным усилием медленно закрыли ее, превозмогая трение механизма.

Шеветта выпрямилась, обернулась, с опаской глянув на светлеющую массу, единственный признак океана в этот час, на черные петли колючей проволоки и ощутила что-то похожее на головокружение, как будто всего на одну секунду встала на самый край крутящегося мира. К ней раньше уже приходило такое чувство, там, на мосту, на крыше лачуги Скиннера: будто стоишь на самой высокой точке мира, когда просто стоишь там, в тумане, поглотившем бухту, возвращающем эхом все звуки с иного, нового расстояния.

Тесса спустилась к пляжу по четырем ступенькам, и Шеветта услышала, как песок скрипит под ее каблуками. Было так тихо… Она вздрогнула. Тесса пригнулась, проверяя, нет ли кого под палубой. Где же он?..

***

Они так его и не увидели, по крайней мере,

там и тогда, с трудом пробираясь сквозь зыбучий песок, миновав персональную палубу старой Барбары, где широченные окна были сплошь заклеены рваной фольгой и побуревшим от солнца картоном. Барбара была владелицей кондоминиума вплоть до самого Слива, теперь ее редко видели. Тесса попыталась как-то уговорить ее сняться в своем фильме — маргинальное сообщество из одного человека, ставшего отшельником в своем доме. Шеветте подумалось, не подглядывает ли сейчас Барбара за их побегом. Вдоль дома и за угол, потом между ним и соседним, туда, где ждал фургон Тессы, почти кубической формы, цветная раскраска облезла от песчаного ветра.

С каждым новым шагом все это больше походило на сон, и вот уже Тесса отпирает фургон, сначала посветив фонариком внутрь кабины, проверяя, не ждет ли там он, и когда Шеветта вскарабкивается на пассажирское место и устраивается на скрипучем сиденье — одеяло привязано к рваному пластику специальным шнуром для прыжков с моста, — она понимает, что уезжает.

Куда-то.

И это ей нравится.

8. ДЫРА

Дрейф.

Лэйни дрейфует.

Вот что он, в сущности, делает. Он знает: все, что для этого нужно, — забыть о страхе. Он признает случайность.

Опасность признания случайности в том, что случайность может признать Дыру.

Дыра — это то, вокруг чего смонтирована личность Лэйни. Дыра — это отсутствие фундаментальной сердцевины. Дыра — это то, во что он вечно запихивал вещи: наркотики, карьеру, женщин, информацию.

По большей части — с недавних пор — информацию.

Информацию. Этот поток. Эту… коррозию.

Дрейф.

Однажды, еще до того, как он перебрался в Токио, Лэйни проснулся в спальне своего люкса в Шато.

Было темно, лишь шуршание шин откуда-то сверху, с Сансет; глухое стрекотание вертолета, охотившегося над холмами позади.

И Дыра, прямо там, рядом с ним, в одиноком

размахе его королевских размеров кровати.

Дыра, очень близкая, персональная.

9. МГНОВЕНИЕ

Правильные пирамиды фруктов под жужжащим неоном.

Человек наблюдает за тем, как мальчик опустошает второй литр сока с мякотью, заглатывая все содержимое высокого пластикового стакана непрерывным потоком без видимых усилий.

— Не стоит пить холодные напитки так быстро.

Мальчик глядит на него. Между взором мальчика и его душой нет ничего: отсутствие маски. Отсутствие личности. Он, по всей видимости, не глухой, потому что понял предложение выпить прохладительного. Но пока ничто не свидетельствует о том, что он наделен даром речи.

— Говоришь по-испански? — сказано на мадридском наречии, не звучавшем на его устах долгие годы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с первым и смотрит на человека. Страха в нем нет.

— Люди, которые на меня напали, — это были твои друзья? — приподняв одну бровь. Совсем ничего.

— Сколько тебе лет?

Старше, думает человек, своего эмоционального возраста. Намек на сбритую щетину в уголках верхней губы. Карие глаза чисты и безмятежны.

Мальчик разглядывает два пустых пластиковых стакана на исцарапанной металлической стойке. Поднимает взгляд на мужчину.

— Еще? Ты хочешь пить еще?

Мальчик кивает.

Человек делает знак итальянцу за стойкой. Снова поворачивается к мальчику.

— Тебя хоть как-нибудь зовут?

Ничего. Ничего не меняется в карих глазах. Мальчик глядит на него так спокойно, как может глядеть мирный пес.

Окруженная горками фруктов серебряная соковыжималка коротко хлюпает. Наструганный лед вбивается миксером в мякоть. Итальянец переливает напиток в пластиковый стакан и ставит его перед мальчиком. Мальчик смотрит на сосуд.

Человек двигается на скрипящем металлическом стуле, его длинное пальто покоится складками, как крылья отдыхающей птицы. У него под рукой, тщательно вычищенный, спит клинок, свободно качаясь в своих магнитных ножнах.

Мальчик берет стакан, открывает рот и влива-

ет густую смесь льда и фруктовой мякоти прямо в горло. Задержка в развитии, думает человек. Синдром трагической матки города. Жизненные сигналы искажены химикатами, недоеданием, ударами судьбы. И все-таки он, как и все остальные, как и сам человек, существует в точности так, в точности там и в точности в тот момент времени, как, где и когда он задуман существовать. Это дао: тьма внутри тьмы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с двумя другими.

Человек выпрямляет ноги, встает, застегивая пальто.

Мальчик протягивает руку. Два пальца прикасаются к часам, которые человек носит на левом запястье. Рот мальчика приоткрывается, будто он хочет что-то сказать.

— Время?

Что-то шевелится в лишенных выражения карих безднах глаз мальчика. Часы старинные, добыты у специалиста-дилера в одной из укрепленных аркад Сингапура. Это артиллерийские часы. Они говорят человеку о сражениях иных времен. Они напоминают ему о том, что любое сражение однажды станет таким же смутным воспоминанием и что лишь мгновение имеет

значение, что мгновение абсолютно.

Познавший истину воин идет в битву, как на похороны любимой, да и как может быть иначе?

Мальчик наклоняется вперед; то, что таится в его глазах, видят только часы.

Человек размышляет о тех двоих, оставленных им этим вечером на мосту. Охотники в своем роде, отныне для них охота закончилась. И этот, третий, следующий за ними по пятам. Чтобы подбирать объедки.

— Тебе нравится?

Никакой реакции. Ничто не способно сломать концентрацию, связь между тем, что всплыло из бездн глаз мальчика, и аскетическим черным циферблатом наручных часов.

Дао делает ход.

Человек расстегивает стальную скобу, скрепляющую браслет. Он отдает часы мальчику. Он делает это, не раздумывая. Он делает это с той же бездумной уверенностью, с какой чуть раньше убивал. Он делает это, потому что так нужно, потому что так правильно поступить; потому, что жизнь его бьется в такт с дао.

Нет никакой нужды прощаться.

Он уходит от мальчика, оставленного навеки в созерцании черного циферблата и стрелок.

Он уходит сейчас. Мгновение — в равновесии.

10. АМЕРИКАНСКИЙ АКРОПОЛЬ

Райделл все-таки сумел настроить бразильские очки на фрагмент схемы Сан-Франциско, но ему еще требовалось узнать от Кридмора, как добраться до гаража, где они собирались оставить "хокер-аиши". Кридмор, разбуженный Райделлом, казалось, не сразу уяснил, кто такой, собственно, сам Райделл, но похвально быстро начал соображать. Взяв консультацию у сложенной пополам визитной карточки, извлеченной из "часового" кармана джинсов, он четко разузнал, куда нужно двигать.

Это было старое здание в районе, где подобные строения обыкновенно преображались в резиденции, но густота колючей проволоки намекала, что эта территория до сих пор не обуржуазилась. Вход контролировала пара "шкафов" со значками фирмы "Универсал", занимавшейся в основном обычной охраной промышленных объектов. "Шкафы" размещались в офисе у ворот и смотрели канал "Реальность-1" на плоском экране, подпертом огромной стальной пластиной, у которой был такой вид, будто по каждому ее квадратному дюйму прошлись большим отбойным молот-

ком. Одноразовые кофейные чашки и пищевые контейнеры из белой пены. Все это показалось Райделлу по-домашнему родным, и он прикинул, что скоро там должна быть пересменка, в семь утра. Не такая уж дурная, наверное, работенка, бывает и хуже.

— Ставим на временную стоянку, — сказал им Райделл.

На плоском экране был виден олень. За ним — знакомые очертания заброшенных небоскребов центра Детройта. Логотип "Реальности" в нижнем правом углу дал ему нужный контекст: одно из этих шоу о природе.

Ему дали список, чтобы он ткнул в номер предварительного заказа, записанный у Кридмора на бумажке, и оказалось, что за стоянку уплачено. Его заставили расписаться прямо там же, рядом с номером. Сказали поставить тачку на место номер двадцать три, уровень шесть. Он вышел из офиса, забрался обратно в "хокер", рванул вверх по скату, мокрые шины визгнули по бетону.

Кридмор проводил операцию по наведению лоска, глядя в подсвеченное зеркальце за противосолнечным забралом на пассажирском месте. Операция состояла из многократного прочесывания волос пальцами, вытирания пальцев о

джинсы, потом растирания глаз. Затем он оценил результаты.

— Самое время выпить, — обратился он к отражению своих налитых кровью буркал.

— Семь утра, — сказал Райделл.

— О чем я и говорю, — сказал Кридмор, откинув забрало обратно наверх.

Райделл нашел номер двадцать три, написанный краской на бетоне, между двух неизвестных транспортных средств, задрапированных в чехлы. Он осторожно втиснул "хокер" меж ними и начал отключать машину. Он был способен проделать это, не обращаясь к меню подсказок.

Кридмор вылез наружу и отошел помочиться на чью-то шину.

Райделл проверил салон — убедиться, что они ничего не оставили, расстегнул ремень безопасности, потянулся, чтобы закрыть пассажирскую дверь, дистанционно открыл багажник, открыл дверь водителя, проверил, не забыл ли ключи, вышел и захлопнул дверь.

— Эй, Бьюэлл! Твой приятель собирается забрать ее отсюда, я правильно понял? — Райделл вытаскивал свои вещи из странно узкого багажника "хокер-аиши", чем-то похожего на младенческий гробик. Больше там ничего не

было, и Райделл решил, что Кридмор, видимо, пустился в вояж без багажа.

— Нет, — сказал Кридмор, — они бросят ее здесь пылиться к чертовой бабушке. — Он застегивал ширинку.

— Тогда я отдам ключи тем парням из "Универсала", шестью этажами ниже, ладно?

— Нет, — сказал Кридмор, — ты отдашь их мне.

— Я расписался, — ответил Райделл.

— Дай их сюда.

— Бьюэлл, данное транспортное средство теперь находится под моей ответственностью. Я расписался за это.

Он захлопнул багажник, активировал системы безопасности.

— Пожалуйста, отойдите на шаг, — сказала "хокер-аиши". — Уважайте мои частные границы так же, как я уважаю ваши. — У нее был красивый, странновато-бесполый голос, нежный, но жесткий.

Райделл отступил на шаг, потом еще на один.

— Это машина моего друга и ключи моего друга, и мне надо отдать их ему. — Кридмор положил руку на большую ковбойскую пряжку, как на штурвал персонального корабля-государства, но вид у него был неуверенный, словно похмелье

обессилело его.

— Просто скажи ему, что ключи будут здесь. Просто так скажи. Так будет безопаснее. — Райделл закинул комплект на плечо и пошел вниз по скату, радуясь возможности размять ноги. Он оглянулся на Кридмора. — Увидимся, Бьюэлл.

— Сукин сын, — сказал Кридмор, хотя Райделл принял это, скорее, за обращение к миру, породившему Райделла, чем лично к себе самому. Кридмор казался в отключке, щурился под мутно-зелеными лентами освещения.

Райделл же продолжал шагать вниз по разбитой бетонной спирали парковочной площадки еще пять уровней, пока не наткнулся на офис у самого входа. "Шкафы" из "Универсала" сидели и пили кофе, досматривали конец своего шоу о природе. Теперь олень пробирался сквозь снег, снег, что косо летел по ветру, леденящему совершенные вертикали стен мертвого и монументального сердца Детройта, широкие черные зубцы кирпича, уходящие ввысь, чтобы исчезнуть в белесом небе.

В Детройте снимали множество шоу о природе.

Он вышел на улицу, чтобы найти такси или место для завтрака. Он почувствовал по запаху,

что Сан-Франциско весьма отличается от Лос-Анджелеса; ощущение это было ему по душе. Сейчас он найдет, где поесть, и наденет бразильские очки, чтобы дозвониться в Токио.

Выяснить все насчет этих самых денег.

11. ДРУГОЙ ПАРЕНЬ

Шеветта никогда не сдавала на права, так что везти их обеих до самого Сан-Франциско пришлось Тессе. Тесса, кажется, не возражала. В голове у нее сидела только документалка, которую они отснимут, и она могла продумывать ее вслух, не отрываясь от дороги, рассказывая Шеветте о разных сообществах, которые хотела охватить, и о том, как она все это смонтирует. Шеветте оставалось лишь слушать или делать вид, что слушает, и, в конце концов, она просто заснула. Она заснула в тот момент, когда Тесса рассказывала ей о месте под названием Крепость, о том, что когда-то и вправду был такой город, рядом с Гонконгом, и был разрушен еще до того, как Гонконг вновь стал частью Китая 12. И вот тогда эти сумасшедшие хакеры совместно построили свой собственный город, что-то вроде огромного коллективного веб-сайта, после чего они вывернули его наизнанку и исчезли внутри. Все это казалось очередной небылицей, когда Шеветта заклевала носом, но рассказ остался у нее в голове картинками. Снами.

— Ну и что там твой другой парень? — спросила

Тесса, когда Шеветта очнулась от этих снов.

Шеветта спросонья поглядела в окно на Пятую автостраду, на белую полосу, которая будто сматывалась в рулон под колесами фургона.

— Какой другой парень?

— Ну, коп. С которым ты гоняла в Лос-Анджелесе.

— Райделл, — сказала Шеветта.

— И почему же вариант не сработал? — спросила Тесса.

Шеветта на самом деле не знала ответа.

— Просто не сработал, и все.

— И тогда тебе пришлось приклеиться к Карсону?

— Нет, — сказала Шеветта, — не пришлось.

— Что это за белые штуки, их так много там, далеко в полях?

— Ветряные штуки: они дают ток. Просто казалось, что так надо поступить.

— Я сама так не раз поступала, — отозвалась Тесса.

12. "ЭЛЬ ПРИМЕРО"

Фонтейн первый раз замечает мальчишку, когда раскладывает утренний ассортимент в своей узкой витрине: жесткие темные волосы над лбом, прижатым к бронированному стеклу.

Фонтейн никогда не оставит на ночь в витрине ничего ценного, но вид полной пустоты ему не нравится.

Ему не нравится думать, что кто-то проходит мимо и мельком смотрит на пустоту. Это напоминает ему смерть. Так что каждую ночь он оставляет в витрине пару-другую не особо ценных предметов — якобы обозначить ассортимент лавки, на самом же деле в качестве частного акта искупительной магии.

Этим утром в окне содержится тройка плохоньких швейцарских механизмов с циферблатами в крапинках времени, двойной перочинный нож IXL с точеными костяными ручками, щит (в приличном состоянии) и восточногерманский военно-полевой телефон такого внушительного вида, будто он сконструирован не только для того, чтобы выдержать ядерный взрыв, но и для нормального в случае чего функционирования.

Фонтейн, все еще под действием первого утреннего кофе, пристально смотрит вниз, сквозь стекло, на немытые ершистые волосы. Поначалу думает о трупе, и далеко не первом, найденном им вот так, но ни разу в подобной позе, торчком, на коленях, как при молитве. Однако нет, этот труп живой: дыхание туманит витрину Фонтейна.

В левой руке Фонтейна часы "Кортебер" 1947 года выпуска — тройная дата, фазы Луны, ручной подзавод, корпус из золота, практически в том состоянии, в каком они в свое время покинули фабрику. В правой руке — оплавленная чашка из красного пластика с черным кубинским кофе. Лавка наполнена запахом кофе Фонтейна — таким, как он его любит: жженым и резким.

Конденсат вяло пульсирует на холодном стекле: ореолы серого цвета очерчивают ноздри преклонившего колени.

Фонтейн кладет "Кортебер" обратно в поддон со всем своим лучшим ассортиментом, в узких секциях выцветшего велюра лежат по дюжине часов в каждой. Он ставит поддон в сторону, на стойку, за которой стоит, когда приходят покупатели, перемещает чашку из красного пластика в левую руку и правой рукой с облегчением нащупывает

боевой "смит-и-вессон кит ган" 22-го калибра, в правом нижнем кармане поношенного тренча, который служит ему халатом.

Маленький пистолет, древнее многих его лучших часов, на месте, потертая рукоять орехового дерева удобна и хорошо знакома. Возможно, предназначенный для хранения в сундучке рыболова и защиты от назойливых водных змей или обезглавливания пустых бутылок из-под пива, все-таки "кит ган" — продуманный выбор Фонтейна: шестизарядный револьвер со вставной обоймой и дулом в четыре дюйма. Он, Фонтейн, не хочет никого убивать, хотя, говоря по правде, ему приходилось и, вполне вероятно, еще придется. Ему неприятно ощущать отдачу стрелкового оружия и страшный грохот выстрела, он с недоверием относится к полуавтоматическому оружию. Он историк: он знает, что система "смит-и-вессон" развивалась вплоть до появления револьвера 32-го калибра с крутящимся барабаном, давным-давно исчезнувшего, но некогда бывшего стандартом американского карманного оружия. Превратившись в уютный "кит ган" 22-го калибра, система приняла форму этой модели и просуществовала почти до середины двадцатого века. Удобная вещь и, как и все предметы его

коллекции, подлинный раритет.

Он допивает свой кофе, ставит пустую чашку на стойку рядом с поддоном, полным часов.

Он, Фонтейн, прекрасный стрелок. С расстояния в двенадцать шагов, встав в архаичную позу дуэлянта — одна рука за спиной, он при свидетелях попадал в середину туза червей.

Он никак не решается открыть парадную дверь своей лавки, это сложный процесс. А может, тот, преклонивший колени, там не один? У него на мосту почти нет настоящих врагов, но кто его знает, какую гадость может занести сюда с обоих концов, будь то Сан-Франциско или Окленд? А дикие джунгли Острова Сокровищ традиционно предлагают познакомиться с еще более зверским безумием.

Но все же.

Он сдвигает последний засов и вытаскивает пистолет.

Солнечный свет, будто некое странное благословение, пробивается сквозь пластик и ободранное дерево обшивки моста. Фонтейн вдыхает соленый воздух, причину коррозии.

— Эй, ты, — говорит он. — Мистер! — пистолет у него в руке, спрятан в складках тренча.

Под тренчем, который надет нараспашку по

причине отсутствия пояса, на Фонтейне линялые, в крупную клетку, фланелевые пижамные штаны и белая сорочка с подогревом и длинными рукавами, загрубевшая от неоднократных стирок. Черные туфли без шнурков, на босу ногу, они заскорузли и потрескались.

Темные глаза смотрят на него снизу вверх, лицо почему-то упорно отказывается попасть в фокус.

— Что ты здесь делаешь?

Мальчик склоняет голову набок, словно внимая чему-то, недоступному для слуха Фонтейна.

— Отойди от моей витрины.

С полнейшим и странным отсутствием грации, которое потрясает Фонтейна как приближение к самой сути понятия грации, странная личность поднимается на ноги. Карие глаза таращатся на Фонтейна, но будто бы не видят его или, возможно, не признают в нем другое человеческое существо.

Фонтейн демонстрирует "смит-и-вессон", палец лежит на спусковом крючке, но дуло не направлено на мальчика. Он наводит дуло только тогда, когда бесповоротно решил пристрелить, — урок, давным-давно преподанный отцом.

Этот стоявший в молитвенной позе и дышащий на витринное стекло не живет на мосту. Фон-

тейну было бы трудно объяснить, откуда он это знает, но он знает. Это просто-напросто инстинкт, выработанный долгим проживанием в этом месте. На мосту он знает, конечно, не всех, да и вряд ли хотел бы, но, тем не менее, отличает людей с моста от прочих с абсолютной уверенностью.

В этом же типе явно чего-то недостает. Что-то с ним не в порядке; его состояние выдает не зависимость от наркотиков, а гораздо более серьезный вид умственного расстройства. И хотя среди населяющих мост есть такие дурачки, все они как-то сумели раствориться в своей среде и не склонны появляться вот так, ни с того ни с сего, да еще для того, чтобы мешать торговому бизнесу.

Где-то там, наверху, высоко-высоко, ветер с бухты лупцует съехавший шмат пластика, бешеные хлопки, будто сумасшедшее крыло гигантской раненой птицы.

Фонтейн, глядя в карие глаза на лице, которое по-прежнему упорно не желает быть в фокусе (по той причине, думает он сейчас, что оно на это не способно), сожалеет о том, что вообще открыл дверь. Соленый воздух даже сейчас вгрызается в начищенный металл жизненно важных деталей его товара. Он делает жест пистолетом: прочь отсюда.

Мальчик протягивает руку. Часы.

— Что? Ты хочешь мне это продать?

Карие глаза не реагируют на речь.

Фонтейн, побуждаемый чем-то, вроде чужой воли, делает шаг вперед, его палец напрягается на спусковом крючке с повторным срабатыванием. Полость под головкой детонатора пуста безопасности ради, но стоит лишь резко и сильно дернуть, и смертельный номер удастся.

Выглядят как нержавеющие. Циферблат черный.

Фонтейн видит грязные черные джинсы, изношенные кроссовки, линялая красная майка топорщится над вздутым животом, выдавая характерный признак недоедания.

— Ты хочешь мне их показать? Мальчик смотрит на часы в руке, потом указывает пальцем на те трое часов, что лежат в витрине.

— Конечно, — говорит Фонтейн, — у нас есть часы. Любых видов. Хочешь на них посмотреть?

Все еще вытянув палец, мальчик глядит на него.

— Давай, — говорит Фонтейн, — давай заходи. Здесь очень холодно. — Все еще держа в руке пистолет, хотя и ослабив нажим на спусковом крючке, он делает шаг назад, в лавку. — Ты

идешь?

После короткой заминки мальчик входит следом, держа часы с черным циферблатом так, как держат маленького зверька.

Чтоб тебе пусто было, думает Фонтейн. "Арми Уолтам" с проржавевшими внутренностями. Дерьмо собачье.

Дерьмо собачье, зачем он впустил сюда этого урода. Мальчик стоит, уставившись в одну точку, посередине крохотной лавки. Фонтейн закрывает дверь, всего на один засов, и отступает за свою стойку. Все это он проделывает, не опуская ствола, оставаясь вне радиуса захвата и не спуская глаз с визитера.

Глаза мальчика становятся еще больше, когда он видит поддон с часами.

— Сначала — первое, потом — второе, — говорит Фонтейн, ловко убрав поддон свободной рукой с глаз долой. — Давай-ка посмотрим. — Показывает на часы в руке мальчика. — Сюда, — приказывает Фонтейн, постукивая по облупленному золоченому логотипу "Ролекс" на круглой подушечке темно-зеленой искусственной кожи.

Мальчик, кажется, понимает. Кладет часы на подушечку. Фонтейн видит грязь под обломанными ногтями, когда рука отпускает часы.

— Черт, — говорит Фонтейн. Командует глазами. — Отойди на минуточку во-он туда, — говорит он, нежно указывая нужное направление дулом "смит-и-вессона". Мальчик отступает на шаг.

По-прежнему глядя на мальчика, он копается в левом кармане плаща, извлекает оттуда черную лупу, зажимает ее левым глазом.

— Не вздумай теперь двинуться, понял? Не хочу, чтобы эта штука пальнула…

Фонтейн берет в руки часы, позволяет себе один раз прищуриться на них сквозь лупу. Невольно присвистывает. "Жаже Лекультр". Перестает щуриться, проверяя, не шелохнулся ли мальчик. Щурится снова, теперь уже на артикул на задней поверхности корпуса. "Королевские военно-воздушные силы Австралии, 1953 год", читает он.

— Где украл?

Ни звука.

— Они почти новые, — Фонтейн мигом ощущает неожиданную и глубокую растерянность. — Это копия?

Ни звука в ответ.

Фонтейн прищуривается в лупу.

— Так это подлинник?

Фонтейн хочет эти часы.

Он кладет их обратно на зеленую подушеч-

ку, поверх потертого символа золотой короны, заметив, что ремешок из черной телячьей кожи — штучной работы, вручную обшит вокруг стерженьков, намертво закрепленных между держателей. Один этот ремешок, сделанный, как он прикидывает, в Италии или в Австрии, может стоить дороже многих часов, что он продает. Мальчик мгновенно забирает часы.

Фонтейн выставляет поддон.

— Посмотри-ка на это. Хочешь, поменяемся? Вот "Грюэн Кюрве". Вот "Тюдор Лондон" 1948 года. Отличный, подлинный циферблат. А вот "Вюлькэн Крикет", золотая головка, стекло очень чистое.

Но он уже знает, что совесть никогда не позволит ему лишить эту потерянную душу часов, и от этого ему становится больно. Фонтейн всю жизнь пытался взрастить в себе семена бесчестья, того, что отец его называл жульничеством, но неизменно терпел фиаско.

Мальчик склоняется над поддоном, не замечая Фонтейна.

— Вот, — говорит Фонтейн, откатив поддон в сторону и заменив его своим подержанным ноутбуком. Он открывает на нем веб-страницы, где обычно покупает часы. — Просто жми вот сюда,

потом вот сюда, и тебе скажут, как называется то, что ты видишь. — Он демонстрирует "Жаже" с серебристым циферблатом.

Фонтейн нажимает вторую кнопку.

— Хронометр "Жаже" 1945 года выпуска, нержавеющая сталь, подлинный циферблат, гравировка на задней поверхности корпуса, — сообщает ноутбук.

— Задней, — говорит мальчик, — поверхности корпуса.

— Вот смотри, — Фонтейн демонстрирует мальчику нержавеющую заднюю крышку нашпигованных золотом часов "Тиссо", имеющих форму бочонка, — но только с надписью типа: "Ударному Джо в двадцать пятую годовщину службы в Ударном корпусе, поздравляем!"

Мальчик выглядит совершенно бесстрастным. Нажимает на кнопку. На экране появляются другие часы. Нажимает вторую кнопку.

— Хронометр "Вюлькэн", движение часовой стрелки скачкообразное, корпус хромированный, ушки латунные, циферблат в очень хорошем состоянии.

— В очень хорошем, — советует Фонтейн, — а значит, недостаточно хорошем. Видишь вот эти пятнышки? — он показывает на явные

червоточины, разбросанные по поверхности отсканированной картинки. — Если бы было сказано в "отличном состоянии", тогда без вопросов.

— В отличном состоянии, — говорит мальчик, подняв взгляд на Фонтейна. И нажимает на кнопку, выводящую на экран изображение следующих по списку часов.

— Дай я еще раз гляну на те часы, ладно? — Фонтейн показывает на часы в руке мальчика. — Все в порядке. Я тебе их отдам.

Мальчик переводит взгляд с Фонтейна на часы и обратно. Фонтейн убирает "смит-и-вессон" в карман. Показывает мальчику пустые руки.

— Я тебе их отдам.

Мальчик протягивает руку. Фонтейн берет часы.

— Так ты мне не скажешь, где ты их взял?

Ни звука.

— Хочешь кофе?

Фонтейн показывает на булькающую в глубине лавки кастрюльку на электроплитке. Чувствует крепчающий запах горького варева.

Мальчик понимает.

Кивает головой.

Фонтейн снова вкручивает лупу и углубляется в созерцание.

Черт побери. Он хочет эти часы.

Позже, после полудня, когда мальчик-разносчик бенто 13 приносит Фонтейну ленч, артиллерийский "Жаже Лекультр" лежит в кармане Фонтейновых слаксов из серого твида, с высокой талией и экстравагантными складками, но Фонтейн знает, что часы — не его. Мальчик помещен в глубине лавки, в той захламленной маленькой зоне, что отделяет бизнес Фонтейна от его частной жизни, и Фонтейн, увы, осознает тот факт, что чувствует запах своего гостя: чуть приглушенный утренним ароматом кофе ясный и настойчивый смрад застарелого пота и нестиранного тряпья.

Когда разносчик выходит из лавки к своему перегруженному коробками велосипеду, Фонтейн открывает защелки на собственной коробке. Так, сегодня совсем не любимая им темпура 14, совсем не любимый им сорт, потому что темпура быстро остывает, но ему все равно, потому что он голоден. Пар клубится над тарелкой мисо 15, когда он со щелчком снимает крышку из пластика. Пауза.

— Эй, — обращается он в пространство за лавкой, — хочешь немного мисо? — ни звука. — Суп. Ты слышишь меня или нет?

Фонтейн вздыхает, спускается вниз по деревян-

ной лесенке и несет горячий суп в чулан.

Мальчик сидит на полу, скрестив ноги, у него на коленях раскрыт ноутбук. Фонтейн видит фото очень большого, сложной системы хронометра, которое плавает по экрану. Эта вещь из восьмидесятых, судя по виду.

— Хочешь немного мисо?

— "Зенит", — отвечает мальчик, — "Эль Примеро". Нержавеющий корпус. Тридцать один камень, точность хода 3019 РНС. Тяжелый нержавеющий браслет с замком-застежкой. Оригинальная ввинчивающаяся головка для перевода стрелок и подзаводки. С дарственной надписью.

Фонтейн таращит на него глаза.

13. НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

Ямадзаки возвращается, набрав антибиотиков, пакетов с едой и жестянок-самогреек с кофе. Он одет в пилотскую куртку из черного нейлона, тащит припасы и свой ноутбук в синей сетчатой сумке.

Он спускается в метро сквозь разреженную толпу задолго до вечернего часа пик. Он обнаружил, что стал плохо спать, его сны, как колдунья, посещает Рэи Тоэи со своим прекрасным лицом, Рэи Тоэи, которая в одном смысле является его работодателем, а в другом смысле вообще не существует.

Она — это голос и лицо, знакомые миллионам. Она — это море кода, вершина развития компьютерных программ индустрии развлечений. Публика знает, что ее не встретишь, прогуливаясь по улице; что она — это медиа. И в этом — основная причина ее очарования.

Если бы не Рэи Тоэи, думает про себя Ямадзаки, Лэйни бы здесь сейчас не было. Именно желание понять ее, еще раз угадать ее мотивацию и занесло Лэйни в Токио. Он работал на менеджеров Реза, Реза — певца, объявившего о намерении

жениться на ней. И каким же образом, раздавались вопросы, он намерен это проделать? Как может человек, даже столь непосредственно проникший в медиа, взять в жены конструкт, пакет компьютерных программ, мечту?

Однако Рез, китайско-ирландский певец, попзвезда, попытался. Ямадзаки об этом известно. Он уверен в этом не меньше, чем сам Рез, потому что Рэи Тоэи обсуждала это с ним. Он понимает, что Рез воплощен в цифровую форму настолько, насколько это вообще возможно для человека. Если Рез-человек вдруг умрет, Рез-идол, вне всяких сомнений, будет существовать и дальше. Но страстным желанием Реза было войти туда полностью, в буквальном смысле, туда, где находится Рэи Тоэи. Или, что ближе к истине, находилась, так как она недавно вдруг куда-то исчезла.

Певец пожелал соединиться с ней в неком цифровом мире или же в некой никем-еще-не-постигнутой пограничной зоне, в некоем промежуточном состоянии. И потерпел фиаско.

Но там ли сейчас она? И почему Лэйни тоже сбежал?

Сейчас певец гастролирует по штатам Комбината. Настаивает на путешествии по железной дороге. Станция за станцией, конечная цель —

Москва, слухи о сумасшествии.

Это темный бизнес, темное дело, думает про себя Ямадзаки и недоумевает, спускаясь по лестнице в картонный город, что конкретно делает Лэйни здесь и сейчас. Все эти разговоры про узловые точки в истории, про какой-то узор, возникший в текстуре событий. О том, что все скоро изменится.

Лэйни — каприз природы, мутант, случайный продукт секретных клинических испытаний наркотика, пробуждавшего у небольшого процента испытуемых способности, сходные с экстрасенсорными. Но Лэйни не экстрасенс в иррациональном смысле; скорее, он способен, благодаря органическим изменениям, вызванным давным-давно 5-SB, тем самым наркотиком, воспринимать глобальные перемены, всплывающие из глубин огромных потоков данных.

И вот теперь Рэи Тоэи исчезла, заявляют ее менеджеры, а как такое могло случиться? Ямадзаки подозревает, что Лэйни, возможно, знает, как или куда, и для Ямадзаки это причина, чтобы принять решение вернуться и найти его. Он вел себя крайне осторожно, чтобы избежать слежки, прекрасно зная, что все предосторожности напрасны.

Запах токийской подземки, знакомый, как запах родного дома, ненадолго расслабляет его. Запах крайне характерный и в то же время не поддающийся описанию. Это — запах японской цивилизации, частью которой он себя чувствует на все сто процентов, цивилизации, в данный момент воплощенной в этой уникальной среде, в мире тоннелей, белых коридоров, едва слышных серебряных поездов.

Он находит проход между двумя эскалаторами, видит кафельные колонны. Он почти убежден, что картонных укрытий здесь уже нет.

Но они по-прежнему на месте, и, когда он напяливает белую микропорную маску и вползает в залитую ярким светом хибару мастера, там тоже все неизменно, за исключением заготовки, над которой сосредоточен старик: теперь это многоголовый динозавр с ногами робота, весь серебряно-синий. Кончик кисточки тщательно обрабатывает глаз рептилии. Старец не поднимает взгляда.

— Лэйни?

Ни звука из-за лохмотьев дынно-желтого одеяла. Ямадзаки кивает старику и ползет мимо него на четвереньках, толкая мешок с припасами перед собой.

— Лэйни?

— Тихо, — отвечает Лэйни из узкого утробного мрака. — Он говорит.

— Кто говорит? — проползает с мешком под хлипкой тканью, прикосновение которой к лицу заставляет вспомнить о детских яслях.

Когда Ямадзаки окончательно вползает, Лэйни включает проектор своего скособоченного шлема: картинка, которую он рассматривает, ослепляет Ямадзаки. Ямадзаки дергается, пытаясь увернуться от луча. Видит фигуры в кадре, снятые камерой ночного видения.

— …Представляете себе, что он это делает на регулярной основе? — дрожание материала, снято с руки, но потом оцифровано. — Что-то связанное с фазами Луны?

Ближний план одной из фигур, стройной, мужской, как и все остальные. Нижняя половина лица скрыта под черным шарфом. Жесткие черные волосы над белым высоким лбом.

— Никаких оснований для подобного заключения. Он просто пользуется случаем. Он ждет, пока они сами не придут к нему. Потом он берет их. Эти вот, например… — камера плавно дает панораму лица и голой груди мертвеца с широко раскрытыми глазами. — …Типичные торчки. У

данного экземпляра в кармане был найден "плясун". — На бледной груди мертвеца видна темная запятая, прямо под грудиной. — У второго просто проткнуто горло, но он умудрился каким-то образом не попасть в артерию.

— А вы как думали? — голос человека за кадром.

— У нас есть досье, — также за кадром говорит человек с шарфом, изображение мертвого лица отбрасывается лучом на картонную стену, на желтое одеяло Лэйни. — У нас имеется полный научный отчет о психотипе. Но вы его попросту игнорируете!

— Конечно же, игнорирую.

— Вы решительно все отрицаете, — две пары рук в хирургических перчатках хватают труп и грубо переворачивают. Под левой лопаткой видна еще одна рана, меньших размеров; кровь скопилась под кожей, свернулась и потемнела. — Однако он представляет для вас такую же реальную опасность, как и для всех остальных.

— Но он интересная личность, не так ли?

Рана, показанная крупным планом, похожа на маленький печальный ротик. Кровь кажется черной.

— Не для меня.

— Вы сами не интересная личность, случайно?

— Нет. — И камера идет вверх, луч света ловит острую скулу над черным шарфом. — И вы не хотите, чтобы я был таким же интересным, я правильно понял?

Раздается еле слышимый звон, передача прерывается. Лэйни запрокидывает голову, лицо человека с шарфом в стоп-кадре на потолке из картона, слишком яркое, искаженное, и Ямадзаки видит, что потолок в этом месте усеян мельчайшими наклейками, множеством разных портретов невзрачного на вид человека, странно знакомого. Ямадзаки моргает, его контактные линзы съезжают, ему не хватает очков. Без очков он чувствует себя не в своей тарелке.

— Кто это был, Лэйни?

— Помощник, — говорит Лэйни.

— Помощник?

— Трудно найти хорошего помощника в наши дни. — Лэйни вырубает проектор и снимает массивный шлем. От внезапно наступившего сумрака его лицо похоже на детский рисунок, черные дырки глаз на фоне мертвенно-белой мазни. — Человек, который вел этот разговор.

— Который говорил?

— Он владеет миром. Почти как любой из нас.

Ямадзаки хмурится.

— Я привез лекарства…

— Это было на мосту, Ямадзаки.

— В Сан-Франциско?

— Они преследовали там одного моего человека. Они преследовали его прошлой ночью, но якобы потеряли его. Они постоянно все теряют. Зато этим утром нашли трупы.

— Кого они преследовали?

— Человека, которого нет. Которого я вычислил логически.

— Это портреты Харвуда? Харвуда Левина? — Ямадзаки узнал лицо, размноженное на стикерах.

— Это его шпионы. Наверно, лучшие, каких можно купить за деньги, но они не смогут даже приблизиться к человеку, которого нет.

— Какому человеку?

— Я полагаю, что он из… коллекции Харвуда. Харвуд коллекционирует людей. Интересных, любопытных людей. Я полагаю, что он мог работать на Харвуда, выбивать долги. Он не оставляет следов, вообще никаких. Если кто-то встает у него на пути, этот кто-то попросту исчезает. После чего он стирает себя.

Ямадзаки находит антибиотики в сетчатой

сумке.

— Лэйни, почему бы вам не принять вот это? Ваш кашель…

— Где Райделл, Ямадзаки? Он уже должен быть наверху. Все начинает сходиться.

— Что сходиться?

— Я не знаю, — говорит Лэйни, склоняясь вперед, чтобы порыться в содержимом сумки. Он находит банку с кофе и включает нагрев, перебрасывая банку из руки в руку по мере нагревания. Ямадзаки слышит хлопок и шипение вакуума, когда Лэйни вскрывает жестянку. Аромат кофе. Лэйни прихлебывает напиток из испускающей пар емкости.

— Что-то затевается, — говорит Лэйни и кашляет в кулак, плеснув обжигающий кофе со сливками на запястье Ямадзаки. Ямадзаки морщится.

— Все сейчас меняется. Или не меняется, на самом-то деле. То, как я вижу, вот что меняется. Но с тех пор как я стал видеть иначе, стало твориться что-то еще. Что-то нарастает. Что-то большое. Больше, чем большое. Это скоро случится, и начнется каскадный эффект…

— Что случится?

— Не знаю. — Очередной приступ кашля вы-

нуждает его отставить кофе. Ямадзаки открывает коробку с антибиотиками и пытается предложить их. Лэйни отмахивается. — Ты возвращался на остров? У них есть хотя бы догадка, где она может быть?

Ямадзаки часто моргает.

— Нет. Она просто отсутствует.

Лэйни улыбается, слабый блеск зубов во тьме рта.

— Это хорошо. Она тоже участвует в этом, Ямадзаки. — Он нашаривает свой кофе. — Она тоже участвует в этом.

14. ЗАВТРАК НА ПЛИТКЕ

Райделл решил зайти в одно из тех зданий, которое некогда служило банком — в те времена, когда банкам нужны были здания. Толстые стены. Помещение превращено в круглосуточную закусочную, где подают только завтраки, что Райделл, собственно, и искал. На деле здание выглядело так, будто до закусочной здесь был магазин со скидками и кто его знает, что еще раньше, но внутри пахло яичницей и горелым жиром, а он был голоден.

У входа стояла парочка типов, явно строителей, огромного роста, покрытых белой пылью от стенной кладки, они ждали столик, но Райделл заметил, что стойка свободна, отправился прямиком туда и забрался на табурет. Официанткой здесь была женщина рассеянного вида и неопределенного происхождения, шрамы от угревой сыпи покрывали ее скулы, она налила ему кофе и приняла заказ, хотя было неясно, понимает ли она по-английски. Будто вся процедура сводилась к чистой фонетике, подумал он про себя, и она выучила, как звучит "два яйца, слегка недожарьте" и все остальное. Услышала, перевела на кто

его знает какой язык, написала и отдала повару. Райделл достал бразильские очки, надел их и пробежался глазами по списку в поисках номера, который Ямадзаки дал ему в Токио. После трех гудков кто-то поднял трубку, но очки не смогли дать на карте координаты ответившего телефона. Возможно, это был тоже мобильный.

На линии была тишина, но она имела текстуру.

— Эй, — сказал Райделл, — Ямадзаки?

— Райделл? Говорит Лэйни… — внезапный взрыв кашля, потом мертвая тишина, будто кто-то стукнул по кнопке "убрать звук".

Когда Лэйни вновь вышел на связь, голос его звучал полузадушенно.

— Извините. Где вы находитесь?

— Сан-Франциско, — ответил Райделл.

— Это я знаю, — ответил Лэйни.

— В забегаловке на… на… — Райделл листал меню GPS, пытаясь в него войти, но очки упорно давали нечто схожее с транзитными картами Рио.

— Забудьте об этом, — сказал Лэйни. Говорил он устало. Который час, интересно, по токийскому времени? Все это есть в меню телефона, если бы он только в нем разбирался… — Важно лишь то,

что вы там.

— Ямадзаки сказал, что у вас для меня есть дельце здесь, наверху.

— Да, — ответил Лэйни, и Райделл вспомнил свадьбу кузины, голос Кларенс тогда прозвучал так же счастливо, произнося это слово.

— Может, скажете мне, что за дельце?

— Нет, — сказал Лэйни, — но я хочу заплатить вам аванс. Деньги наличными по первому требованию, пока вы там, наверху.

— Лэйни, законно ли то, что вы просите меня сделать?

Наступила пауза.

— Я не знаю, — ответил Лэйни. — Кое-что из этого никто ни разу, возможно, не делал, так что — трудно сказать.

— Что ж, я считаю, мне нужно знать чуть больше, прежде чем я возьмусь за дело, — сказал Райделл, раздумывая, как, черт возьми, он сможет вернуться назад в Лос-Анджелес, если здесь ничего не выгорит. Если, впрочем, есть какой-то смысл туда возвращаться.

— Можете считать, что речь идет о пропавшем без вести, — сказал Лэйни после очередной паузы.

— Имя?

— Отсутствует. Или, что ближе к истине, у него их несколько тысяч. Слушайте, вам ведь нравится всякая полицейская дребедень, разве нет?

— Как это понимать?

— Только без обид; вы же рассказывали мне при встрече полицейские байки, припоминаете? О'кей. Короче, человек, которого я ищу, прекрасно владеет искусством не оставлять никаких следов. Ничего никогда нельзя обнаружить, даже путем глубочайшего количественного анализа. — Лэйни имел в виду что-то связанное с сетевым поиском; собственно, этим он и занимался. — Он просто некий физический объект.

— Откуда вы знаете, что этот объект существует, если он не оставляет следов?

— Потому что умирают люди, — ответил Лэйни.

И именно в этот момент по обе стороны от Райделла за стойку уселись люди, запахло резким водочным перегаром…

— Я вам перезвоню, — сказал Райделл, прикрыв подушечку микрофона и стянув с головы очки. Кридмор, радостно скалится слева.

— Как оно? — сказал Кридмор. — А это, знакомься, Мэри-Джейн.

— Мэри-Элис. — На табурете справа от Рай-

делла — крупная пожилая блондинка, верхняя половина торса туго затянута чем-то черным и блестящим, а неутянутая часть образует ложбину, в которую Кридмор мог бы с легкостью засунуть одну из своих пинтовых бутылок. Райделл почуял что-то бесконечно усталое в ее глазах, какую-то смесь страха, покорности и слепой и автоматической надежды: для нее не были добрыми ни это утро, ни этот год, ни, возможно, вся жизнь, но в этих глазах было что-то, что хотело ему понравиться. Чем бы это на самом деле ни было, оно помешало Райделлу встать, схватить сумку и выйти вон, а ведь именно так, он прекрасно знал, ему и стоило поступить.

— Ты чего, блин, даже не поздороваешься? — дыхание Кридмора было токсичным.

— Привет, Мэри-Элис, — сказал Райделл. — Меня зовут Райделл. Польщен встречей с вами.

Мэри-Элис улыбнулась, десять процентов усталости испарились всего на секунду из ее глаз.

— Вот, Бьюэлл мне тут говорит, что вы из Лос-Анджелеса, мистер Райделл.

— Да ну? — Райделл смерил Кридмора взглядом.

— Вы там по части медиа, мистер Райделл? — спросила она.

— Нет, — сказал Райделл, прибив Кридмора к табурету самым тяжелым взглядом, на какой был способен, — розничная торговля.

— Я сама по части музыкального бизнеса, — сказала Мэри-Элис, — мой бывший и я держали самый успешный кантри-клуб в Токио. Но я почувствовала тягу вернуться к своим корням. В Божью страну, мистер Райделл.

— Ты слишком много трещишь, — сказал ей Кридмор, не обращая внимания на Райделла, когда официантка принесла тому завтрак.

— Бьюэлл, — произнес Райделл тоном, в чем-то даже близким к пожеланию доброго здравия, — заткнись, твою мать. — Он начал отрезать пригоревший край своей яичницы.

— Пива мне, — сказал Бьюэлл.

— О, Бьюэлл, — сказала Мэри-Элис. Она с трудом подняла с пола большую сумку из пластика с впаянной молнией, разновидность бесплатных "раздаток" рекламных кампаний, и начала копаться внутри. Извлекла на свет божий длинную запотевшую банку чего-то такого и передала ее Кридмору поверх колен Райделла, пряча под стойкой. Кридмор открыл ее и поднес к уху, видимо, восхищаясь шипением углекислого газа.

— Звук завтрака на плитке, — возвестил он,

после чего глотнул.

Райделл сидел на месте, жуя похожую на резину яичницу.

— Короче, идете на этот сайт, — говорил ему Лэйни, — даете им мой пароль, "Колин-пробел-Лэйни", заглавная "К", заглавная "Л", первые четыре цифры этого телефонного номера, и слово "Берри". Это ведь ваш ник, так?

***

— Вообще-то меня так зовут, — сказал Райделл, — фамилия по материнской линии. — Он сидел в просторной, но не слишком чистой кабинке туалета бывшего банка. Он пошел туда, чтобы избавиться от Кридмора и его спутницы и перезвонить Лэйни. — Значит, я даю им все это. Что они дадут мне? — Райделл поднял взгляд на свою сумку, которую он повесил на внушительный хромированный крюк на двери кабинки. Он не хотел оставлять ее в закусочной без присмотра.

— Они вам дадут еще один номер. Вы идете с ним к любому банкомату, показываете любое удостоверение личности с фотографией, набираете номер. Банкомат вам выдаст кредитный чип. На нем должно быть достаточно, чтобы продержаться несколько дней, но если не хватит,

звоните мне.

От нахождения в замкнутом помещении у Райделла появилось чувство, что он попал в один из тех старомодных фильмов о подводных лодках, в эпизод, где вырубают все двигатели и ждут, тихо-тихо, потому что знают, что торпеды уже в пути. Здесь было в точности так же тихо, возможно, из-за того, что банк был прочно построен; единственным звуком было журчанье бачка унитаза, что, подумал он, только усиливало иллюзию.

— Ладно, — сказал Райделл, — допустим, что все сработает, как должно сработать; кого же вы все-таки ищете, и что значила ваша фраза об умирающих людях?

— Европеец, мужчина, далеко за пятьдесят, возможно, с военным прошлым, но это было очень давно.

— Что сужает круг поисков, скажем, примерно до миллиона подозреваемых — здесь, в Северной Калифорнии.

— Райделл, все сработает таким образом, что он сам вас найдет. Я скажу вам, куда пойти и что попросить, и все вместе привлечет к вам его внимание.

— Звучит чересчур просто.

— Попасть в поле его внимания будет легко.

Остаться в живых после этого — нет.

Райделл немного подумал.

— Так что я должен буду для вас сделать, когда он найдет меня?

— Вы зададите ему вопрос.

— Какой вопрос?

— Еще не знаю, — ответил Лэйни, — я над этим сейчас работаю.

— Лэйни, — сказал Райделл, — что все это значит?

— Если б я только знал, — сказал Лэйни, и вдруг его голос стал очень усталым, — мне бы, наверно, не пришлось находиться здесь. — Он замолчал. И повесил трубку.

— Лэйни?

Райделл сидел и слушал, как журчит унитаз. В конце концов, встал, снял сумку с крюка и покинул кабинку.

Вымыл руки под тонкой струйкой холодной воды, убегавшей в черную раковину из искусственного мрамора, всю покрытую коркой желтушного промышленного мыла, после чего проделал обратный путь по коридору, узкому из-за картонных коробок, набитых, как ему показалось, сантехническим инвентарем.

Он был полон надежды, что Кридмор с ма-

машей музыки кантри уже позабыли о нем и свалили.

Не тут-то было. Дама трудилась над тарелкой яичницы, а Кридмор — пиво зажато меж джинсовых бедер — злобно таращился на двух огромных, припорошенных гипсом работников стройки.

— Привет, — сказал Кридмор, когда Райделл прошел мимо них, таща на плече свою сумку.

— Привет, Бьюэлл, — ответил Райделл, взяв направление на входную дверь.

— Эй, ты куда пошел?

— На работу, — ответил Райделл.

— Работа, — донесся до него голос Кридмора, — вот ведь дерьмо!

Но дверь с размаху захлопнулась за ним, и он очутился на улице.

15. ВНОВЬ ЗДЕСЬ, НАВЕРХУ

Шеветта стояла рядом с фургоном, глядя, как Тесса выпускает на свободу "Маленькую Игрушку Бога". Платформа камеры, будто лепешка майлара или надувшаяся монета, наполнилась водянистым светом дня, поднимаясь в воздух и трепыхаясь, а потом выровнялась и закачалась на высоте примерно пятнадцати футов.

Шеветта чувствовала себя очень странно, вновь оказавшись здесь, видя знакомые бетонные танковые ловушки, за ними — немыслимые формы самого моста. Место, где она когда-то жила, — хотя теперь это казалось сном или жизнью постороннего ей человека, — там, на вершине ближайшей кабельной башни. Вон в том кубике из фанеры, высоко-высоко, она и спала, пока огромные порывы ветра толкали, крутили, хватали мост, и порой она слышала, как тайно стонали сухожилия моста, звук этот несся вверх по скрученным канатам, слышимый только ею, Шеветтой, прижавшей ухо к гладкому, словно дельфинья спина, кабелю, который поднимался из овальной дыры, пропиленной в фанерном полу лачуги Скиннера.

Ныне Скиннер был мертв, и она это знала. Он

умер, пока она ошивалась в Лос-Анджелесе, пытаясь стать кем-то, кем, как она тогда думала, ей хотелось бы стать.

Она не приехала на похороны. Народ на мосту не устраивал из этого события; а владение собственностью здесь было главной заботой закона. Она не была дочерью Скиннера, а если бы и была и захотела владеть этим кубом из фанеры на вершине кабельной башни, вопрос сводился только к проживанию в нем, пока он был ей нужен. Он не был ей нужен.

Но горевать в Лос-Анджелесе по Скиннеру было попросту невозможно, а сейчас это все вдруг всплыло, она вернулась в то время, когда жила у него. Как он нашел ее, слишком больную, чтобы идти, и перенес к себе в дом, и откармливал супом, который покупал у корейских торговцев, пока она не поправилась. Потом он оставил ее в покое, ни о чем не спрашивая, принимая ее, как принимают птицу, севшую на подоконник, пока она не научилась в городе велосипедной езде и не стала курьером. И вскоре они поменялись ролями: слабеющий, нуждающийся в помощи старик, и она — та, кто достанет суп, принесет воды, позаботится, сварен ли кофе. И так шло до тех пор, пока она, по собственной глупости, не по-

пала в беду и в результате встретила Райделла.

— Ветер унесет эту штуку, — предостерегла она Тессу, которая надела очки, позволявшие видеть сигнал порхающей камеры.

— У меня в машине еще целых три, — сказала Тесса, натянув на правую руку скользкую с виду черную контрольную перчатку. Она поэкспериментировала с тачпадом, запустив миниатюрные пропеллеры платформы и прогнав ее по кругу диаметром в двадцать футов.

— Нам нужно нанять кого-нибудь охранять фургон, — сказала Шеветта, — если хочешь увидеть его снова.

— Нанять кого-нибудь? Кого же?

Шеветта указала на тощего чернокожего мальчишку с немытыми дредами до самого пояса.

— Ты, как тебя звать?

— А тебе-то что?

— Заплачу, если присмотришь за фургоном. Вернемся — чип на пятьдесят. По рукам?

Мальчик равнодушно смотрел на нее.

— Звать Бумзилла, — сказал он.

— Бумзилла, — сказала Шеветта, — присмотришь за этим фургоном?

— По рукам, — сказал он.

— По рукам, — сказала Тессе Шеветта.

— Эй, леди, — сказал Бумзилла, ткнув пальцем в сторону "Маленькой Игрушки Бога", — я хочу эту штуку.

— Оставайся тут, — сказала Тесса, — нам понадобится местный оператор.

Тесса касается пальцами черного тачпада на ладони перчатки. Платформа камеры пролетает второй круг и выплывает из поля зрения, над танковыми ловушками. Тесса улыбается, увидев то, что увидела камера.

— Пошли, — сказала она Шеветте и направилась в проем между ближайшими ловушками.

— Не туда, — сказала Шеветта. — Вон туда. — Существовала единственная тропа, по которой все шли, если просто хотели пройти к мосту. Избрать другой путь означало или невежество, или желание срочно облегчиться.

Она показала Тессе дорогу. Дорога воняла мочой из расщелин между бетонными блоками. Шеветта шла быстрее, Тесса поспевала сзади.

***

И снова вышли в этот влажный свет, но теперь он лился не на киоски и торговцев, как помнила Шеветта, а на красно-белый фасад типового магазина самообслуживания, нагло, по самому

центру загородившего вход на оба уровня моста, на надпись "Счастливый дракон" и на содроганье картинок, ползущих вверх по фирменной башне из видеомониторов.

— Чтоб мне гореть в аду, — заявила Тесса, — это что, тоже часть "промежуточного сообщества"?

Шеветта остановилась в изумлении.

— Как они только осмелились?

— Так и осмелились, — сказала Тесса. — Самое выгодное расположение.

— Но это… это прямо как "Округ Ниссан".

— "Платный аттракцион на входе". Этот район — приманка для туристов, так?

— Много же народа отправится туда, где нет полиции.

— Автономные зоны заманчивы сами по себе, — сказала Тесса. — Данная зона здесь уже так давно, что стала для города почтовой открыткой номер один.

— Страх божий, — сказала Шеветта, — это… это же просто убийство.

— Кому, как ты думаешь, корпорация "Счастливый дракон" платит за аренду? — спросила Тесса, гоняя платформу туда и обратно, чтобы снять панораму фасада.

— Без понятия, — сказала Шеветта. — Эта хрень

стоит прямо посреди того, что раньше было улицей.

— Забудь об этом, — сказала Тесса, двинув вперед, в гущу пешеходного движения, втекающего и вытекающего с моста. — Мы прибыли как раз вовремя. Мы сделаем хронику местной реальной жизни, пока никто не успел застолбить эту тему.

Шеветта отправилась следом, еще не разобравшись, что она чувствовала.

***

Ленч они ели в мексиканской забегаловке под названием "Грязен Господь".

Шеветта не помнила ее по прошлой жизни, но забегаловки на мосту частенько меняли название. А также размеры и форму. Так получались странные гибриды: например, салон причесок и устричный бар решали объединиться в более крупное заведение, где подстригали волосы и подавали устриц. Иногда этот метод срабатывал: одним из "долгожителей" на мосту со стороны Сан-Франциско был салон татуировок, наносимых вручную, кормивший завтраками. Там можно было сидеть над тарелкой яичницы с беконом и наблюдать, как кого-то колют иголкой по нарисованному от руки трафарету.

Но "Грязен Господь" предлагал лишь мексиканскую еду плюс японскую музыку — мило и без претензий. Тесса взяла уэвос ранчерос 16, а Шеветта заказала кесадилью 17 с курицей. Обе взяли по пиву "Корона", и Тесса припарковала платформу камеры прямо под пластиковым потолком тента. Никто ее там, висящую, похоже, не разглядел, так что Тесса получила возможность снимать документальное кино и есть одновременно.

Тесса ела много. Она говорила, что такой у нее метаболизм: она одна из тех людей, кто никогда не набирает вес, сколько бы ни съел, а есть ей нужно для того, чтобы подпитывать себя энергией. Тесса разделалась со своими уэвос еще до того, как Шеветта наполовину управилась с кесадильей. Она осушила стеклянную бутылку "Короны" и принялась возиться с долькой лайма, сжимая и запихивая ее в горлышко.

— Карсон, — сказала Тесса. — Ты из-за него беспокоишься?

— А что с ним такое?

— Он довольно драчливый, твой бывший, вот что с ним такое. Это ведь его тачку мы видели там, в Малибу?

— Полагаю, что да, — сказала Шеветта.

— Ты полагаешь? Ты что, не уверена?

— Слушай, — сказала Шеветта, — тогда было раннее утро. Все было очень и очень странно. И знаешь что? Это была не моя идея — ехать сюда и забираться наверх. Это была твоя идея. Ты хочешь снять кино.

Лайм провалился в пустую бутылку "Короны", и Тесса уставилась на нее с таким выражением, будто только что проиграла пари.

— Знаешь, что мне в тебе нравится? Я имею в виду одну из многих вещей, которые мне в тебе нравятся.

— Что же? — спросила Шеветта.

— Ты не из среднего класса. Ты просто не такая, и все. Ты въезжаешь в квартиру к этому типу, он начинает тебя поколачивать, и что же ты делаешь?

— Съезжаю с квартиры.

— Правильно. Ты съезжаешь с квартиры. Ты не устраиваешь консилиум с адвокатами.

— У меня нет адвокатов, — сказала Шеветта.

— Я знаю. Я именно это и имею в виду.

— Я не люблю адвокатов, — сказала Шеветта.

— Конечно, не любишь. И у тебя нет рефлекса тяжбы.

— Тяжбы?

— Он тебя избивает. У него престижная студия на верхнем этаже, восемь сотен квадратных футов. У него есть работа. Он тебя избивает, но ты же не заказываешь автоматически ответного хирургического вмешательства; ты не из среднего класса.

— Я просто не хочу иметь с ним ничего общего.

— Это я и имею в виду. Ты же из Орегона, верно?

— В каком-то смысле, — сказала Шеветта.

— Ты когда-нибудь думала об актерской профессии? — Тесса перевернула бутылку вверх дном. Раздавленный ломтик лайма попал в горлышко. Несколько капель пива упало на исцарапанный черный пластик стола. Тесса засунула в бутылку мизинец правой руки и попыталась выудить ломтик.

— Нет.

— Ты нравишься камере. У тебя такое тело, что тебя парни лизать готовы.

— Отстань, — сказала Шеветта.

— Как ты думаешь, почему они поместили на веб-сайт твои фотографии с вечеринки 18 — там, в Малибу?

— Потому что напились, — сказала Шеветта.

— Потому что у них просто нет занятия получше. Потому что они — студенты и изучают медиа.

Тесса выудила из бутылки остатки лайма.

— Все три ответа верны, — сказала она, — но все-таки главная из причин — твоя внешность.

За спиной Тессы, на одном из стенных экранов "Грязного Господа", сделанных из вторсырья, появилась очень красивая молодая японка.

— Посмотри на нее, — сказала Шеветта, — вот это внешность, верно?

Тесса глянула через плечо.

— Это Рэи Тоэи, — сказала она.

— Ну, так вот, она красива. Она.

— Шеветта, — сказала Тесса, — она же не существует. Такой девушки нет на самом деле. Это код. Пакет программ.

— Не может быть, — сказала Шеветта.

— Ты что, не знала об этом?

— Но она же сделана с кого-то, верно? Что-то типа обработки живой киносъемки.

— Ни с кого, — сказала Тесса, — из ничего. Она — это настоящий обман. Нереальна на сто процентов.

— Тогда это то, чего хотят люди, — сказала Шеветта, глядя, как Рэи Тоэи грациозно плывет по какому-то ретро-азиатскому ночному клубу,

— а не какую-то экс-курьершу на велосипеде из Сан-Франциско.

— Нет, — сказала Тесса, — ты все понимаешь в точности наоборот. Люди не знают, чего хотят, пока не увидят. Каждый объект желания — это найденный объект. Традиционно, во всяком случае.

Шеветта взглянула на Тессу поверх пустых пивных бутылок.

— К чему ты клонишь, а, Тесса?

— Документалка. Она должна быть про тебя.

— Забудь об этом.

— Нет. Я уже вижу все в голове, грандиозный успех. Ты мне нужна для фокусировки. Мне нужно то, что сцементирует рассказ. Мне нужна Шеветта Вашингтон.

Шеветта уже начала потихоньку пугаться. И от этого разозлилась.

— Разве ты не получила грант на конкретный проект, о котором рассказывала? Про все эти штуки с промежуточными…

— Слушай, — сказала Тесса, — если проблема в этом, а я этого не говорю, то это моя проблема. И это — совсем не проблема, это — возможность. Это — шанс. Мой шанс.

— Тесса, ты меня ни за что не заманишь играть

в твоем кино. Ни за что. Понятно?

— "Игра" здесь не при чем, Шеветта. Все, что тебе нужно делать — это быть собой. И для этого потребуется выяснить, кто же ты на самом деле. Я сниму фильм о том, как ты выясняешь, кто ты на самом деле.

— Не снимешь, — сказала Шеветта, встав и чувствительно стукнувшись о платформу камеры, которая, стало быть, спустилась до уровня ее головы, пока они разговаривали. — Останови ее! — она яростно шлепнула "Маленькую Игрушку Бога".

Четыре других клиента забегаловки "Грязен Господь" просто скользнули по ним взглядом.

16. ПОДПРОГРАММЫ

Эта дыра в сердцевине личности Лэйни, это подспудное отсутствие, как он начинает подозревать, есть не столько отсутствие части его Я, сколько отсутствие Я как такового.

Что-то случилось с ним после спуска в картонный город. Он начал понимать, что раньше у него не было в каком-то немыслимом и буквальном смысле никакого Я.

Но что же там тогда было? — недоумевает он.

Подпрограммы: неадаптированные поведенческие подпрограммы выживания, отчаянно стремящиеся сконструировать существо, которое будет бесконечно приближаться, — но никогда им не станет, — к настоящему Лэйни. Раньше он этого не знал, хотя уверен, что всю свою жизнь подозревал, что с ним происходит что-то безнадежно и в корне не то.

Что-то упорно твердит ему об этом. Кажется, это что-то — в самом центре монолита "Дейтамерики". Возможно ли это?

Но вот он, сегодняшний, лежит в куче спальных мешков, в темноте, как будто в самом сердце земли, и за картонными стенами — стены из

бетона, покрытые керамической плиткой, а за ними — опорная основа этой страны, Японии, и дрожь поездов как напоминание о тектонических силах, о смещении платформ континентов.

Где-то глубоко внутри Лэйни тоже что-то смещается. В нем присутствует движение и потенциал еще более великого движения, и он удивляется, почему это его больше не пугает.

И все это в некоем смысле есть дар болезни. Не кашля, не лихорадки, но того, другого, подспудного не-здоровья, которое он считает результатом действия 5-SB, проглоченного им полжизни назад в сиротском приюте Гейнс-вилля.

Мы все были добровольцами, думает он, намертво вцепляясь в шлем и прыгая вслед за своим взглядом с края утеса данных, ныряя все глубже рядом с плоскогорьем кода, его поверхность состоит из фрактальных полей информации, которые, как он начал подозревать, скрывают некую мощь или даже разум, превосходящий его понимание.

Что-то — существительное и глагол одновременно.

Тогда как Лэйни, ныряльщик, широко раскрывший глаза от давления информации, воспринимает себя как просто прилагательное: мазок

"цвета Лэйни", абсолютно бессмысленный вне контекста. Микроскопический винтик в каком-то катастрофическом замысле. Но ввинченный, как он чувствует, в самый центр.

Решающий.

Это и есть та причина, по которой "спать" — неприменимая более опция.

17. ЗОДИАК

Они — черный мужчина с длинным лицом и белый толстый мужчина с огненной бородой — отводят Силенцио, голого, в комнату с мокрыми деревянными стенами. Оставляют его одного. Горячий дождь хлещет сверху из дырочек в черных трубках из пластика. Хлещет еще сильнее, жалит.

Они унесли его одежду и обувь в пластиковом мешке, затем толстяк приходит обратно, дает ему мыло. Он знает про мыло. Он помнит и теплый дождь, который хлестал из трубки тогда, в Лос-Прожектосе, но этот дождь лучше, и он здесь один в большой комнате, обитой деревом.

Силенцио с полным брюхом еды, он трет себя мылом снова и снова, потому что они так хотят. Он яростно намыливает голову.

Он закрывает глаза от жгучего мыла, и перед его внутренним взором в боевом порядке построились часы под зеленоватым, кое-где поврежденным стеклом, будто рыбы, вмерзшие в озерный лед. Яркие блики стали и золота.

Его захватил непостижимый порядок — многозначный факт присутствия этих волшебных

предметов, их нескончаемые различия, их специфические особенности. Бесконечное разнообразие, воплощенное в циферблатах, стрелках, циферках часовой разметки… Ему нравится теплый дождь, но ему отчаянно хочется вернуться, увидеть больше, услышать слова.

Он стал словами, тем, что они означают.

Стрелки "брегет". Расписной циферблат. Ушки "бомбей". Оригинальная головка. С дарственной надписью.

Дождь стихает и прекращается совсем. Толстяк, обутый в пластиковые сандалии, приносит Силенцио большую сухую тряпку.

Толстяк пялится на него.

— Часы, говоришь, ему по нраву? — спрашивает он у черного.

— Да, — отвечает чернокожий, — кажется, он любит часы.

Бородатый и толстый обертывает Силенцио полотенцем.

— А он умеет по часам узнавать время?

— Не знаю, — отвечает черный мужчина.

— Ну, — говорит бородатый толстяк, — пользоваться полотенцем он, похоже, не умеет.

Силенцио чувствует замешательство, стыд. Он смотрит в пол.

— Оставь парня в покое, Энди, — говорит черный. — Дай мне те шмотки, что я принес.

Имя чернокожего Фонтейн. Точно слово на языке Лос-Прожектоса, означающее "вода". Теплый дождь в деревянной комнате.

Вот Фонтейн ведет его по верхнему уровню, где одни люди кричат, потому что торгуют фруктами, мимо других, продающих старые вещи, разложенные на одеялах, туда, где другой тощий черный мужчина стоит и кого-то ждет рядом с пластиковой корзиной. Корзина перевернута, дно залатано пеной и драной серебряной пленкой, а этот мужчина одет в полосатую штуку из ткани, с карманами спереди, из карманов высовываются ножницы и еще штуки, похожие на ту штуку, которой Крысук любил без конца чесать свои волосы, когда ему удавалось добиться правильного баланса между черным и белым.

На Силенцио одежда, которую ему дал Фонтейн: она велика, болтается, она чужая и она вкусно пахнет. Фонтейн дал ему ботинки из белой ткани. Слишком уж белой. От них глазам больно.

От мыла и теплого дождика волосы у Силенцио стали тоже какие-то странные. Фонтейн приказывает Силенцио сесть на корзину, а этот мужчина начинает стричь ему волосы.

Силенцио дрожит, а черный тем временем чиркает по его волосам одной из штук Крысука, которую достал из кармана, и что-то бормочет сквозь зубы.

Силенцио поднимает глаза на Фонтейна.

— Все о'кей, — говорит Фонтейн, снимая обертку с маленькой острой палочки и засовывая ее в угол рта, — ничего не почувствуешь.

Силенцио интересно, как действует палочка, как черное или как белое, но Фонтейн не меняется. Он стоит, где стоял, с этой палочкой у себя во рту, и глядит, как тощий черный мужчина ножницами снимает с Силенцио волосы. Силенцио глядит на Фонтейна, слушая, как лязгают ножницы и как звучит в его голове новый язык.

"Зодиак Морской Волк". Очень чистый корпус. Ввинчивающаяся головка. Оригинальный желобок для стекла.

— "Зодиак Морской Волк", — говорит Силенцио.

— Ну, мужик, — говорит тощий черный мужчина, — да ты не прост!

18. СЕЛВИН ТОНГ

У Райделла была своя теория насчет виртуальной недвижимости. Чем меньше и дешевле реальный офис фирмы, тем больше и помпезнее ее веб-сайт. В соответствии с этой теорией, Селвин Ф. К. Тонг, нотариус из Коулуна, вероятней всего вел дела из свернутой в домик газетки.

Райделл не смог придумать, как перескочить через входную заставку, по-настоящему монолитную, с отдаленным египетским колоритом, который напомнил Райделлу о том, что его приятель Саблетт, кинофанат, называл "метафизикой коридоров". Заставка была вытянутым в перспективу сплошным коридором, и если бы коридор был реальным, в него можно было бы въехать на мощном трейлере. Горели барочные канделябры, заливая пространство кроваво-алым виртуальным светом, текстура стен была странновато-липкой на вид и смахивала на мрамор с золотыми прожилками.

И где это Лэйни откопал подобного типа?

Каким-то образом Райделл сумел вырубить музыку — подобие классики, с непрерывным крещендо, — но все равно ему пришлось минуты

три ползти до дверей офиса Селвина Ф. К. Тонга. Двери были высокие, просто высоченные, текстура их намекала на чье-то весьма абстрактное представление о ценной древесине.

— Тоже мне, тик, — сказал Райделл.

— Добро пожаловать, — произнес с придыханием гиперженственный голос, — в контору Селвина Ф. К. Тонга, нотариуса!

Двери широко распахнулись. Райделл смекнул, что, не выруби он вовремя музыку, она бы сейчас зашкалила.

Виртуально офис нотариуса был размером с олимпийский плавательный бассейн, но насчет деталей здесь явно поскупились. Райделл нажал клавишу на очках и приблизил картинку прямо к столу, размером примерно с бильярдный стол, и с той же, что у дверей, имитацией плохо обструганного дерева. На столе лежала парочка не поддающихся описанию металлических с виду вещей и стопка листов виртуальной бумаги.

— Что означает "Ф. К."? — спросил Райделл.

— Фрэнсис-Ксавье, — сказал Тонг, похожий на лишенную юмора карикатуру на маленького китайца в белой рубашке, черном костюме и черном галстуке. Его черные волосы и черный костюм имели одну и ту же текстуру, эффект был

странный, но, как решил Райделл, не преднамеренный.

— Я думал, вы будете сняты на видео, — сказал Райделл, — ну, вроде как это у вас такой ник — "Ф. К.", "эффекты камеры", вы понимаете?

— Я католик, — сказал Тонг, сохраняя нейтральность тона.

— Без обид, — сказал Райделл.

— Никто и не обижался, — сказал Тонг, его пластиковое на вид личико сияло, как и его пластиковые глаза.

Все время забываешь, отметил про себя Райделл, как отвратительно все это может выглядеть, если это делать левой пяткой.

— Чем могу быть полезен вам, мистер Райделл?

— Разве Лэйни вам не сказал?

— Лэйни?

— Колин, — сказал Райделл. — Пробел. Лэйни.

— И?..

— Шесть, — сказал Райделл. — Ноль. Два. Четыре.

Пластиковые глаза Тонга сузились.

— Берри.

Тонг поджал губы. Позади него в широком окне с другим уровнем разрешения Райделлу откры-

вался вид на Гонконг.

— Берри, — повторил Райделл.

— Благодарю, мистер Райделл, — сказал нотариус. — Мой клиент уполномочил меня сообщить вам следующий семизначный номер идентификации. — В правой руке Тонга вдруг возникла золотая пишущая ручка, будто монтажный ляп в студенческом фильме. Ручка была огромная, с тщательной текстурой, с завитыми драконами, их чешуя отсканирована с таким высоким разрешением, что затмевала собой все остальное на сайте. Должно быть, подарок на память, решил Райделл. Тонг написал семь цифр на листке виртуальной бумаги, после чего повернул листок так, чтобы Райделл мог их прочесть. Ручка исчезла так же ненатурально, как и появилась. — Пожалуйста, не читайте этого номера вслух, — сказал Тонг.

— Почему?

— В целях шифровки, — не очень понятно ответил Тонг. — У вас неограниченный запас времени для заучивания номера.

Райделл уставился на семь цифр и начал придумывать мнемонический код. В конце концов, он остановился на дате своего рождения, количестве штатов в стране, когда он родился, возрасте, в

котором умер его отец, и мысленном образе двух банок "7-Up". Когда он уверился в том, что сможет припомнить номер, он посмотрел на Тонга.

— Куда мне идти за кредитным чипом?

— Подойдет любой автоматический банкомат. У вас есть удостоверение личности с фотографией?

— Конечно, — сказал Райделл.

— Тогда наши дела закончены.

— Один момент, — сказал Райделл.

— В чем дело?

— Скажите, как убраться отсюда, минуя этот ваш… коридор? Мне нужен просто прямой выход, понятно?

Тонг вежливо взглянул на него.

— Кликните на моем лице.

Райделл щелкнул, вызвав с помощью клавиши на очках курсор в виде карикатурной неоново-зеленой руки-указателя.

— Спасибо, — сказал он, когда офис Тонга начал сворачиваться.

Он снова стоял в коридоре, спиной к дверям офиса.

— Черт, — сказал Райделл.

Опять заиграла музыка. Он завозился с крутящейся клавишей, пытаясь припомнить, как в

первый раз убил звук. Впрочем, он хотел найти через GPS ближайший АБМ, поэтому не стал отключать очки.

Он кликнул на конце коридора.

Этот клик, похоже, и вызвал волну осыпания битов, все аккуратные текстурные карты будто по новой составила рука какого-то извращенца: красный ковер стал серо-зеленым, на нем появились странные бугры и клочкастый мех, похожий на донышко месяц не мытой кофейной чашки, стены тем временем прошли все градации от бордельного мрамора до влажной бледности брюха протухшей рыбы, огни канделябров померкли, как свечи. Тонговская псевдоклассическая мелодия треснула, стала полой, жуткие басовые ноты рокотали где-то над самым порогом инфразвука.

Все это произошло за какую-нибудь секунду, и еще примерно через секунду до Райделла дошло, что кто-то, похоже, желает его безраздельного внимания.

— Райделл!!!

Это был голос, который монтируется из найденных случайно аудиофайлов: речь, состряпанная из воя ветра в каньонах между небоскребами, треска льда на Великих Озерах, ора древесных лягушек в южной ночи. Райделл слышал подоб-

ные голоса. Они действовали на нервы, для чего, собственно, и предназначались, и служили удобной маскировкой для голоса говорящего. Если говорящий, конечно, имел голос.

— Эй, — сказал Райделл, — я кликнул, чтобы просто убраться отсюда.

Перед ним появился виртуальный экран, ромб с закругленными углами, пропорции явно заимствованы из культурной парадигмы видеоэкранов двадцатого века. На экране, под странным углом — монохромный вид огромной темной долины, тускло подсвеченной сверху. Детали отсутствовали. Ощущение распада, глубокой древности.

— Хочу сообщить вам важную информацию. — Последняя гласная последнего слова напоминала завыванье сирены, промчавшейся мимо со всеми последствиями эффекта Доплера.

— Ну, — сказал Райделл, — если в вашем имени есть буквы "Ф. К.", то у вас, несомненно, скоро будут проблемы.

Последовала пауза; Райделлу оставалось лишь глядеть на мертвую пустую долину, изображенную, а может, воспроизведенную на экране. Он ожидал, что там сейчас что-нибудь произойдет; возможно, весь смысл был в том, что ничего не

произошло.

— Вам лучше как можно серьезнее отнестись к полученной информации, мистер Райделл.

— Я серьезен, как раковая опухоль, — ответил Райделл. — Валяйте.

— Используйте банкомат АБМ в "Счастливом драконе", у входа на мост. Потом предъявите свое удостоверение в филиале "ГлобЭкс" у заднего выхода из магазина.

— Зачем так сложно?

— Там для вас кое-что припасено.

— Тонг, — сказал Райделл, — это вы?

Но ответа он не услышал. Экран пропал, а коридор вернулся в прежнее состояние.

Райделл протянул руку и выдрал арендованный кабель из бразильских очков.

Поморгал.

Кафешка около Юнион-сквер, особого типа, с цветами в горшках и интернет-деками. Утренняя офисная толпа начала образовывать очередь за сандвичами.

Он встал, сложил очки, запихал их во внутренний карман куртки и поднял сумку с земли.

19. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ МЕСТА

Шеветта движется мимо бесцветного пламени костра торговца каштанами, серый порошок древесного угля спекается в перевернутом V-образном капоте двигателя какой-то древней машины.

Она видит иное пламя, горящее в памяти: сияние кокса в кузнечном горне, который работает на выхлопе пылесоса. Старик кузнец стоит рядом с ней и держит в руке приводную цепь какого-то допотопного мотоцикла, тщательно свернутую в компактную массу и закрепленную куском ржавого провода. Держит, чтобы взять щипцами и сунуть в плавильный горн. И чтобы в конце концов отковать из нее, добела раскаленной, странно-зернистое лезвие дамасского кинжала, призраки звеньев становятся явственно видны, когда клинок выкован, погашен водой, выправлен и отполирован на точильном круге.

Куда же делся тот клинок, размышляет она.

Она наблюдала, как мастер искусно вытачивает и тушит, как мясо, медную рукоять, ломает пласты ламинированной печатной платы и придает им нужную форму шлифовальным ремнем.

Жесткая, ломкая на вид плата, слоистая ткань, попавшая, как насекомое, в ловушку фенольной смолы, на мосту была буквально повсюду — единая валюта мусорных ям. Каждый пласт это и платы — как карта с тусклым металлическим узором, похожим на улицы и города. Когда их приносили мусорщики, платы были усеяны мелкими деталями, которые с легкостью снимала горелка, плавя серый припой. Детали летели на землю, и получались обожженные зеленые доски с утонувшими в них станиолевыми картами воображаемых городов, останками второй эры электроники. Скиннер говорил ей, что эти доски вечны и инертны, как камень, что их не берут ни влажность, ни ультрафиолет, никакие другие силы распада; что их назначение — заполонить всю планету, а поэтому стоит их использовать снова, объединять, по возможности, с материей других вещей, что они — бесценный ресурс, если хочешь построить что-нибудь долговечное.

Она знает, что сейчас ей нужно побыть одной, поэтому она бросила Тессу на нижнем уровне, пусть собирает наглядный материал со своей "Маленькой Игрушкой Бога". Шеветта не хочет слышать ни слова о том, что фильм Тессы должен быть более личностным, связанным с

ней, с Шеветтой, и Тесса, видимо, не способна заткнуться или принять в качестве ответа слово "нет". Шеветта помнит Банни Малатесту, он был ее диспетчером, когда она работала здесь курьером, помнит, как он любил повторять: "Какой слог слова "нет" до тебя не доходит?" Но у Банни была способность выдавать подобные штучки с видом грозной силы природы, а Шеветта знает, что лишена подобной способности, что ей не хватает жесткости Банни, того напора, без которого никогда ничего никому не вдолбить.

В общем, она добралась эскалатором, которого напрочь не помнит, до верхнего уровня, и теперь бредет, сама того не сознавая, к подножию их со Скиннером башни. Водянистый свет превратился в редкий порывистый дождь, бьющий о ветхую надстройку моста. Люди втаскивают в дома постиранное белье, висящее там, где они его обычно развешивают, прямо на тросах, и кругом царит обыденная предштормовая неразбериха, которая, как она знает, тут же сойдет на нет, стоит лишь проясниться погоде.

И ведь до сих пор, размышляет она, я не видела ни одного лица, знакомого по прошлой жизни, и никто не сказал мне "привет", и она уже ловит себя на мысли, что все население моста подме-

нили в ее отсутствие. Нет, вот прошла женщина, владелица книжного лотка, та самая, костяные палочки для еды торчат из крашенного черной краской узла волос, и еще Шеветта узнает того мальчика-корейца с больной ногой, он тащит куда-то отцовскую суповую тележку с таким лязгом, будто на ней стоят тормоза.

Башня, по которой она каждый день взбиралась наверх, в фанерную лачугу Скиннера, вся облеплена пристройками, ее железный остов погребен в сердцевине органического комплекса помещений, приспособленных для особых нужд. На туго натянутые, бьющиеся на ветру листы молочно-белого пластика падают огромные тени от листьев, отброшенные неземным светом устройств гидропоники. Она слышит рычанье электропилы из крохотной мастерской мебельщика, его помощник терпеливо сидит, натирая воском маленькую скамейку, коллаж из наборных дубовых досок с облупленной краской, растасканных мусорщиками с облицовки старых домов. А еще кто-то варит джем, большой медный чайник кипит над пропановой конфоркой.

Вот то, что нужно Тессе, думает она: люди с моста, занявшие свои промежуточные места. Занятые своими нехитрыми делами. Но Шевет-

та видела, как они пьют по-черному. Видела накачанных наркотой, видела сумасшедших, навеки исчезающих в серой безжалостной зыби. Видела, как мужчины режут друг друга насмерть ножами. Видела окаменевшую мать, бредущую на рассвете с задушенным младенцем на руках. Мост не туристическая фантазия. Мост абсолютно реален, и жить здесь — значит платить за это твердую цену.

Это мир внутри мира, и раз уж есть промежутки между вещами мира, пространства, построенные в промежутках, то в них обязательно есть свои вещи, и между ними — свои промежутки, а в тех промежутках — снова вещи, и так без конца.

Тесса этого не знает, и не дело Шеветты ей это объяснять.

Она пригибается, проходя, мимо съехавшего листа пластика, во влажное тепло и свет гидропонных ламп. Вонь химикалий. Черная вода побулькивает среди обнаженных корней. Это лекарственные растения, предполагает она, но, наверное, не наркотические, в уличном смысле слова. Те выращивают поближе к Окленду, в особом секторе, специально для этого отведенном, и в теплые дни дурман смолистого душка повисает там в воздухе, отчего почти ощутимо звенит в

ушах, незаметно меняется восприятие.

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

Бульканье жидкости в системе прозрачных трубок. Пара измазанных илом разбитых желтых болотных сапог болтается рядом, но нет и намека на присутствие их хозяина. Она движется быстро, ноги сами помнят — туда, где виднеются изъеденные коррозией алюминиевые ступеньки в зарослях больших, словно кулаки, пузырей суперэпоксидки.

Когда она начинает карабкаться, застежка старой Скиннеровой куртки, массивный шарик на цепи, цепляется и позвякивает. Эти ступеньки — пожарная лестница, запасной выход на случай опасности.

Миновав тошнотворно-зеленое солнце главного гидропонного фонаря, помещенного в ржавую строительную арматуру, она подтягивается на последней алюминиевой ступеньке и пролезает в узкое треугольное отверстие.

За ширмами стен из разбухшего от дождей композита темно. Одни лишь неясные тени там, где она помнит яркий свет, и она замечает, что верхнюю лампочку в этом глухом помещении кто-то выкрутил. Это нижний конец фуникулера Скиннера — маленькая подъемная тележка,

взятая у мусорщиков. Фуникулер соорудил для старика чернокожий мужчина по имени Фонтейн, и именно здесь она пристегивала велосипед в свои курьерские дни, втаскивая его на плече по другой, не потайной лестнице.

Она рассматривает зубчатый трос фуникулера, от скопившейся пыли смазка на нем стала тусклой. "Гондола", желтый муниципальный ящик для вторсырья, достаточно глубокий, чтобы стоять в нем, держась за край, ждет, где и положено. Но если "гондола" находится здесь, это скорей всего значит, что нынешнего жителя кабельной башни нет дома. Если, конечно, тачку не спустили вниз в ожидании гостя, а в этом Шеветта сомневается. Когда находишься наверху, лучше, чтобы тачка была под боком. Шеветте знакомо это чувство.

Она начинает карабкаться по деревянным ступенькам кое-как сбитой стремянки, и карабкается, пока не ударяется головой о трос, и вот уже щурится от ветра и серебристого света. Видит чайку, неподвижно зависшую в воздухе в каких-нибудь двадцати футах на фоне городской башни.

Ветер треплет волосы Шеветты, изрядно отросшие с тех пор, пока ее здесь не было, и в ней

возникает чувство, которому не найти названия, но которое всегда было с ней, и она не видит смысла забираться дальше, потому что теперь она знает, что дома, который живет в ее памяти, больше нет. Лишь пустая скорлупка, дребезжащая на ветру, — там, где она лежала когда-то, закутавшись в одеяла, чувствуя запах машинного масла, кофе и свежих опилок.

И где, вдруг она понимает, была порой счастлива от полноты бытия и готовности встретить завтрашний день.

И она сознает, что стала другой и что, когда была счастлива, вряд ли осознавала это.

Она, сутулясь, втягивает голову в спасительный панцирь куртки и представляет себе, как плачет, хотя знает, что этому не бывать, и начинает спускаться вниз.

20. БУМЗИЛЛА

Бумзилла сидит себе на поребрике, рядом с фургоном, эти две сучки сказали, заплатим, если присмотришь. Еще полчаса не придут, он найдет подмогу и разденет фургон. Хочется заиметь того надувного робота, который был у сучки блондинки. Вот это круто. Гонять эту летучую говешку.

Вторая сучка, типа как байкерша, на ней старая куртка, очень крутая, посмотришь — так снята с какого бандюги. Напинаю в задницу, такая вот куртка.

Куда они смылись? Голодно что-то, ветер с опилками в рожу, дождь накрапывает.

— Ты не видел вот эту девчонку? — белый мужик, с виду киноактер, рожа вся в темном гриме, как у этих, с южного побережья. Вон как выпендриваются, когда надумают сюда сунуться, шмотки заношены на хрен, типа как все путем. Кожан такой, типа только что припарковал за углом свой раздолбанный самолет. Синие джинсы. Черная фуфайка.

Бумзилла точно бы блеванул, попробуй кто запихать его в такое дерьмо. Бумзилла, — он знает, чего напялить, когда со своим дерьмом тут

разгребется.

Бумзилла таращится на снимок, мужик его сует прямо под нос. Видит ту сучку, которая типа как байкерша, только шмотки покруче.

Бумзилла смотрит на харю в гриме. Видит белесые голубые буркалы на фоне грима. Типа: сиди, где сидишь. Типа: не рыпайся, башню разворочу.

Бумзилла смекает: мужик не в понятии, что это ихний фургон.

— Она потерялась, — говорит мужик.

"Сам ты, мудак, потерялся", — думает Бумзилла.

— Никогда не видал. Буркалы смотрят пристальнее.

— Пропала без вести, понял? Хочу ей помочь. Сбежавший ребенок.

Мысленно: ну и ребенок, бля; сучка-то старше моей мамаши.

Бумзилла качает головой. Еще как серьезно качает, самый децл, туда-сюда. В смысле "нет".

Голубые буркалы шарят вокруг, ищут кого другого, чтобы засветить свой снимок; шарят мимо фургона. Ясно, в непонятках мудила.

Мудила отваливает налево, туда, где тусуется народ у кафешки, сует им свой долбаный снимок.

Бумзилла смотрит, как мудила сваливает.

Бумзилла сам сбежавший ребенок и собирается им оставаться, пока не сдохнет.

21. "ПАРАГОН-АЗИЯ"

Сан-Франциско и Лос-Анджелес больше походили на две разные планеты, чем на два разных города. И дело было не в трениях между Северной Калифорнией и Южной Калифорнией, а в более глубоких корнях. Райделл помнил, как много лет назад сидел где-то с пивом, смотрел "церемонию отсоединения" по Си-эн-эн и даже тогда не проникся всей этой заморочкой. Но вот сама разница — это было.

Жесткий порыв ветра швырнул ему в лицо дождь, когда он шел вниз по Стоктон, чтобы выйти на Маркет. Девицы из офисов придерживали руками юбки и хохотали, и Райделлу тоже захотелось смеяться, впрочем, это прошло еще до того, как он пересек Маркет и двинулся вниз по Четвертой.

Именно здесь он встретил Шеветту, здесь она когда-то жила.

Они с Райделлом ввязались в этих местах в одну авантюру, потом встретились, а уж окончание этой авантюры занесло их в Эл-Эй.

Ей просто не понравился Эл-Эй, постоянно твердил он себе, хотя знал, что совсем не по этой

причине все вышло так, как вышло.

Они приехали на Юг настоящей парой, а Райделл зачем-то решил превратить в телешоу то, через что им вместе пришлось пройти. "Копы влипли", конечно, заинтересовались, так как "Копы" уже проявляли к Райделлу интерес давно, еще в Ноксвилле.

Свеженький после Академии Райделл с ходу применил смертоносное оружие при задержании удолбанного "плясуном" психа, который пытался прикончить детей своей собственной подружки. Подружка впоследствии пыталась судиться с округом, городом и самим Райделлом, так что "Копы влипли" решили, что с Райделлом может выйти неплохой эпизод. И они его дернули самолетом в Южную Калифорнию, где у них была база. Он получил личного агента и все такое, но сделка не состоялась, и его взяли в "Интенсекьюр" водителем броневика, выезжать по вызовам. Как только он умудрился устроить так, что его уволили, случилась поездка в Северную Калифорнию, для временной и сугубо неофициальной работы — участия в местной операции "Интенсекьюр". Тут-то он и влип в заваруху, которая "подарила" ему Шеветту Вашингтон. В общем, когда он вернулся в Эл-Эй с готовым сюжетом и под ручку

с Шеветтой, "Копы влипли" уже делали стойку. Они как раз раскручивали свой бизнес, превращая каждый эпизод в сериал для укрепления своих позиций на рынке, и отделу демографии понравилось, что Райделл — мужчина, что он не слишком молод, не слишком образован и, кроме того, — южанин. Еще им понравилось, что он не расист и уж конечно то, что при нем была эта смазливая, альтернативного типа деваха, такая крепенькая, будто может легко колоть грецкие орехи, зажав их между ляжек.

"Копы влипли" засунули их в сомнительный маленький отель неподалеку от Сансет, и они с Шеветтой были там так счастливы — первые две недели, что Райделл едва мог вынести одни лишь воспоминания.

Каждый раз, когда они ложились в кровать, ему начинало казаться, что они творят историю, а не просто занимаются любовью. Номер был похож на небольшую квартирку, с отдельной кухней и газовым камином, и по ночам они кувыркались перед камином на одеяле, брошенном на пол, все окна открыты, весь свет погашен, синее пламя чуть мерцает, боевые вертолеты ДПЛА гудят над головой, и когда он оказывался в ее объятиях или она ложилась, повернувшись к нему лицом,

он понимал, что это — хорошая история, самая лучшая и что все теперь выйдет просто замечательно.

Не вышло.

Райделл никогда особо не задумывался о своей внешности. Ему казалось, с этим все в порядке. Женщинам он, похоже, вполне нравился, ему даже говорили, что он похож на молодого Томми Ли Джонса, а Томми Ли Джонс был кинозвездой в двадцатом веке. И потому, что ему так сказали, Райделл однажды взял и посмотрел пару фильмов с этим парнем; фильмы ему понравились, хотя никакого сходства он не увидел и слегка озадачился.

Однако он начал беспокоиться, когда "Копы влипли" назначили к нему костлявую белобрысую стажерку по имени Тара-Мэй Аленби, которая ходила за ним как привязанная и набирала метраж установленной на плече неподвижной камерой.

Тара-Мэй жевала жвачку, мудрила с фильтрами и, в общем и целом, бесила Райделла до зубовного скрежета. Он знал, что сигнал с ее камеры идет напрямую к "Копам влипли", и стал подозревать, что они не слишком довольны тем, что видят. Тара-Мэй не развеяла его опасений, объяснив

Райделлу, что камера добавляет верные двадцать фунтов к любой внешности, но, дескать, подумаешь, ей самой Райделл нравится вот таким, натуральным, в самом соку. В то же время она постоянно намекала, что он мог бы и подкачаться. Почему бы не последовать примеру этой вашей подружки, говорила она, вот так крепышка, даже зависть берет.

Но Шеветта ни разу в жизни не была в гимнастическом зале; крепышкой ее сделали родительские гены да еще те несколько лет, что она гоняла вверх-вниз по холмам Сан-Франциско на горном гоночном велосипеде с рамой из пропитанной эпоксидкой японской строительной бумаги.

***

Так что теперь Райделл просто вздохнул, дойдя до угла Четвертой и Брайент и свернув по Брайент на мост. Сумка на плече начала заметно тяжелеть, явно в сговоре с гравитацией. Райделл остановился и еще раз вздохнул, поправляя сумку. Выкинул мысли о прошлом из головы.

Просто топай, и все.

Никаких проблем с поисками этого филиала "Счастливого дракона". Пропустить его было попросту невозможно: бац! — и вот он, торчит

прямо там, где была середина Брайент, в самом центре, у входа на мост. Райделл не видел его, когда шел по Брайент, потому что его заслоняли груды старых бетонных ловушек для танков, сброшенных после землетрясения, но стоило их миновать, и вот, пожалуйста, любуйтесь.

Райделл заметил, пока шел к магазину, что это заведение — более новая модель, чем та, где он работал, на Сансет. У этой было меньше выступающих углов, так что отделка меньше крошится и ремонт требуется реже. Он предположил, что проектирование "драконовских" модулей было на самом деле проектированием объекта, способного выдержать натиск миллионов небрежных и даже враждебных рук. В конце концов, подумал он, должно получиться что-то вроде раковины моллюска — гладкое и твердое.

У магазина на Сансет было покрытие, которое пожирало граффити. Подростки из уличных банд приходили и что-нибудь малевали; двадцать минут спустя из-за угла, скользя, появлялись плоские темные и какие-то крабообразные пятна темно-синего цвета. Райделл никак не мог вникнуть в принцип их действия, но Дариус говорил, что их разработали в Сингапуре. Казалось, они были встроены на несколько миллиметров вглубь

прямо в покрытие, которое представляло собой некий густой непрозрачный гель, и при этом были способны в нем свободно передвигаться. Он слыхал, что это называется "умный материал". "Крабы" сползались и набрасывались на граффити, какие чудные каракули ни были бы нанесены аэрозольным баллоном, чтобы расписаться в фанатстве, пометить территорию или поклясться в мести (Дариус был наделен талантом "читать" эту дурь и выстроить из нее целую историю), — сползались и начинали жрать. Нельзя сказать, что "ноги" у "крабов" при этом так уж явственно двигались. Они всего лишь принюхивались к граффити, и постепенно каракули начинали распутываться, бледнеть, синева "драконовских буквоедов" всасывала молекулы краски.

А однажды кто-то оставил после себя умные каракули, какой-то вид переводной картинки, похитрому прилепленный к стене, хотя ни Райделл, ни Дариус так и не поняли, как злоумышленнику удалось это сделать и остаться незамеченным. Может быть, сказал Дариус, ее выстрелили с большого расстояния. Это была эмблема банды под названием "Чупакабрас", жуткая шипастая тварь, вся черно-красная, мерзкая и зловещая и, как считал сам Райделл, довольно забавная

на вид и прикольная, что ли. Он даже видел такую наколку, когда сидел в магазине. Парни, щеголявшие такими тату, обожали носить эти ужасные контактные линзы, от которых зрачки становятся похожими на змеиные. Однако когда пожиратели граффити явились полакомиться "чупакаброй", она отползла.

Они крались за ней осторожно, а она их чуяла и отползала. Настолько медленно, что движение было почти незаметно, но все-таки отползала. Тогда пожиратели граффити приближались к ней снова. Райделл и Дариус в первый вечер наблюдали за ней, пока она не доползла до края стены. Она обогнула магазин сзади и начала продвигаться обратно к фасаду по противоположной стене, когда их смена закончилась.

В начале их следующей смены она все еще там красовалась; компанию ей составляла пара стандартных клякс от аэрозольных хлопушек. Пожирателей заворожила "разумная чупакабра", и они даже не думали делать свое дело. Дариус показал сие безобразие мистеру Парку, которому не понравилось, что они ему не сказали сразу. Райделл показал ему, где именно в вахтенном журнале находился подробный отчет, сделанный еще в конце прошлой смены, отчего мистер Парк

только разозлился еще больше.

Примерно через час два типа в белых комбинезонах "Тайвек" приперлись к ним в хирургически чистом, без всяких опознавательных знаков, белом фургоне и принялись за работу. Райделл очень хотел посмотреть, каким образом они вытравят хитрые граффити, но в ту ночь на магазин напали воры, и ему так и не удалось увидеть, что же фургонщики сделали с "чупакаброй". Они не использовали ни скребков, ни растворителей, он это знал. Они использовали ноутбук и два щупа с присосками. Он догадался, что, в сущности, парни просто взломали программу граффити, запутали код, и после того как они уехали, пожиратели граффити приползли, чтобы всосать без помех последний писк "чупакабровой" живописи.

***

Этот "Счастливый дракон" у моста был такой же гладкий и белый, как новая фарфоровая тарелка, отметил Райделл, подойдя чуть поближе. Он казался фрагментом чужого сна, свалившимся с неба. От этого вход на мост приобрел какое-то дикое, явно не запланированное противоречие, и Райделл подивился, много ли было дискуссий в Сингапуре до того, как поставили здесь модуль.

"Счастливый дракон" имел филиалы во многих первоклассных местах с интересной для туристов недвижимостью, Райделл их видел на экранах "Всемирной Интерактивной Видеоколонны" в Эл-Эй; один размещался в торговом центре под Красной площадью, другой — модный "Кей-Дам" — в центре Берлина, третий — для крутой клиентуры — на Пикадилли, в Лондоне, но то, что модуль поставили здесь, показалось Райделлу поразительно странной или, если угодно, до странности преднамеренной акцией.

Мост был заковыристым местечком, достаточно безопасным, но вот только не для туристов.

Нет, конечно, пешие туристы наблюдались, и в довольно изрядном количестве, особенно на этом конце моста, но никаких экскурсий, никаких гидов. Если ты шел на мост, ты шел по собственному почину. Шеветта говорила ему, что люди на мосту люто ненавидят евангелистов, и Армию спасения тоже, и вообще любые организации. Райделл смекнул, что, безусловно, одной из причин привлекательности моста была его неподконтрольность.

"Автономная зона" — так называл это Дариус. Он сказал Райделлу, что Сансет-стрип изначально была одной из этих зон на стыке разных поли-

цейских юрисдикции, и это как-то изменило ДНК улицы — вот отчего, скажем, под Рождество на Стрипе по-прежнему паслись шлюхи в колпаках эльфов.

Но, возможно, "Счастливый дракон" знает что-то такое, чего люди не знают, подумал он. Все в мире может меняться. Его отец, например, постоянно божился, что Таймс-сквер когда-то был тем еще опасным местечком.

Райделл с трудом пробивался через толпу, втекавшую и вытекавшую с моста мимо "Всемирной Интерактивной Видеоколонны", и, пока пробивался, грезил, так сказать, наяву, что вот сейчас он поднимет взгляд и увидит родной филиал на Сансет, и Хвалагосподу радостно просияет ему с парадного входа.

Все, что он увидел, был юный скейтбордист в Сеуле, трясущий мошонкой в камеру.

***

Он вошел внутрь, где его немедленно остановил очень крупный джентльмен с очень низким лбом и белесыми бровями.

— Сумку сюда, — приказал охранник, украшенный точно таким же неоново-розовым "драконовским" ранцем, какой Райделл таскал

на себе в Эл-Эй. По сути, ранец Райделла лежал в вещмешке, которого этот парень домогался.

— Пожалуйста, — сказал Райделл, передавая сумку. "Драконовские" охранники были обязаны говорить это слово: пожалуйста. Так гласил ноутбук мистера Парка, но в принципе, если уж ты просил у кого-то сумку, ты признавал тем самым, что считал клиента потенциальным воришкой, а коли так, то почему бы тебе не оформить это повежливей? Охранник с подозрением сощурил глаза. Он засунул сумку в нумерованный кубический шкафчик за своим боевым постом и протянул Райделлу бирку с логотипом "Счастливого дракона", которая выглядела, как огромная подставка для стакана с цифрой "5" на обратной стороне. Размер, как прекрасно знал Райделл, был рассчитан на то, что бирки такого размера больше, чем размер стандартных карманов; таким образом, исключалась возможность, что, положив в карман, народ забудет об этом и утащит бирки с собой. Один из способов снизить себестоимость. Абсолютно все в "Счастливом драконе" было продумано таким образом. И вы вроде как были просто обязаны восхищаться этим.

— Добро пожаловать, — сказал Райделл. Он направился к банкомату Международного Банка

"Счастливого дракона" в конце модуля. Он знал, что машина наблюдает за тем, как он приближается и вынимает бумажник из заднего кармана.

— Я здесь, чтобы мне выдали чип, — сказал он.

— Пожалуйста, назовите себя, — у всех "драконовских" банкоматов был один и тот же голос, странноватый, напряженный, сипловатый голос маленького кастрата, и Райделл никак не мог понять почему. Но можно было не сомневаться, что это тоже продумано: вполне вероятно, что такой голосок отбивал у людей охоту ошиваться вокруг и от нечего делать трепаться с машиной. Но Райделл знал, что, в любом случае, это сучье отродье могло прыснуть в клиента перечным газом. Аппараты были обклеены предупреждениями об этой опасности, хотя лично он глубоко сомневался, что кто-то хоть раз реально прочитал эти наставления. Если же вам взбрело в голову серьезно шутить с аппаратом, к примеру, попробовать засунуть отмычку в отверстие, откуда выскакивал чип, зловредная тварь облила бы водой и вас, и себя, а потом пустила электрический ток — об этом помалкивали все.

— Берри Райделл, — сказал он, достав из бумажника свои водительские права, выданные в Теннесси, и вставив их операционным концом в

сканер банкомата.

— Контактная проверка ладони.

Райделл положил свою руку на вмятину в форме руки. Он ненавидел эту процедуру. Разносчики лишаев и всякой заразы — вот что такое эти штуки для сканирования ладони. Грязь с чужих рук.

Он вытер ладонь о штаны.

— Пожалуйста, введите ваш персональный идентификационный код.

Райделл ввел, шаг за шагом восстановив мнемонический код и закончив двумя жестянками "7-Up".

— Обрабатываю ваш запрос о кредите, — сказал аппарат с такой болью в голосе, будто ему отдавили яйца.

Райделл глянул назад и понял, что, в принципе, он единственный клиент, если не брать в расчет седовласую женщину в черных кожаных брюках, которая мучила кассира на языке, который Райделл счел немецким.

— Транзакция завершена, — сказал банкомат. Райделл повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как "драконовский" кредитный чип выползает из отверстия выдачи. Он толкнул его обратно, не до конца, чтобы сумма остатка высветилась на экране. Недурно. Очень даже недурно.

Он спрятал чип в карман, убрал бумажник подальше и развернулся в сторону кассы "ГлобЭкс", которая также служила местным отделением ВПС, Всеамериканской Почтовой Службы. Как и банкомат, эта штука представляла собой очередной спецузел, или, точнее, просто вздутие в пластиковой стене. У них на Сансет такой беды не было, и Хвалагосподу была вынуждена числиться одновременно клерком "Глобал Экспресса" и/или служащей ВПС, причем вторая должность заставляла ее периодически хмуриться, так как секта ее родителей однозначно идентифицировала все федеральные организации как происки Сатаны.

Того, кто медлит, как учил в свое время Райделла его отец, того Бог хранит, и Райделл старался изо всех сил в течение всей своей жизни практиковать этот вид благостной неторопливости. Практически все, из-за чего он когда-либо попадал в глубокую задницу, насколько он помнил, было просто побочным продуктом неумения медлить. В его характере была такая черта — он сам не знал откуда, — которая просто брала его и тащила, при этом в самый неподходящий момент.

Смотри, куда прыгаешь. Сто раз отмерь. Задумайся о последствиях.

Он задумался о последствиях. Некто воспользо-

вался его кратким, но вынужденным визитом в виртуальный коридор Селвина Ф. К. Тонга, чтобы ненавязчиво намекнуть, что ему стоит вынуть кредитный чип из данного конкретного банкомата, а потом кое за чем заглянуть в "ГлобЭкс". Этим "некто" мог быть сам Селвин Тонг, говоривший, так сказать, через "черный канал", а может, это был кто-то другой, неизвестно кто, да кто угодно, взломавший, как решил Райделл, едва ли самый надежно защищенный сайт в мире. Впрочем, сама картина деформации, произведенной в честь Райделла, была буквально подписана словом "хакеры". Как он убедился на собственном опыте, хакеры просто не могут удержаться от показухи, а также склонны к модной зауми. И еще Райделл знал, что они могут запросто усадить тебя в кучу дерьма, и чаще всего сажают.

Он посмотрел на выпуклость "ГлобЭкс".

И потащился туда.

С этим делом он управился быстрее, чем с получением кредитного чипа: показал лицензию — замочек открылся. Посылка была крупнее, чем он ожидал, но даже для такого размера казалось тяжеловатой. Попросту тяжеленной. Дорогостоящая на вид упаковка на пенной основе, очень тщательно опечатанная серой пленкой из пласти-

ка и утыканная со всех сторон анимированными голограммами "ГлобЭкс Максимум Экспресс", стикерами таможни. Он изучил накладную. Она вроде бы пришла из Токио, но только на первый взгляд, потому что накладная была подписана фирмой "Парагон-Азия Дейтафлоу" по адресу Лайгон-стрит, Мельбурн, Австралия. У Райделла не было знакомых в Австралии, но зато ему было известно, что доставка любого груза на международном судне в любой из подобных приемных пунктов "ГлобЭкс" считалась предприятием, во-первых, невозможным, а во-вторых, определенно подсудным и незаконным. Без адреса получателя, будь то частное лицо или фирма, было не обойтись. Эти приемные пункты занимались исключительно местной доставкой.

Черт побери. Штуковина была слишком тяжелой. Он обхватил ее рукой — все два фута в длину и шесть дюймов в диаметре — и потащился обратно, забрать свою сумку.

***

Которая теперь стояла открытой на маленькой стойке, а безбровый охранник, в свою очередь, держал на весу неоново-розовый "драконовский" ранец Райделла.

— Что ты тут делаешь с моей сумкой?

Охранник поднял голову.

— Это имущество "Счастливого дракона".

— Тебе не положено копаться в сумках клиентов, — сказал Райделл, — так говорит ноутбук.

— Я обязан рассматривать это как кражу. У вас здесь имущество "Счастливого дракона".

Тут Райделл вспомнил, что положил керамический кнопарь в свой ранец, потому что не смог придумать, что с ним еще можно сделать. Он попробовал вспомнить, законно ли это или же незаконно — здесь, наверху, на Севере. В Южной Калифорнии было, например, так, а в Орегоне эдак.

— Это мое имущество, — сказал Райделл, — и ты мне его отдашь, прямо сейчас.

— Уж извините, — сказал охранник с вызовом.

— Эй, Райделл, — раздался знакомый голос, и дверь распахнулась с такой страшной силой, что Райделл услышал отчетливый хруст в механизме автоматической защелки. — Сукин ты сын, ты все еще с яйцами или хана?

В мгновение ока Райделла поглотили пары водки и похотливого тестостерона. Он обернулся и увидел Кридмора, который зловеще скалился, однозначно потеряв человеческий облик. У него

за спиной маячил мужчина, коренастый, бледное лицо, темные глаза близко посажены.

— Ты, алкаш, — рявкнул охранник, — пошел вон отсюда.

— Так-так, значит, я алкаш. — Кридмор скорчился, будто его мучила душевная боль. — Говорит, что я алкаш… — Кридмор поворотился к стоявшему позади мужчине. — Рэнди, этот козел говорит, что я алкаш.

Уголки губ дородного мужика, у которого был странно маленький и нежный для такого тяжелого и заросшего лица рот, мгновенно опустились вниз, как будто он был неподдельно и очень, очень глубоко огорчен тем фактом, что одно человеческое существо смело третировать другое таким непотребным образом.

— Ну так порви этому педриле очко, — мягко посоветовал крепыш, будто подобная перспектива сулила радующую душу возможность, пусть и маловероятную, поиметь веселье после такого большого разочарования.

— Я алкаш?!! — Кридмор опять повернулся к охраннику. Он наклонился над стойкой, так что его подбородок коснулся верха райделловской сумки. — В каком дерьме ты здесь собираешься вывалять моего приятеля?

Кридмор излучал опасность не хуже рептилии, обожравшейся амфетаминов, его гнев не поддавался измерению по шкале млекопитающих. Райделл увидел, что у Кридмора начался тик, размеренно и непроизвольно пульсировал мускул на щеке, словно крохотное запасное сердце. Поняв, что Кридмор безраздельно владеет вниманием охранника, Райделл сгреб левой рукой сумку, а правой — розовый ранец.

Охранник сделал попытку вернуть их себе. Что, несомненно, было ошибкой, так как хватательный рефлекс заставил его выбросить вперед обе руки.

— Соси член!!! — взвизгнул Кридмор, выдав удар с такой бешеной скоростью и энергией, каких Райделл от него не ожидал, кулак певца кантри погрузился по самое запястье в брюхо охранника, прямиком под ложечку.

Ошалев от такой неожиданности, страж согнулся пополам. Кридмор уже замахнулся, чтобы врезать ему по роже, но Райделл успел опутать запястья Кридмора лямками сумки, едва не грохнув объемистую посылку на пол.

— Канаем, Бьюэлл, — сказал Райделл, вытолкав Кридмора в дверь. Райделл знал, что сейчас кое-кто долбанет ногой по особой кнопке в полу.

— Этот козел утверждает, что я алкаш, — выразил свой протест Кридмор.

— Ну что тебе сказать, Бьюэлл, ты действительно алкаш, — задумчиво сказал крупный мужчина, поспевая следом.

Кридмор хихикнул.

— Пошли отсюда, — сказал Райделл, двигая к мосту. Не снижая темпа, он пытался не выпустить "подарок" "ГлобЭкс", ненадежно зажатый подмышкой. Порыв ветра швырнул ему горсть опилок в глаза, проморгавшись, скосив глаза, чтобы их очистить, он впервые заметил, что в накладной все же стояло имя получателя, но не его, Райделла, а Колина Лэйни.

"Колин-пробел-Лэйни". Как же так вышло, что Райделлу отдали чужую посылку?

Но тут они очутились в гуще толпы, направлявшейся вверх по широкому трапу на нижний уровень.

— Что это там за дерьмо? — спросил Кридмор, вытянув шею.

— Мост Сан-Франциско — Окленд, — ответил Райделл.

— Вот ведь какое дерьмо, — сказал Кридмор, косясь на толпу, — воняет, как банка с тухлой наживкой. Спорим, здесь можно найти себе такую

дырку, каких свет не видывал.

— Мне нужно выпить, — тихо сказал чувак с деликатным ртом.

— Похоже, мне тоже, — откликнулся Райделл.

22. В ЯРОСТИ

У Фонтейна две жены.

Не такое это положение, скажет он вам, чтобы к нему стремиться.

Они живут в неустойчивом перемирии в одной квартире, ближе к Оклендскому концу. Фонтейн уже какое-то время уклоняется от общения с ними и спит здесь, в своей лавке.

Молодая жена, ей сорок восемь, а с виду лет на пять меньше, сама с Ямайки, а жила в Брикстоне, высокая и светлокожая; для Фонтейна она сущее наказание за все грехи его жизни.

Ее имя Кларисса. Впадая в ярость, она сбивается на говор, усвоенный в детстве: "Прыз тебе в студию, Фонтен".

Фонтейну достается "прыз" вот уж несколько лет, и сегодня он опять его получает: рассерженная Кларисса стоит перед ним, держа в руке сумку для покупок, полную, как кажется, японских младенцев, больных кататонией.

На самом деле это куклы младенцев в натуральную величину, произведенные в последние годы прошлого века для утешения бабушек с дедушками, живущих вдалеке от внуков, каждая

кукла сделана по фотографии реального ребенка. Выпускала их в Мегуро фирма под названьем "Близняшки", и они вскоре стали популярной среди коллекционеров ценностью, ибо каждый экземпляр был уникальным.

— Не нужны мне они, — говорит Фонтейн.

— Слушай, ты, — наседает Кларисса, борясь со своим говором. — Никуда ты не денешься, ты их возьмешь. Ты их берешь, ты их толкаешь, ты получаешь не меньше доллара, и ты отдаешь его мне. Потому что иначе я ни за что не останусь в этой дыре, где ты бросил меня рядом с этой сумасшедшей сукой, на которой ты женат.

На которой я был женат, когда ты "женила" меня на себе, размышляет Фонтейн, и это ни для кого не секрет. К упомянутой Турмалине Фонтейн, известной также под кличкой Жена Номер Раз, вполне адекватно, как полагает Фонтейн, походит эпитет "сумасшедшая сука".

Турмалина — воплощенный кошмар; лишь ее необъятная талия и неизлечимая тупость не дают ей сюда заявиться.

— Кларисса, — протестует он, — если б они хоть были новенькие, в упаковке…

— Они не бывают в упаковке, ты, идиот! С ними всегда играют!

— Ну, значит, ты знаешь рынок лучше, чем я, Кларисса. Сама, значит, и продавай.

— Ты хотишь поговорить про алименты?

Фонтейн смотрит на японских кукол.

— Господи, вот ведь уродцы. Выглядят как мертвые, ты понимаешь?

— Потому что их надо заводить, болван. — Кларисса кладет сумку на пол и хватает за голову голого мальчика. Она вонзает свой длинный изумрудно-зеленый ноготь в затылок куклы. Пытается продемонстрировать еще одну уникальную, сугубо индивидуальную особенность этих игрушек — цифровую запись младенческих звуков, а может быть, даже первых слов прототипов, — но вместо них раздается чье-то нарочито тяжелое дыхание, а после него — ребячливое хихиканье в сопровождении разноголосья детских ругательств. Кларисса нахмуривается. — Кто-то их уже поломал.

Фонтейн вздыхает.

— Сделаю все, что смогу. Оставь их здесь. Ничего не могу обещать.

— Лучше молись, чтобы я их здесь оставила, — говорит Кларисса, швырнув младенца в сумку вниз головой.

Фонтейн украдкой бросает взгляд вглубь лавки,

где на полу, скрестив по-турецки ноги, сидит босой мальчик, постриженный почти под ноль, раскрытый ноутбук — на коленях, сам весь внимание.

— Это еще что за черт? — вопрошает Кларисса, подойдя ближе к стойке и впервые заметив мальчика.

Данный вопрос почему-то ставит Фонтейна в тупик. Он теребит свои лохмы.

— Он любит часы, — говорит Фонтейн.

— Ха, — говорит Кларисса, — он любит часы. Что же ты не приведешь сюда своих собственных детей? — ее глаза сужаются, морщинки у глаз становятся глубже, и Фонтейну вдруг очень хочется их поцеловать. — Что же ты завел здесь какого-то "толстяка-латиноса-любит-часы" вместо них?

— Кларисса…

— В задницу "Кларисса"! — ее зеленые глаза расширяются от гнева, становятся белесыми и ледяными, как далекое эхо ДНК неизвестного британского солдата: Фонтейн часто с улыбкой воображал себе душную ночь зачатия где-нибудь в Кингстоне, — эхо, что отозвалось через несколько поколений. — Ты двигаешь эти куклы или я в ярости, понял?

Она лихо делает поворот на пятках, что совсем

нелегко в ее черных галошах и, гордая и прямая, с достоинством уходит из лавки Фонтейна, в мужском твидовом пальто, которое, вспоминает Фонтейн, он купил в Чикаго лет пятнадцать назад.

Фонтейн вздыхает. Тяжесть наваливается на него к концу дня.

— В этом штате законно быть мужем двух женщин сразу, — говорит он в воздух, который пахнет кофе. — Ко всем чертям, это безумно, но все же законно. — Он шаркает к входной двери, в ботинках с развязанными шнурками и закрывает ее за ушедшей, запирает замок. — Ты все еще думаешь, что я двоеженец или что-то типа того, малыш, но это — штат Северная Калифорния.

Он возвращается и еще раз смотрит на мальчика, который, похоже, только что открыл веб-сайт аукциона "Кристи".

Мальчик смотрит на него снизу вверх.

— Наручные часы в виде бочонка, платиновый корпус, поминутный репетир, — говорит он, — Патек Филипп, Женева, лот 187154.

— Думаю, — говорит Фонтейн, — не совсем для нас.

— Карманные часы "Хантер", золотой корпус, четвертьчасовой репетир…

— Забудь об этом.

— ...со скрытым внутри эротическим механизмом.

— Это нам тоже не по зубам, — говорит Фонтейн. — Послушай, — говорит он, — вот что я тебе скажу: этот ноутбук слишком медленный способ смотреть. Я покажу тебе быстрый способ.

— Быстрый. Способ.

Фонтейн идет рыться в выдвижных ящиках стальной картотеки, покрытой засохшей краской, и роется до тех пор, пока не находит старый военный шлем виртуальной реальности. Резиновая "губа" вокруг бинокулярного видеодисплея вся в трещинах, крошится. Еще несколько минут уходит на то, чтобы найти совместимый аккумулятор и определить, заряжен он или нет. Мальчик игнорирует Фонтейна, уйдя с головой в каталоги "Кристи". Фонтейн подключает к шлему аккумулятор и возвращается.

— Вот, смотри. Видишь? Надеваешь эту штуку на голову...

23. РУССКИЙ ХОЛМ

Квартира огромна, в ней отсутствуют предметы, не имеющие практической пользы.

Поэтому паркет из дорогого дерева не скрыт коврами и очень тщательно начищен.

Расположившись в удобном полуинтеллектуальном шведском офисном кресле, он заостряет клинок.

Это задача (он думает о ней, как о функции), которая требует пустоты.

Он сидит перед столом — выполненная в девятнадцатом веке реконструкция трапезного стола семнадцатого столетия. На расстоянии шести дюймов от ближайшего края в ореховом дереве с помощью лазера просверлены два треугольных гнезда под прямым углом. В эти гнезда он только что вставил два графитово-серых керамических стержня длиной девять дюймов каждый, треугольных в поперечном сечении, образующих теперь острый угол. Эти точильные камни прочно сидят в глубоких, просверленных лазером выемках, потому стержни держатся намертво.

Клинок лежит перед ним на столе, его лезвие меж керамических стержней.

Он берет клинок в левую руку и прикасается основанием лезвия к левому точильному камню. Он направляет клинок на себя и вниз, одним резким, ровным, решительным рывком. Он услышит малейший намек на несовершенство, но это возможно только в том случае, если была пробита при ударе кость, а этот клинок в последний раз пробивал кость много лет тому назад.

Ничего.

Человек выдыхает, вдыхает и прикасается лезвием к правому точильному камню.

Звенит телефон.

Человек выдыхает. Кладет клинок на стол, лезвием между керамических стержней.

— Да?

Голос, звучащий из нескольких скрытых колонок, хорошо ему знаком, хотя человек почти десятилетие не встречался с обладателем голоса в обычном физическом пространстве. Человек знает: слова, что он слышит, исходят из миниатюрного сверхдорогого, надежного в эксплуатации обломка недвижимости, повисшего где-то среди спутников планеты. Это прямая передача, ничего общего с аморфным облаком ординарной человеческой коммуникации.

— Я видел, что вы делали на мосту прошлой

ночью, — говорит голос.

Человек молчит в пустоту. На нем изысканная фланелевая рубашка из тонкого хлопка, воротник застегнут, галстук отсутствует, манжеты с простыми плоскими круглыми запонками из платины. Человек кладет руки на колени и ждет.

— Они считают, что вы сумасшедший, — говорит голос.

— Кто из ваших наемников говорит вам подобные вещи?

— Дети, — говорит голос, — жестокие и способные. Я нашел самых лучших.

— Почему вас это волнует?

— Я хочу знать.

— Вы хотите знать, — говорит человек, поправляя складку на левой брючине, — почему?

— Потому что вы мне интересны.

— Вы боитесь меня? — спрашивает человек.

— Нет, — отвечает голос. — Не думаю.

Человек молчит.

— Почему вы убили их? — спрашивает голос.

— Они просто умерли, — говорит человек.

— Зачем вы ходили туда?

— Я хотел посмотреть на мост.

— Мои ребята считают, что вы ходили туда специально, чтобы кого-то завлечь, кого-то, кто

на вас нападет. Чтобы кого-то убить.

— Нет, — говорит человек, в его голосе слышится разочарование. — Они просто умерли.

— Но вы были действующим лицом.

Человек слегка пожимает плечами. Поджимает губы. Потом:

— Случается всякое.

— "Случается всякое дерьмо", как мы говаривали когда-то. Не оно ли и случилось?

— Мне не знакомо данное выражение, — говорит человек.

— Я давно не просил вас о помощи.

— Это результат взросления, надеюсь, — говорит человек. — Вы стали меньше сопротивляться инерции случая.

Голос умолкает. Молчание затягивается. Наконец:

— Вы научили меня этому.

Когда человек убеждается, что беседа окончена, он берет клинок в правую руку и приставляет конец лезвия к правому точильному камню.

И плавно сдвигает клинок на себя и вниз.

24. ДВА ФОНАРИКА СЗАДИ

Они отыскали темную забегаловку, которая, чувствовалось, нависала над землей далеко за пределами несуществующих перил моста. Не очень просторное помещение, но довольно длинное, с баром вдоль стены, выходившей на мост, а напротив — ряд разномастных окон, глядевших на юг, через пирсы, на Китайский залив. Давно немытые стекла вставлены в рамы, промазанные бурыми стекловидными сгустками силикона.

Кридмор, пока суть да дело, оживился, выглядел искренним и благожелательным, представив своего спутника, упитанного парня, как Рэндалла Джеймса Бранча Кейбелла Шоутса, из города Мобил, штат Алабама. Шоутс был гитаристом-гастролером, если верить Кридмору, в Нэшвилле и еще где-то там.

— Рад встрече с вами, — сказал Райделл. Рука Шоутса была прохладная, сухая и мягкая, но с крохотными, твердыми мозолями, будто лайковая перчатка, вышитая острыми камешками граната.

— Друг Бьюэлла — значит мой друг, — ответствовал Шоутс без малейшей иронии.

Райделл глянул на Кридмора, пытаясь понять, какие бездны нейрохимии парень преодолевал в данный момент и сколь долго он был намерен держаться избранного курса.

— Я должен сказать тебе спасибо, Бьюэлл, за то, что ты там устроил, — сказал Райделл, ибо это была чистая правда. Чистой правдой было и то, что Райделл не мог с уверенностью сказать, устроил ли это Кридмор или кто-то другой, но сама ситуация выглядела так, будто Кридмор и Шоутс нарисовались в нужное время и в нужном месте — впрочем, собственный опыт работы в "Счастливом драконе" подсказывал Райделлу, что история еще будет иметь продолжение.

— Сукины дети, — подал голос Кридмор, комментируя в общих чертах положение дел. Райделл заказал всем пиво.

— Слушай, Бьюэлл, — сказал он Кридмору, — возможно, нас станут искать из-за того, что случилось.

— Какого хрена? Мы здесь, эти сукины дети там.

— Значит, так, Бьюэлл, — сказал Райделл, представив, что вынужден объясняться с упрямым и капризным ребенком, — я как раз получил вот эту посылку, до того, как у нас там случился ма-

ленький спор, а потом ты врезал охраннику под дыхло. Сейчас он не сильно этому рад, и, вполне вероятно, он вспомнит, что у меня была в руках эта посылка. Вот большой логотип "ГлобЭкс", видишь? Значит, охранник может взять записи "ГлобЭкс" и найти меня на видео или аудиозаписи, неважно как, и сдать все это в полицию.

— В полицию? Сукин сын будет нарываться на проблемы, мы их ему предоставим, правильно?

— Нет, — сказал Райделл, — это не поможет.

— Ну, если все так безнадежно, — Кридмор положил руку Райделлу на плечо, — тогда мы будем тебя навещать, пока тебя не выпустят.

— Ну, уж нет, Бьюэлл, — сказал Райделл, стряхнув с плеча руку, — на самом деле я вовсе не думаю, что тот тип станет обращаться в полицию. Скорей, он захочет узнать, на кого мы работаем, и стоит ли подать на нас в суд и выиграть.

— Подать на тебя?

— На нас.

— Ха, — сказал Кридмор, переваривая эту новость, — ну ты и попал, чувак.

— Не факт, — сказал Райделл, — смотря что скажут свидетели.

— Намек понял, — сказал Рэнди Шоутс, — но мне будет нужно поговорить с моим лейблом,

поговорить с адвокатами.

— С твоим лейблом? — оторопел Райделл.

— Так точно.

Тут прибыло пиво в бутылках с длинным коричневым горлышком. Райделл хлебнул из своей.

— Кридмор работает на твой лейбл?

— Нет, — сказал Рэнди Шоутс.

Кридмор перевел взгляд с Шоутса на Райделла и снова на Шоутса.

— Рэнди, я всего-навсего дал тому типу разок под дыхло. Я и знать не знал, что это может сказаться на нашей сделке.

— Оно и не скажется, — откликнулся Шоутс, — если ты все еще будешь в состоянии войти в студию и принять участие в записи.

— Черт тебя дери, Райделл, — сказал Кридмор, — я тебя не просил лезть в это дело и делать мне гадость.

Райделл, рывшийся в эту секунду в своем вещмешке под столом, вытащил из вещмешка злополучный ранец, открыл его, посмотрел снизу вверх на Кридмора, но ничего не сказал. Он нащупал кратоновую рукоять керамического кнопаря.

— Вы, ребята, меня извините, — сказал Райделл, — но мне срочно нужен толчок. — Он встал, взял

под мышку коробку "ГлобЭкс" и с кнопарем в кармане двинулся к официантке, чтобы спросить, где мужская уборная.

Во второй раз за сегодняшний день он убедился, что можно сидеть в туалетной кабинке и не использовать ее по назначению; эта благоухала значительно сильнее первой. Водопроводную систему здесь монтировали явно впопыхах, как, впрочем, и везде — куда ни глянь, пучками змеились прозрачные, отвратительного вида трубки, над раковиной с капавшими кранами отслаивались стикеры "ВОДА НЕ ПИТЬЕВАЯ", характерные для Северной Калифорнии.

Он вынул из кармана нож и надавил на кнопку, черное лезвие выскочило и щелкнуло. Он надавил на кнопку еще раз, сняв защелку с лезвия, закрыл кнопарь и открыл его снова. И что в этих кнопарях такого, озадачился он, отчего с ними хочется вот так баловаться? Ему казалось, что люди по большей части любят иметь кнопари как раз ради этого баловства, что это как-то связано с психологией — рефлексами тупых обезьян. Сам он считал, что на самом деле эти механизмы абсолютно бессмысленны, если не брать в расчет их простого бытового удобства. Малолеткам кнопари нравились своей крутостью, но если уж

кто-то увидит, как ты открываешь такую штуку, он сразу поймет, что ты парень с ножом, и либо сбежит, либо пнет тебя пару раз, либо просто пристрелит, в зависимости от того, что он думает о парнях с ножами, и от того, как сам вооружен. Райделл допускал, что теоретически возможны весьма специфические ситуации, когда ты можешь просто щелкнуть кнопарем и воткнуть его в кого-нибудь, но он не верил, что это так уж часто случается.

Он положил коробку со стикером "ГлобЭкс" себе на колени. Кончиком лезвия — осторожно, чтобы не порезаться, как тогда, в Эл-Эй, — рассек серую пленку. Нож прошел сквозь материю, как сквозь масло. Когда разрез стал достаточно длинным, чтобы посылку можно было открыть, он опасливо сложил нож и отложил его в сторону. После чего поднял крышку.

Сперва ему показалось, что он смотрит на термос, на один из тех дорогостоящих шероховатых нержавеющих экземпляров, но, достав предмет из коробки, по его тяжести и высокому качеству изготовления сразу понял, что это нечто иное.

Он перевернул хреновину вверх тормашками и обнаружил вставленную в дно прямоугольную розетку с кластером микрогнезд — и больше

ничего, за исключением слегка потертого синего стикера, на котором было написано: "Отличный вид". Он потряс "термос". Тот не забулькал, не издал вообще звуков. Монолит да и только, крышки нигде не видно, как открыть — непонятно. Райделл был удивлен, что подобную штуку пропустила таможня; интересно, как чиновники "ГлобЭкс" смогли объяснить, что это вообще такое, и как доказал и, что этот "термос", чем бы он ни был на самом деле, не напичкан какой-нибудь контрабандой? Лично он смог бы сам назвать хоть дюжину видов контрабанды, которой можно нашпиговать предмет таких габаритов и жить припеваючи, получив его здесь посылкой из Токио.

Может, внутри наркотики, подумал он, или еще какая-нибудь дрянь, и его просто-напросто хотят подставить. Может, копы сейчас выбьют дверь сапогами и нацепят на него наручники за незаконный ввоз эмбриональной ткани или вроде того.

Он сидел без движения. Ничего не произошло.

Он положил предмет на колени и обшарил плотную упаковку из пены, надеясь найти хоть какую-нибудь записку, какой-нибудь ключик, который мог бы объяснить, что это такое. Там

было пусто, так что он засунул предмет обратно в коробку, покинул кабинку, вымыл руки не питьевой водой и вышел из уборной, намереваясь покинуть бар, а заодно и Кридмора с Шоутсом, после того как захватит сумку, которая находилась под их присмотром.

Оказалось, что к ним присоединилась та самая дама, Мэри-Элис, утренняя знакомая, и что Шоутс где-то успел достать гитару, потертую старую громину с длинной трещиной в корпусе, как попало заклеенной чем-то вроде изоленты. Шоутс отставил свой стул подальше, чтобы гитара влезла в пространство между его брюхом и краем стола, и настраивал инструмент. У него было выражение лица "я-слышу-тайные-гармонии", которое обычно бывает у людей, настраивающих гитары.

Кридмор весь вытянулся вперед, наблюдая; его будто мокрые, обесцвеченные прядями волосы тускло блестели в полутьме бара, и Райделл увидел взгляд Кридмора, нескрываемый голод, от которого ему стало не по себе, как будто он вдруг увидел, как Кридмор к чему-то стремится сквозь стену дерьма, которой сам себя окружил. От этого Кридмор внезапно стал выглядеть человечнее, но и менее привлекательно.

И тут Шоутс с отсутствующим видом извлек из

кармана рубашки нечто, похожее на колпачок старомодной губной помады, и начал играть, используя трубку из золотистого металла как "слайд". Звуки, которые он ласково извлекал из гитары, ударили Райделла прямо под ложечку, так же точно, как Кридмор недавно одним кулаком уделал охранника: они липли к сердцу, как канифоль липнет к пальцам, когда играешь в пул. Мелодия этой волнующей музыки властно забирала сердце Райделла.

В баре в этот ранний час посетителей было немного, и все они затихли, завороженные будоражащими гитарными экспрессиями Шоутса, а потом Кридмор запел, с дрожью в голосе, о чем-то неземном, похожем на отходную молитву.

Кридмор пел о поезде, отбывающем со станции, о двух огнях последнего вагона — синим фонариком была его крошка.

Красным фонариком был его разум.

25. КОСТЮМ

Перестав спать, Лэйни, некурящий и непьющий, завел привычку опрокидывать содержимое крохотных коричневых стеклянных бутылочек патентованного средства против похмелья, старинного, но все еще популярного японского средства, состоящего из алкоголя, кофеина, аспирина и жидкого никотина. Он откуда-то знает (откуда-то он теперь знает все, что ему нужно знать), что это, наряду с периодическим приемом его успокаивающего сиропа от кашля, именно та комбинация, без которой ему никак не жить.

Сердце — как молот, глаза — нараспашку входящим данным, руки — ледяные; он решительно прыгает в бездну.

Он больше не выползает из своего картона, полагаясь одинаково на Ямадзаки (тот приносит лекарства, от которых Лэйни отказывается) и на одного из соседей по картонному городу, холеного безумца, очевидно, знакомого старика, конструктора трансформеров и хозяина помещения, в которое каким-то образом попал Лэйни.

Лэйни не помнит первого появления этого ходячего сумасшествия, о котором он думает, называя

его Костюм, но это не главная информация.

Костюм, очевидно, бывший служащий. Костюм носит костюм — один и тот же костюм — всегда и везде. Костюм черный, и некогда был и вправду очень хороший костюм, и если судить по его состоянию, очевидно, у Костюма — в каком бы картоне он ни окопался — есть утюг, иголка и нитка (вне всяких сомнений), а также умение всем этим пользоваться. Нельзя, например, и предположить, что пуговицы на этом костюме были бы пришиты вкривь и вкось или чтобы белая рубашка Костюма, сияющая в галогеновом свете картонной коробки у мастера трансформеров, не отличалась бы белизной.

Но не менее очевидно и то, что Костюм знавал лучшие времена, что, впрочем, можно с уверенностью сказать обо всех обитателях этих мест. Вполне возможно, к примеру, что белая рубашка Костюма бела оттого, что Костюм ее ежедневно красит, по предположениям Лэйни (хотя информация эта ему не нужна), белым средством, предназначенным для обновления спортивной обуви. Тяжелые черные рамки очков Костюма скреплены подозрительно правильными дугами черной электропленки, нарезанной узенькими и ровными, как на заказ, полосками с помощью

взятых у старика напрокат ножа "Экс-Экто" и миниатюрной стальной Т-образной линейки, — и только потом приклеены точно и аккуратно.

Костюм настолько опрятен, правилен, насколько это возможно для человека. Но Костюм не мылся очень давно — несколько месяцев, а может, и несколько лет. Каждый квадратный дюйм его видимой плоти, конечно, начищен и безупречно чист, но Костюм источает почти не поддающийся описанию запах самого отчаяния и безумия. Он носите собой всегда и везде три идентичные, упакованные в пластик копии книги про самого себя. Лэйни, не разбирающий японских иероглифов, заметил, что на всех трех копиях красуется одна и та же расплывшаяся в улыбке фотография самого Костюма, вне всяких сомнений Костюма лучших времен, почему-то сжимающего в руке хоккейную клюшку. И Лэйни знает (не зная, откуда он это знает), что книга — одна из тех самодовольных, вдохновенных автобиографий, которые наемные писатели сочиняют за деньги для некоторых чиновников. Но история Костюма покрыта для Лэйни туманом неизвестности, и весьма вероятно, что и для самого Костюма тоже.

Разум Лэйни занят другими делами, но ему слу-

чается осознавать, что если он просит сходить в аптеку Костюма как своего более презентабельного представителя, тогда он, Лэйни, действительно в плохой форме.

Так оно, конечно, и есть, но по сравнению со всемирным потоком данных, которые, не иссякая и вольно, как воды Нила, текут сквозь него, заполняя весь его внутренний мир, все это кажется сущим пустяком.

Теперь Лэйни знает о существовании талантов, для которых нет имени. О режимах восприятия, которых, возможно, никогда раньше не было и в помине.

Например, в нем развилось непосредственно пространственное чувство чего-то очень близкого к тотальности всей инфосферы.

Он ощущает ее как некую единую неопознанную форму, как нечто набранное шрифтом Брайля лично для него, на фоне декорации он сам не знает чего именно, и эта форма причиняет ему боль — ту боль, которую, как было сказано поэтом, мир причиняет Богу 19. Внутри этой формы он нащупывает узлы потенциальности, нанизанные на линии, которые являются историями случившегося, становящегося еще-не-случившимся. Он очень близок, как ему кажется,

к видению, в котором прошлое и будущее сливаются воедино; его настоящее, когда он вынужден вновь поселяться в нем, кажется все более бесконтрольным, а его конкретное расположение на временной линии, которая является Колином Лэйни, стало теперь скорее условностью, нежели чем-то абсолютным.

Всю свою жизнь Лэйни слышал треп о смерти истории, но, оказавшись лицом к лицу с буквальной формой всех человеческих знаний, всей человеческой памяти, он начинает видеть путь, которому в реальности попросту не было аналогий.

Никакой истории. Только эта форма, состоящая, в свою очередь, из меньших форм, и так далее — головокружительным фрактальным каскадом до бесконечно высокой степени разрешения.

Но есть еще будущее. "Будущее" — всегда во множественном числе.

И поэтому он решает больше не спать, и посылает Костюма купить побольше микстуры "Восстановитель", и вдруг замечает, — когда Костюм выползает наружу из-под одеяла дынного оттенка, — что лодыжки бедняги обмазаны чем-то чертовски напоминающим асфальт, вместо носков.

26. "СБОЙНЫЙ СЕКТОР"

Шеветта купила два сандвича с курицей прямо с тележки на верхнем уровне и пошла назад искать Тессу.

Ветер переменился, потом затих, а заодно с ним спало и предштормовое напряжение — это странно окрыляющее состояние.

Шторм на мосту всегда был делом серьезным; даже просто ветреный день усиливал вероятность того, что кто-нибудь расшибется. А если ветер крепчал, мост содрогался, словно корабль, зацепившийся якорем за дно бухты, но стремящийся в море. Сам мост стоял прочно, что бы ни стряслось (хотя Шеветта полагала, что он все же сдвинулся из-за прошлого землетрясения, по этой причине и не использовался по назначению), но все, что на нем потом наросло, абсолютно все было очень даже подвижно, и если случалось особое невезение, то порою с весьма катастрофическими результатами. Вот что заставляло людей бежать, когда поднимался ветер, — бежать, чтобы проверить стяжки авиакабелей, кое-как сколоченных пихтовых досок, сечением два на четыре дюйма каждая…

Скиннер научил ее всем этим штучкам между делом, хотя по-своему уроки он давать умел. Один из этих уроков касался того, каково было находиться здесь в ту самую ночь, когда мост впервые захватили бездомные. Что это было за чувство — карабкаться через баррикады, возникающие после того, как землетрясение разнесло конструкцию и движение транспорта остановилось.

Это было не так уж давно, если мерить время годами, но целую жизнь назад с точки зрения этого места. Скиннер показывал ей картинки — как выглядел мост до того, — но она, хоть убей, до сих пор не может представить себе, что раньше люди здесь не жили. Еще он показывал ей рисунки, изображавшие старые мосты, мосты с магазинами и домами, что показалось ей логичным: иметь мост и при этом на нем не жить?

Ей нравится здесь до сих пор, мост живет в ее сердце, но в то же время в ней что-то наблюдает со стороны и не принимает все это так, будто она сама снимает документалку вроде той, что хотела снять Тесса, некую внутреннюю версию всех видеопроектов, которые Карсон продюсировал для канала "Реальность". Как будто она вернулась и не вернулась. Как будто она стала иной, пока ее тут не было, за время отсутствия она не

заметила в себе перемены, а сейчас наблюдает сама за собой.

Она обнаружила Тессу сидящей на корточках перед узким торцом какого-то магазина, слова "Сбойный сектор" разбрызганы аэрозольным баллончиком по фанерному фасаду, который выглядит так, будто его покрасили серебристой краской с помощью метлы.

На коленях у Тессы лежала "Маленькая Игрушка Бога", часть воздуха выпущена, а сама Тесса возилась с креплением камеры.

— Балласт, — заявила Тесса, подняв глаза, — всегда гибнет первым.

— Держи, — сказала Шеветта, протянув ей сандвич, — пока еще теплый.

Тесса зажала воздушный майлеровский шарик коленями и взяла промасленный бумажный пакет.

— Придумала, где собираешься спать? — спросила Шеветта, разворачивая свой сандвич.

— В фургоне, — сказала Тесса с набитым ртом. — Там все есть, в смысле пена, спальные мешки.

— Только не там, где он стоит, — сказала Шеветта, — там место такое, людоедское, в общем.

— Ну и где тогда?

— Если у него еще остались колеса. Есть место,

рядом с одним пирсом, в самом начале улицы Фолсом; люди паркуют там тачки и там же спят. Копы знают об этом, но смотрят на это сквозь пальцы; им же легче, раз все паркуются в одном месте — получается вроде как кемпинг. Но свободное место порой найти трудно.

— Это хорошо, — сказала наевшаяся Тесса и тыльной стороной ладони вытерла жирные губы.

— Цыплята с моста. Их разводят у Оклендского конца, кормят объедками и всякой дрянью, — Шеветта откусила сандвич — белая квадратная булочка, присыпанная мучной пылью. Она стала жевать, уставившись от нечего делать в окошко "Сбойного сектора".

Квадратные плоские бирки — или просто пластины? — из пластика разных цветов и размеров сперва озадачили ее, но потом она поняла: это были диски для данных, древние магнитные носители информации. А вон те здоровенные круглые плоские черные пластиковые штуки — аналоговые аудиомедиа, механическая система. Ставишь иголку на спиральную царапину и крутишь эту хреновину. Откусив еще кусочек, она отошла от Тессы, чтобы получше все рассмотреть. В окошке виднелись мотки отличной стальной

проволоки, зазубренные розовые цилиндры из воска с выцветшими бумажными ярлыками, желтоватые прозрачные пластиковые катушки четвертьдюймовой коричневой пленки…

Разглядывая этот склад, она увидела в глубине шеренги старинных процессоров, большинство в корпусах из этого бежевого, как личинка жука, пластика. Почему это люди в первые двадцать лет компьютерной эры абсолютно всему придавали этот мерзкий цвет? Все цифровые устройства, изготовленные в том веке, были почти на сто процентов такого же убогого сиротского цвета беж — если, конечно, дизайнеры не хотели придавать им оттенок драматизма, какой-то особенной крутизны, и в таком случае неизменно красили все черным. Но в основном эту старую рухлядь штамповали по одному шаблону — безымянных оттенков, не поддающихся описанию.

— Все, теперь этой штуке каюк, — печально вздохнула Тесса, которая, прикончив свой сандвич, снова взялась ковырять отверткой в "Маленькой Игрушке Бога". Она протянула руку, предлагая отвертку Шеветте. — Верни это ему, ладно?

— Кому?

— Борцу сумо из магазина.

Шеветта взяла небольшой инструмент с микрорезьбой и вошла в "Сбойный сектор".

За прилавком стоял молодой китаец, весивший, судя по виду, фунтов двести, а то и больше. Голова, как обычно у борцов сумо, недавно обритая, с петушиным хвостом на макушке, маленькая бородка под нижней губой. На нем была хлопковая рубашка с короткими рукавами — большие тропические цветы, а мочку левого уха пронзал конический шип голубого люсайта 20. Парень стоял за прилавком возле стены, обклеенной рваными постерами с рекламой доисторических игровых приставок.

— Это ведь ваша отвертка?

— Она с ней справилась? — он даже не шелохнулся, чтобы взять инструмент.

— По-моему, нет, — сказала Шеветта, — но думаю, она решила проблему.

Послышалось тихое быстрое щелканье. Она посмотрела вниз и увидела робота шести дюймов ростом, стремительно семенящего поперек прилавка на длинных мультяшных ножках. Он был похож на рыцаря в доспехах: глянцево-белые щитки-сегменты, надетые на сверкающий каркас из стали. Она уже видела таких роботов: это были дистанционные периферийные устройства,

контролируемые программой, которая заняла бы почти весь объем памяти стандартного ноутбука. Робот остановился, сложил кисти ручек вместе, виртуозно исполнил миниатюрный поклон, выпрямился и протянул свои крохотные кистевые зажимы к отвертке. Шеветта позволила ему взять отвертку, резкий рывок его маленьких рук испугал ее. Он встал по стойке "смирно", взяв инструмент на плечо, словно крохотную винтовку, и отдал Шеветте честь.

Парень сумо, видимо, ожидал реакции, но Шеветта никак не среагировала. Она ткнула пальцем в бежевое "железо".

— Отчего вся эта старая рухлядь всегда одного цвета?

На лбу сумо появилась складка.

— Есть две теории. Суть первой в том, что это должно было помочь людям, торчащим на своих рабочих местах, испытывать больший комфорт от новаторских технологий, которые вполне могли привести к модернизации или сокращению рабочих мест. Поэтому производители и выбрали оптимальный цвет — он напоминал окраску дешевых кондомов. — Он ухмыльнулся.

— Да ну? А вторая теория?

— Люди, которые занимались дизайном этого

барахла, подсознательно пришли в ужас от собственного продукта и, чтобы не испугаться до смерти, постарались придать ему максимально невзрачный вид. В буквальном смысле "ванильное мороженое без наполнителя". Следите за ходом мысли?

Шеветта поднесла кончик пальца к роботу; тот совершил уморительный кувырок, упав на спину и засучив лапками, чтобы избежать прикосновения.

— Кому же нужна эта старая рухлядь? Коллекционерам?

— Разве не понятно?

— Кому тогда?

— Программистам.

— Не понимаю, — сказала Шеветта.

— Начнем с того, — сказал он, протянув руку, чтобы позволить крохе киберу отдать отвертку, — что когда это старье было новьем, когда эти бедняги писали программы во много миллионов строк каждая. По умолчанию предполагалось, что через двадцать лет весь этот софт заменит некая улучшенная, усовершенствованная версия. — Он взял отвертку и сделал ею жест в сторону процессоров на полках. — Но производителей ждал сюрприз: они обнаружили, что есть по-

рочные, но могущественные силы, не согласные тратить десятки миллионов долларов на замену существующего софта — не говоря уже о "железе", — а также на переобучение, возможно, нескольких тысяч наемных работников. Поспеваете за мной? — он поднял отвертку на уровень глаз и прицелился ей в Шеветту.

— О'кей, — сказала она.

— Так, идем дальше. Если вам нужно, чтобы техника стала способна на новые трюки или лучше справлялась со старыми, что вы делаете — пишете новые программы, так сказать, с нуля или же комбинируете старые программы?

— Комбинирую старые?

— В самую точку. Ты наращиваешь новые процедуры. Когда машины заработали быстрее, стало не важно, что процедура тратит на выполнение задачи триста шагов, хотя в принципе обошлась бы всего тремя. Все равно на это уходит почти бесконечно малая доля секунды, так что кому до этого дело?

— Ладно, — сказала Шеветта, — так кому до этого дело?

— Разным умникам, — сказал он и почесал свой "петушиный хвост" концом отвертки, — потому что они понимают, что все, что сейчас реально

творится, следующее: такой вот ископаемый софт непрерывно наращивает кору подпрограмм, пока дело не доходит до точки, в которой ни один программист в буквальном смысле не может понять, как же конкретно достигается решение любой из возможных проблем.

— Я все равно не вижу, какой может быть прок от этой туфты.

— Ну, на самом-то деле, — сказал он, — ты абсолютно права. — Он подмигнул ей. — Ты рубишь, сестричка. Но факт остается фактом: существуют очень продвинутые ребята, которым нравится иметь под боком всю эту рухлядь — может быть, просто чтобы не забывать, откуда пошли все нынешние навороты и что все, чем каждый в наши дни занимается, — это всего лишь непрерывные доработки. Ничто не ново под луной, сечешь?

— Благодарю за отвертку, — сказала Шеветта. — Мне нужно срочно пойти повидать одного маленького африканца.

— Что, правда? И зачем?

— Фургон, — сказала Шеветта.

— Ну, подруга, — сказал он, приподняв брови, — соображаешь!

27. НОЧЛЕГ И ЗАВТРАК

Райделл видит, как здесь, на нижнем уровне, темно, узкая главная улица запружена деловито снующей толпой, зеленоватый свет отрытых на свалках флуоресцентных ламп пробивается сквозь пугающие сплетения прозрачных водопроводных труб, ручные тележки громыхают мимо, чтобы занять свои дневные позиции. Он вскарабкался по пролету лязгающей стальной лестницы, через отверстие, небрежно пробитое в дорожном покрытии над головой, и вылез на верхний уровень.

Сюда попадало чуть больше рассеянного света. Освещение скрадывалось наваленными лачугами-коробками, между ними — навесные мостики, мокрые паруса постиранного белья, поднятые последним вздохом угасшего ветра.

Юная девушка с карими глазами, большими, как глаза персонажей старых японских мультиков, раздает желтые бумажные рекламки "Ночлег и завтрак". Он изучил карту на обороте.

Потопал дальше, с сумкой через плечо и посылкой из "ГлобЭкс" под мышкой, и через пятнадцать минут наткнулся на нечто, украшенное розовой

неоновой вывеской "Тарелка мяса от шеф-повара гетто". Он узнал имя с оборотки желтой рекламки, на карте оно значилось как ориентир для поиска "ночлега и завтрака".

Очередь, стоящая к "Шеф-повару гетто", заведению с запотевшими окнами, цены написаны на клочке картона чем-то вроде лака для ногтей.

Он лишь однажды был на мосту, да и то только ночью, в дождь. То, что он видел сейчас, напомнило ему платный аттракцион, Ниссан Кунти или Скайуокер Парк, и он удивился, как же можно держать подобное заведение и не обеспечить при нем охрану или хотя бы элементарного полицейского поста.

Он вспомнил, что Шеветта говорила ему об отношениях людей с моста и полиции: одни стараются держаться моста, а другие — держаться от него подальше.

Он заметил стопку желтых рекламок у фанерной двери в стене, всего в нескольких футах от входа в "Шеф-повар гетто". Дверь оказалась не заперта и вела в некое подобие коридора — узкого, обитого белым упругим пластиком, натянутым на каркас из бревен. Кто-то успел накарябать на обеих стенах граффити — похоже, толстым черным маркером, — но коридор был слишком

узким, так что общего замысла "художника" не разобрать. Звезды, рыбы, круги с крестами внутри... Ему пришлось нести сумку за спиной, а коробку из "ГлобЭкс" спереди, чтобы спуститься по коридору, а когда дошел до конца и свернул за угол, очутился в чьей-то чрезвычайно тесной кухне.

Стены, оклеенные безвкусными полосатыми обоями, казалось, вибрировали. Женщина помешивала что-то на маленькой пропановой плитке. Не такая уж старая, вот только седая, с пробором посередине. Такие же огромные глаза, как у девушки, только серые, а не карие.

— Ночлег и завтрак? — спросил он ее.

— Бронировали место? — на ней были мужская твидовая спортивная куртка с рукавами, протертыми на локтях, надетая поверх джинсовки, и фланелевая бейсбольная рубашка без воротничка. Никакой косметики. Лицо обветренное. Длинный нос с горбинкой.

— Нужно было бронировать?

— Мы сдаем комнаты через агентство в городе, — сказала женщина, вынув деревянную ложку из закипавшего варева.

— Это мне дала девушка, — сказал Райделл, показав ей рекламу, которая все еще была у него

в руках, прижатая к сумке.

— Вы хотите сказать, она их действительно раздает?

— Она дала мне это прямо в руки, — ответил он.

— Деньги есть?

— Кредитный чип, — сказал Райделл.

— Заразные болезни?

— Нет.

— Наркоман?

— Нет.

— Наркодилер?

— Нет, — сказал Райделл.

— Что-нибудь курите? Сигареты, трубку?

— Нет.

— Агрессивны?

Райделл заколебался.

— Нет.

— И еще, признаете ли вы Господа Иисуса Христа своим личным спасителем?

— Нет, — сказал Райделл, — не признаю.

— Прекрасно, — сказала она, погасив пропановую горелку. — Вот чего я действительно не переношу. Я выросла среди этих психов.

— Что ж, — сказал Райделл, — так мне бронировать, чтобы переночевать у вас здесь, или

нет? — он разглядывал кухню, недоумевая, где может находиться это самое "здесь"; кухня была примерно семь на семь футов, и дверной проем, в который он втиснулся, был единственным видимым входом. Из-за обоев, кое-где отставших от пара, помещение казалось декорацией на сцене любительского театра.

— Нет, — сказала она, — не нужно. У вас есть рекламный проспект.

— А место у вас есть?

— Конечно, — она сняла горшок с плитки, поставила его на круглый металлический поднос, лежавший на маленьком крашеном белом столике, и накрыла чистым кухонным полотенцем. — Ступайте, откуда пришли. Ступайте, ступайте. Я пойду следом.

Он поступил, как она велела, и подождал ее у открытой двери. Кстати, он заметил, что очередь у "Шеф-повара гетто" стала длиннее.

— Нет, — сказала женщина у него за спиной, — это здесь, наверху.

Он обернулся и увидел, как она дернула за конец длинной оранжевой веревки из нейлона, отчего каскадом обрушилась алюминиевая лесенка на противовесе.

— Лезьте наверх, — сказала она, — я пришлю

ваши сумки.

Райделл опустил на пол свой вещмешок и посылку из "ГлобЭкс" и встал на нижнюю ступень лесенки.

— Смелее, — сказала она.

Райделл вскарабкался наверх и обнаружил невероятно тесное помещение, в котором, очевидно, ему и предполагалось спать. Сперва он подумал, что кто-то решил устроить здесь японский гробик-отель из обрезков досок, приобретенных в магазине стройматериалов со скидкой. Стенки были из какой-то обшивки дешевого дерева, которая имитировала скверную имитацию какой-то другой обшивки, которая, вероятно, имитировала некий ныне забытый оригинал. Крохотный квадрат пола рядом с Райделлом — единственная часть комнаты, не занятая кроватью, — был застлан практичным покрытием с коротеньким ворсом странного бледно-зеленого цвета с оранжевыми блестками. Уличный свет проникал из дальнего конца комнаты, где, как решил Райделл, было изголовье кровати, но ему пришлось бы встать на колени, чтобы в этом убедиться.

— Хотите снять этот номер? — крикнула снизу женщина.

— Конечно, хочу, — сказал Райделл.

— Тогда тяните наверх свои сумки.

Он обернулся и увидел, как она ставит его вещмешок и посылку от "ГлобЭкс" в ржавую проволочную корзину, которую подвесила к лесенке.

— Завтрак в девять ноль-ноль, — сказала она, не глянув наверх, и исчезла.

Райделл подтянул к себе лесенку с багажом за оранжевую веревку. Он вытащил из корзины вещи, лесенка осталась в том же положении — видно, ее удерживал невидимый противовес.

Он встал на четвереньки и вполз в свою спальню по шмату пены, накрытой типичным микрошерстным одеялом на пенной основе, и достиг чего-то вроде полусферического пузыря пластика, — возможно, детали аэроплана, — который держался на эпоксидке с внешней стороны стены. Снаружи, казалось, он был покрыт слоем соли: корка засохшего "спрея". Он пропускал едва брезжащий свет. Судя по всему, спать придется, засунув голову прямо в эту хреновину. Ничего, сойдет и так. Пахло здесь странно, но не противно. Надо было спросить, сколько стоит ночлег, но с этим можно повременить.

Он сел на край кровати и снял туфли. Из обоих носков пальцы торчат. Нужно купить побольше

носков.

Он достал из куртки очки, надел их и набрал по памяти номер Лэйни. Слушая, как где-то в Токио звенит телефон, он представлял себе комнату, в которой звенит телефон, некий роскошный отель, хотя, возможно, телефон звенел в офисе на столе, громадном, как у Тонга, только реальном. Лэйни взял трубку, прервав девятый звонок.

— "Сбойный сектор", — пробормотал Лэйни.

— Что?!

— Кабель. Он там.

— Какой еще кабель?

— Который вам нужно воткнуть в проектор.

В эту секунду Райделл глядел на посылку "ГлобЭкс".

— Какой проектор?

— Который вы сегодня забрали в "ГлобЭкс".

— Погодите минутку, — сказал Райделл, — откуда вы знаете?

Минутная пауза.

— Я просто знаю, Райделл.

— Слушайте, — сказал Райделл, — я влип в неприятность. Подрался. Не я подрался, другой парень, но драка вышла из-за меня. Они просмотрят записи охранной системы "ГлобЭкс" и узнают, что я расписался за вас. И у них будет видеоролик

с моим участием.

— Ничего у них на вас нет.

— Да есть у них все! — запротестовал Райделл. — Я же там был!

— Не были, — сказал Лэйни, — у них есть видеоролик с моим участием.

— О чем вы болтаете, Лэйни?!

— О бесконечной пластичности цифры.

— Но я расписался. Написал свое имя, не ваше.

— На экране, не так ли?

— О, — Райделл был озадачен. — Кто это, интересно, может взломать "ГлобЭкс" и изменить эти данные?

— Не я, — сказал Лэйни, — но я вижу, что их изменили.

— Ну и кто это сделал?

— Сейчас это чисто академическая проблема.

— Что это значит?

— Это значит — не задавать вопросов. Где вы находитесь?

— На мосту, в ночлежке с кормежкой. Вы стали меньше кашлять.

— Это синий сироп, — сказал Лэйни. Райделл понятия не имел, что тот имеет в виду. — Где проектор?

— Похожий на термос? Он у меня.

— С собой не берите. Найдите магазин под названием "Сбойный сектор" и скажите, что вам нужен кабель.

— Какой именно кабель?

— Вас будут ждать, — сказал Лэйни и дал отбой.

Райделл сидел на кровати, в солнцезащитных очках, порядком разозленный на Лэйни. Чувствовал жгучее желание провалить операцию. Найти работу в парковочном гараже. Сидеть себе и глазеть на природу в бывшем деловом центре Детройта.

Но тут чертова служебная этика не дала ему покоя. Он снял очки, засунул их в карман куртки и принялся вновь надевать туфли.

28. ФОЛСОМ-СТРИТ

Начало Фолсом-стрит под дождем, все эти испачканные сажей транспортные средства, страдающие костным шпатом домики на колесах, рванобрюхие колымаги любых марок — лишь бы в названии было слово "старый"; машины, что работали — если вообще работали — на газолине.

— Глянь-ка на это, — сказала Тесса, подогнав свой фургон впритык к старому "хаммеру", в прошлом — военному, каждый квадратный дюйм облеплен микромусором на эпоксидке, миллион мельчайших обломков производства, блестящих в свете фар и дождя.

— Думаю, здесь найдется свободное место, — сказала Шеветта, вглядываясь в мутные размывы "дворников". "Дворники" фургона Тессы были с лезвиями, в стиле Малибу — старые и успевшие отвыкнуть от влаги. Подругам пришлось снизить скорость и буквально ползти весь последний квартал до самого Эмбаркадеро, когда дождь зарядил всерьез.

Теперь он размеренно барабанил по металлической плоской крыше фургона, но Шеветта знала Сан-Франциско и понимала, что это ненадолго.

Черный парень с дредами честно заработал свой чип на пятьдесят. Вернувшись, они обнаружили его скорчившимся на поребрике, словно горгулья, выражение лица его неприветливое; он покуривал русские сигареты из красно-белой пачки, сунутой за закатанный рукав поношенной армейской рубашки, которая была ему на три размера велика. Фургон, как ни странно, все еще был на колесах, и шины были целы.

— Как ты думаешь, что он имел в виду, — сказала Тесса, маневрируя между поросшим мхом школьным автобусом, воистину антиквариатом, и развалившимся катамараном, стоявшим на трейлере со сгнившими шинами, — когда пробубнил, что тебя искали?

— Не знаю, — сказала Шеветта. Она спросила мальчишку кто, но он лишь пожал плечами и отвалил, предприняв сначала решительную попытку выклянчить у Тессы "Маленькую Игрушку Бога". — Может, он и сказал бы кто, если бы ты дала ему свою камеру.

— Вряд ли, — сказала Тесса, заглушив двигатель, — это же половина моей доли от дома в Малибу.

Шеветта увидела, что в крохотной кабинке катамарана включен свет, струящийся сквозь

маленькие щели-окна, и что кто-то копошится внутри. Она принялась опускать окошко, но ручку заело через два оборота, так что ей пришлось открыть дверь.

— Эй, это место Бадди, — сказала девочка, высунувшись из люка катамарана; она говорила громко, стараясь перекрыть шум дождя, хриплым, немного испуганным голосом. Стояла, съежившись то ли под старым пончо, то ли под куском брезента, так что Шеветта не могла разглядеть лица.

— Да ладно… — сказала Шеветта, — нам нужно встать здесь на ночь или хотя бы пока не стихнет дождь.

— Здесь паркуется Бадди.

— Ты не знаешь, когда он собирался вернуться?

— А тебе-то что?

— Мы уедем отсюда завтра на рассвете, — сказала Шеветта, — мы просто две тетки. Не возражаешь?

Девочка немного приподняла брезент, и Шеветта мельком увидела блеск ее глаз.

— Две тетки, и все?

— Давай мы останемся, — сказала Шеветта, — тогда тебе не придется дергаться, кого еще

принесет вместо нас.

— Ладно, — сказала девчушка. И исчезла, нырнув обратно. Шеветта услышала, как, скрипя, закрывается люк.

— Подтекает, тварь, — сказала Тесса, изучая крышу фургона с помощью черного карманного фонарика.

— Не думаю, что дождь на всю ночь, — сказала Шеветта.

— Мы можем припарковаться?

— Пока не вернулся Бадди, — сказала Шеветта. Тесса включила свет на заднем сиденье фургона. Там тоже сильно натекло.

— Где-то здесь наверху есть пленка и спальники, — сказала Шеветта, — но придержи их пока сухими, на всякий случай.

Она пролезла между сиденьями в глубину фургона.

29. ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Райделл нашел карту моста внутри солнцезащитных очков — магазинный и ресторанный путеводитель для туристов. Текст был на португальском, но с помощью рычажка можно было войти и в английскую версию.

Справился он не сразу; одно неверное нажатие на крутящуюся клавишу, и он вновь оказывался в проклятых картах метрополитена Рио, но, в конце концов, он умудрился-таки вытащить искомое. Не карту GPS, а просто чертежи обоих уровней, расположенные рядом; и ему ни за что было не определить, насколько они устарели.

Его "ночлежки-с-кормежкой" на карте не было, зато были и "Тарелка мяса от шеф-повара гетто" (три с половиной звезды) и магазин "Сбойный сектор".

Табличка, выскочившая над картой, когда он щелкнул на "Сбойный сектор", описала его как "склад софта в стиле ретро с характерным уклоном в двадцатый век". Он не был уверен, что понял последние слова, но, к счастью, смог увидеть, где находится нужное место: нижний уровень, неподалеку от бара, который они посе-

тили с Кридмором и его приятелем-гитаристом.

За слоем трижды поддельных панелей имелся шкафчик для всякого скарба, в него он и спрятал свой вещмешок и посылку от "ГлобЭкс" с "термосом". Немного подумав, он спрятал кнопарь под шмат пены. Он поразмыслил о возможности скинуть его с моста в бухту, но не был уверен, что сможет найти здесь для этого безлюдное место. Он не хотел таскать нож с собой, а вообще-то он всегда сможет избавиться от него позднее.

Когда он вышел наружу, оказавшись рядом с "Шеф-поваром гетто", дождь поливал вовсю; он уже видел раньше дождь на мосту — когда в первый раз оказался здесь. Происходило это так: дождь падал на беспорядочное скопление коробок-лачуг, построенных местным народом на самом верху, и вскоре просачивался вниз сквозь шлюзы большими разбегающимися ручьями — словно кто-то вынул пробку из ванны. Ничего похожего на дренажную систему здесь не было, постройки возводились случайным образом, так что верхний уровень, хоть и под крышей, был каким угодно, только не сухим.

Казалось, из-за дождя очередь к "Шеф-повару гетто" весьма поредела, и он быстро прикинул, не поесть ли, но потом вспомнил, что Лэйни выдал

ему аванс и теперь хочет, чтобы он незамедлительно пошел в этот "Сбойный сектор" и достал этот чертов кабель. Так что вместо того чтобы поужинать, он, опустив голову, стал спускаться на нижний уровень.

Здесь было относительно сухо. Возникало ощущение, будто проталкиваешься через очень длинный неудобный вагон подземки в час пик, вот только добрая половина одних "пассажиров" занималась в точности тем же, двигаясь в обоих направлениях, а другие стояли как вкопанные, загораживая проход и пытаясь изо всех сил торговать всяким барахлом. Райделл вынул свой бумажник из правого заднего кармана брюк и переложил его в правый передний.

Толпа действовала Райделлу на нервы. Ну, скорее не сама толпа, а связанная с ней толкучка. Слишком тесно, люди напирают со всех сторон. Кто-то быстро обшарил его задний карман, пытаясь нащупать бумажник, которого там уже не было. Кто-то сунул ему прямо под нос эти длинные тонкие мексиканские штуки из обжаренного теста, выкрикивая цену по-испански. Он обнаружил, что инстинктивно втягивает голову в плечи.

Здешний запах начал его доставать: пот и

парфюм, мокрые шмотки, жареная пища. Ему захотелось вернуться к "Шеф-повару гетто" и выяснить, что означал и те "три с половиной" звезды.

Еще немного этого безобразия, и с меня хватит, решил он и высмотрел над головами толпящихся еще одну лестницу на верхний уровень. Уж лучше насквозь промокнуть.

Но тут вдруг проход расширился и стало довольно просторно, толпа отхлынула в обе стороны, где были лотки с продуктами, кафешки и магазинчики и где, в числе прочих, был "Сбойный сектор" — прямо по курсу, отделанный, как ему показалось, чем-то похожим на старомодную алюминиевую краску, которой красили печи для обжига.

Он передернулся, пытаясь стряхнуть тяжесть с плеч, вызванную толпой. Он весь вспотел; сердце бешено билось. Он заставил себя сделать пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Что бы на самом деле он тут ни делал для Лэйни, он хотел все сделать как надо. Если так психовать, как сейчас, то кто его знает, что может случиться. Спокойствие. Здесь никто никогда не должен терять спокойствия.

Он потерял его почти тут же, не сходя с места.

За прилавком стоял здоровенный китаец, почти наголо обритый, у него была такая маленькая бородка под нижней губой, какие всегда действовали Райделлу на нервы. Очень уж здоровенный парень, со странным, гладким на вид телом, просто гора мускулов. Гавайская рубашка с огромными розовато-лиловыми орхидеями.

Антикварные, в золотой оправе, авиационные очки "Рэй-Бэн" и ухмылочка, означавшая "съем-с-говном". Именно с ухмылочки и началось.

— Мне нужен кабель, — сказал Райделл приглушенным голосом; звучание голоса ему не понравилось, и это окончательно вывело его из себя.

— Я знаю, что вам нужно, — ответил китаец с такой показной скукой, которой Райделл не мог не заметить.

— Тогда ты, должно быть, знаешь, какой именно кабель мне нужен, не так ли? — теперь Райделл подошел ближе к прилавку. К стенке были прикноплены старые рваные постеры с рекламой непонятных штук под названием "Heavy Gear II" или "Yai Fu" 21.

— Вам нужны два кабеля. — Ухмылочка исчезла, парнишка делал все возможное, чтобы выглядеть крепким орешком. — Первый шнур

— сетевой: воткнете в любой источник постоянного тока либо в стенную розетку со встроенным трансформатором. Как думаете, справитесь?

— Может, и справлюсь, — ответил Райделл, вплотную прижавшись к прилавку и разминая ноги, — расскажи-ка мне про второй кабель. Ну, например, что именно он соединяет и с чем?

— Мне платят не за то, чтобы я вам тут все рассказывал, понятно?

На прилавке валялся какой-то длинный тонкий инструмент. Что-то вроде специальной отвертки.

— Нет, — сказал Райделл, взяв с прилавка отвертку и изучая ее острый конец, — но ты мне сейчас объяснишь.

Он схватил парня за левое ухо свободной рукой, взял с дюйм черенка отвертки между большим и указательным пальцем и засунул острие ему в правую ноздрю. Держать его за ухо было легко, потому что китаец продел через мочку какой-то толстый шип из пластика.

— Ой, — сказал парень.

— Больно?

— Да.

— Могло быть хуже. — Он отпустил его ухо. Китаец стоял, боясь шелохнуться. — Надеюсь, ты

не будешь дергаться?

— Нет…

Райделл снял с него очки "Рэй-Бэн" и швырнул их через правое плечо.

— Меня уже тошнит от людей, которые скалят на меня зубы оттого, что знают всякую хренотень, которой не знаю я. Дошло?

— О'кей.

— Что значит "о'кей"?

— Ну, просто… о'кей.

— "О'кей" означает ответ на вопрос, где чертовы кабели?!

— Они под прилавком.

— "О'кей" означает ответ на вопрос: откуда они там взялись?

— Сетевой шнур стандартный, но лабораторного класса: трансформатор, фильтр. Второй шнур… я не могу сказать вам…

Райделл чуть-чуть сместил инструмент, и зрачки у парня расширились.

— Не о'кей, — сказал Райделл.

— Не знаю я! Знаю, что нам пришлось собирать его по спецификациям в самом Фресно 22. Я всего лишь работаю здесь. Никто мне не сообщает, кто за что платит. — Он сделал глубокий, судорожный вдох. — А если б хоть раз сообщили, то

кто-нибудь вроде вас пришел бы сюда и заставил меня говорить, разве нет?

— Да… — протянул Райделл, — и это значит, что сюда в любой момент могут явиться люди, которые будут рвать твою задницу на куски, пока ты не скажешь им все — даже то, чего ты не знаешь…

— В кармане моей рубашки, — осторожно сказал китаец, — есть адрес. Пойдите туда, потолкуйте с кем-нибудь, может, они вам и скажут.

Райделл легонько прощупал перед рубашки, чтобы убедиться в отсутствии там использованных игл и прочих сюрпризов. Мощная мышца под самым карманом слегка напрягла его. Он просунул внутрь два пальца и извлек вырезанную из чего-то картонную карточку. Райделл увидел адрес веб-сайта.

— Кабельный народ?

— Не знаю. Не знаю также, зачем бы мне давать вам это.

— И это все, что ты знаешь?

— Да.

— Не двигайся, — сказал Райделл. Он вытащил инструмент из ноздри парнишки. — Кабели под прилавком?

— Да.

— Не думаю, что позволю тебе за ними нагнуться.

— Стойте, — сказал парень, подняв обе руки, — я должен предупредить вас: там, под прилавком, робот. Ваши кабели у него. Он просто хочет вручить их вам, но мне не хотелось бы, чтобы вы все не правильно поняли.

— Робот?

— С ним все о'кей!

Райделл увидел, как показалась крохотная, тщательно отполированная стальная клешня, сильно напоминающая щипчики для сахара, которые когда-то были у его матери. Щипцы уцепились за край прилавка. Потом существо подтянулось на подбородке, будучи, видимо, одноруким, и Райделл увидел голову. Робот закинул ногу и вскарабкался на прилавок, волоча за собой пару пластиковых конвертов с запаянным краем. Голова его была непропорционально мала, и из нее с одной стороны торчала кверху какая-то крыловидная голограмма или антенна. Все было в лучших традициях японского стиля: крохотный худой сверкающий робот одет в белые доспехи не по росту; предплечья и лодыжки шире верхней части рук и ног. Робот протащил прозрачные конверты — в каждом аккуратно

свернутый кабель — через прилавок, положил их и осторожно, по-рачьи, дал задний ход. Райделл поднял конверты, засунул в карман своих брюк цвета хаки и, передразнивая движения робота, дал задний ход — осторожно, по-рачьи.

Краем глаза он заметил, что рэй-беновские очки китайца целы.

Уже стоя в дверях, он швырнул черную отвертку парню, который рванулся схватить ее, но промахнулся. Она отскочила от постера "Heavy Gear II" и завалилась куда-то за стойку.

Райделл нашел гибрид автопрачечной и кафешки, под названием "Порочный круг", в глубине которого имелась интернет-дека, отгороженная ширмой из черного пластика. По наличию ширмы он догадался, что интернет-дека использовалась для доступа на порно-сайты, но зачем заниматься этим в автопрачечной, ему было непонятно.

Как бы то ни было, он обрадовался ширме, потому что ему не нравилось разговаривать с людьми, которых нет рядом, на публике, поэтому чаще всего он старался не заходить на веб-сайты из интернет-кафе. Он сам не понимал, почему телефонная связь, обычное аудио, не смущала его. Не смущала, и все. Когда ты беседуешь с кем-то

по телефону, по твоему виду не скажешь, что ты разговариваешь с людьми, которых нет рядом, хотя, разумеется, так оно и есть. Ты ведешь беседу с телефоном. Однако, подумал он, использование телефона через наушник бразильских очков, должно быть, не менее странно.

Он плотно задвинул за собой ширму, оставшись наедине с грохотом сушильных машин. Этот звук всегда действовал на него успокаивающе. Кабель уже соединял очки с декой. Он надел их и с помощью колесика ввел нужный адрес.

Пролетел сквозь короткую и, по всей вероятности, чисто символическую заставку в виде неонового дождя с преобладанием розовых и зеленых штрихов и вдруг оказался там.

***

Среди пустого пространства образ, промелькнувший в коридоре Тонга, — внутренний двор потустороннего замка, занесенный песком и освещенный сверху жутким, безжизненным светом.

На этот раз, впрочем, он мог посмотреть наверх. Казалось, он стоит на полу огромной, пустой вентиляционной шахты, стены из покрытой причудливой текстурой тьмы вздымаются, как в каньоне.

Высоко-высоко виднеется отверстие, размером, как он прикинул, с большой плавательный бассейн, пропускавшее мрачный дневной свет через вековую грязь и груды чего-то, что на таком расстоянии трудно было разобрать. Перемычками из черного металла разделялись длинные прямоугольники, некоторые в дырах, как от пулеметной очереди; он догадался, что это останки архаичных стеклянных монолитов в металлических рамах.

Когда он опустил голову, те двое уже ждали, откуда-то взявшись, — сидят на причудливых китайских стульях.

Один тощий, бледный, в темном костюме неопределенной эры производства, с высокомерно поджатыми губами. На нем очки в массивной прямоугольной оправе из черного пластика и шляпа с загнутыми полями — такую Райделл видел только в старом кино. Шляпа низко надвинута на глаза, чуть выше очков. Он сидит, положа ногу на ногу, и Райделлу видны его черные "оксфорды" с загнутыми отворотами. Руки сложены на коленях. Второй являл собой куда как более абстрактную фигуру: он лишь смутно напоминал человека; место, где, по идее, должна быть голова, украшала корона из пульсирующей крови, как

будто жертву снайпера в момент попадания засняли на видео, после чего закольцевали запись. Ореол из крови и мозгов мерцал, не успокаиваясь. Под "взрывом" — рот отверст в беззвучном вопле. Все остальное — за исключением рук, вцепившихся, словно в агонии, в тускло блестящие ручки стула, — казалось, распадалось под натиском страшного огненного ветра. Райделлу вспомнилась черно-белая кинохроника, эпицентр атомного взрыва в замедленной съемке.

— Мистер Райделл, — сказал человек в шляпе, — благодарю за визит. Вы можете называть меня Клаус. А это… — он сделал жест своей бледной, словно из бумаги рукой, которая незамедлительно вернулась на колено, — это Петух.

Некто по имени Петух не шевельнулся, когда заговорил, но разинутый рот периодически оказывался не в фокусе. Голос страшилища был звуковым коллажем, как в офисе у Тонга.

— Послушайте меня, Райделл. В данный момент вы несете ответственность за некий предмет, имеющий чрезвычайную важность и обладающий величайшей потенциальной ценностью. Где же он?

— Я не знаю, кто вы такие, — ответил Райделл, — и не скажу вам ни слова.

Ни один из них не отозвался, но Клаус сухо кашлянул.

— Единственно верный ответ. Вы поступите мудро, если будете держаться такой позиции. Действительно, вы не имеете ни малейшего понятия, кто мы такие, и если бы нам через какое-то время вновь пришлось предстать перед вами, вы бы нас не узнали.

— Так чего ради мне вас слушать?

— Учитывая ситуацию, в которой вы находитесь, — сказал Петух, и в этот момент его голос напоминал звук бьющегося стекла и лишь тембр придавал ему сходство с человеческой речью, — я бы дал вам совет слушать каждого, кто решит к вам обратиться.

— Но доверять или не доверять тому, что вы услышите, — ваш выбор, — сказал Клаус, щегольски поправляя манжеты и вновь скрещивая руки.

— Вы хакеры, — сказал Райделл.

— На самом деле, — сказал Клаус, — для нашего описания лучше подходит слово "послы". Мы представляем… — он сделал паузу, — другую страну.

— Хотя, конечно, — сказал непрерывно распадающийся Петух, — в любом устаревшем смысле

чисто геополитических…

— Слово "хакер", — перебил Клаус, — имеет определенные криминальные коннотации…

— Чего мы никак не можем принять, — встрял Петух, — так как давным-давно учредили автономную реальность, где…

— Успокойся, — сказал Клаус, и Райделл перестал сомневаться, кто здесь главный. — Мистер Райделл, ваш работодатель мистер Лэйни недавно стал, за неимением точного термина, нашим союзником. Он привлек наше внимание к определенной проблеме, и, вне всяких сомнений, мы только выиграем, оказав ему посильную помощь.

— Что это за проблема?

— Объяснить это достаточно трудно, — сказал Клаус, прочистив горло. — Если, действительно, вообще возможно. Мистер Лэйни наделен исключительно любопытным талантом, который он недавно с блеском продемонстрировал нам. Мы находимся здесь для того, мистер Райделл, чтобы заверить вас в том, что ресурсы Города-Крепости будут в вашем распоряжении в грядущем кризисе.

— Какой еще город? — спросил Райделл. — Какой еще кризис?

— Узловая точка, — сказал Петух голосом, схожим с журчанием струйки воды в какой-то незримой цистерне.

— Мистер Райделл, — сказал Клаус, — вы должны ни на секунду не расставаться с проектором. Мы советуем вам использовать его при самой первой возможности. Вы подружитесь с ней.

— С кем?

— Нам стало известно, — продолжал Клаус, — что мистер Лэйни, ввиду состояния здоровья, окажется неспособен продолжить дело. Среди нас считанные единицы, наделенные его талантом, но нет никого со столь выдающимся даром. Если Лэйни будет потерян для нас, мистер Райделл, то мы опасаемся худшего из возможных исходов.

— Господи Иисусе, — сказал Райделл, — вы полагаете, что я понимаю, о чем идет речь?

— Я не преднамеренно придерживаюсь афористического стиля, мистер Райделл, уверяю вас. Сейчас нет времени для объяснений, а для некоторых вещей, по-видимому, объяснений вовсе не существует. Просто запомните то, что мы вам сказали, и знайте, что мы всегда к вашим услугам, вот адрес. А теперь вы должны незамедлительно вернуться в ту точку пространства, где спрятан проектор.

Они исчезли, вместе с ними исчез и черный двор замка, сжатый во фрактальную сферу розового и зеленого неона, оставившего искры на сетчатке глаз Райделла, съеживаясь и ускользая во тьму за бразильскими солнцезащитными очками.

30. БЛИЗНЯШКИ

Фонтейн провисел почти все послеполуденное время на телефоне, пытаясь сбагрить зловещих японских пупсов Клариссы, обзванивая дилеров по списку в порядке убывания интереса.

Он знал, что так дела не делаются, если хочешь разжиться гарантированной наличкой, но он не был экспертом на кукольном рынке; кроме того, от этих копий "близняшек" у Фонтейна начинались кошмары.

Дилеры в основном хотели дешево купить оптом, чтобы потом набить цену, торгуясь с коллекционерами. Фонтейн пришел к выводу, что если ты коллекционер, то дилеров насылает на тебя матушка-природа — в целях разъяснения, что у тебя, парень, для начала слишком много денег. Но всегда был шанс отыскать прощелыгу, который знает кого-нибудь из числа особых покупателей, к кому стоит обратиться. Вот на что надеялся Фонтейн, когда начал набирать номера телефонов.

Но после восьми бесполезных звонков ему пришлось вести переговоры с этим подонком Эллиотом — Бискайский залив, Флорида, —

которого, как он знал, однажды посадили под электронный домашний арест за махинации с фальшивыми Барби. Это было федеральное преступление, а Фонтейн обычно старался избегать подобных людей, но у Эллиота, кажется, имелся выход на покупателя. Хотя подонок, как и следовало ожидать, был уклончив, как черт.

— Состояние товара, — говорил Эллиот. — Три первостепенных пункта в этом деле суть состояние, состояние и еще раз состояние.

— Эллиот, по-моему, они выглядят замечательно.

— "Замечательно" не входит в шкалу оценок НАКАК, Фонтейн.

Фонтейн не был уверен на сто процентов, но подумал, что данное сокращение могло означать лишь Национальную Ассоциацию Коллекционеров Анимированных Кукол.

— Знаешь, Эллиот, я не знаю, как оценивается состояние всех этих штучек-дрючек. Все пальцы на руках и на ногах у них на месте, так? В смысле, эти чертовы твари будто живые, понятно?

Фонтейн услышал, как Эллиот вздыхает. Он ни разу с ним не встречался.

— Мой клиент, — сказал Эллиот, произнося слова медленно, со значением, — помешан на

состоянии. Мой клиент хочет, чтобы они были свежайшими. Чтобы они были свежее свежего, упакованные в коробочки. Клиенту нужен новехонький антиквариат.

— Эй, послушай, — сказал Фонтейн, вспомнив, что говорила Кларисса, — эти штуки не бывают нетронутыми, так? Бабушки-дедушки покупали их в качестве… э… суррогатных отпрысков, так? Они были дорогущими экземплярами. Их тискали, ими пользовались.

— Не всегда, — ответил Эллиот. — Самые лакомые кусочки — и у моего клиента есть несколько таких — это копии, заказанные незадолго до безвременной кончины новорожденного внука.

Фонтейн отнял трубку от уха и посмотрел на нее, как на мерзкую тварь.

— Чтоб мне гореть в аду, — прошептал Фонтейн.

— Что ты сказал? — спросил Эллиот. — А?

— Прости, Эллиот, — сказал Фонтейн, вновь поднеся трубку к уху, — меня срочно ждут на другой линии. Я перезвоню. — Фонтейн прервал связь.

Он сидел, нахохлясь, на высоком табурете за стойкой. Наклонился вбок, чтобы еще раз посмотреть на полную сумку "близняшек". Они

выглядели отвратительно. Они были отвратительны. Эллиот был отвратителен. Кларисса тоже была отвратительна, но внезапно на Фонтейна накатило мимолетное напряженно-эротичное видение с участием той, с кем он давно уже не имел сексуального контакта. То, что в этой фантазии в буквальном смысле участвовала именно Кларисса, он воспринял как весьма знаменательный факт. То, что эта фантазия тут же вызвала у него полноценную эрекцию, он воспринял как еще более знаменательный факт. Он вздохнул. Оправил штаны.

Жизнь, философски отметил он, штука твердая, как орех.

Сквозь шум дождя, сбегающего по канавкам вокруг его лавки (он починил водостоки), он расслышал неясное, но быстрое щелканье, доносящееся из задней комнаты, и обратил внимание на его особую регулярность. Каждый из этих кликов-щелчков, как он знал, представлял собой очередные часы. Он показал мальчишке, как "открывать" аукционы на ноутбуке — не все эти "Кристи" и "Антикворум", а настоящие, полные жизни, лишенные правил драки-аукционы в сети. А еще он ему показал, как делать "закладки", потому что решил, было бы забавно собирать все

то, что понравится парню.

Фонтейн вздохнул снова, на этот раз потому, что не имел ни малейшего понятия, что ему теперь делать с этим мальчишкой. Впустив его однажды по той причине, что ему захотелось — чертовски захотелось — взглянуть поближе на "Жаже Лекультр" военного образца, Фонтейн теперь не смог бы никому объяснить, почему он потом начал подкармливать парня, сводил его в душ, купил ему новые шмотки и показал, как пользоваться шлемом виртуальной реальности. Он не смог бы этого объяснить даже самому себе. Он не был склонен к благотворительности, нет, едва ли, но иногда он ловил себя на том, что будто пытается исправить одно конкретное зло в мире, от которого все пошло вкривь и вкось. В этих попытках Фонтейн никогда не видел реального смысла, ибо то, что следовало исправить, исправлялось совсем ненадолго, а на самом деле вовсе не менялось.

И вот теперь — этот мальчик; вполне может быть, у него какая-то мозговая травма, и наверняка при этом врожденная, но Фонтейн полагал, что беда не имеет первопричины. Могла быть и чистой воды неудача, Фонтейн знал об этом, но гораздо чаще ему приходилось видеть то, как же-

стокость, пренебрежение или неблагополучные гены прорастают сквозь поколения, сплетаясь, как виноградные лозы.

Он сунул руку в карман своих твидовых штанов, где берег "Жаже Лекультр". Там они лежали в целости и сохранности. Он вынул их и полюбовался, но общий настрой его мыслей помешал минутному развлечению, маленькому удовольствию, которое он надеялся получить.

Ну, как, скажите на милость, в который раз подивился он, как этот парнишка сумел завладеть столь элегантным предметом серьезной коллекции артиллерийского снаряжения?

И еще его поражало мастерство выделки ремешка. Он в жизни не видел ничего даже отдаленно похожего, при том, что ремешок был предельно прост. Ремесленник сел за рабочий стол, взял часы, "ушки" которых были закрыты не пружинными защелками, а намертво приваренными стерженьками нержавеющей стали, неотъемлемыми частями корпуса, и вырезал, и склеил, и прошил вручную чертову прорву полосок черной телячьей кожи. Фонтейн исследовал изнанку ремешка, но на ней ничего не было, никакого торгового знака или подписи.

— Если бы вы могли говорить, — сказал Фон-

тейн, разглядывая часы.

И что, интересно, они поведали бы, гадал он. История того, как мальчик завладел ими, могла оказаться банальным приключением в их собственной истории. На мгновение он представил часы на запястье какого-нибудь офицера, вышедшего в бирманскую ночь, взрыв осветительного снаряда над холмистыми джунглями, визг обезьян…

Водились ли в Бирме обезьяны? Он твердо знал, что британцы там воевали, когда была изготовлена эта вещица.

Он глянул на исцарапанное зеленоватое стекло, покрывавшее витрину. Вон они, его часы; каждый циферблат — маленькая поэма, карманный музей, поддающийся со временем законам энтропии и случайности. Бьются крохотные механизмы — их драгоценные сердца. Бьются все более устало, как он знал, от удара металла о металл. Он ничего не продавал без ремонта, все вычищал и смазывал. Каждый полученный экземпляр он немедленно относил к молчаливому, чрезвычайно искусному поляку в Окленд, чтобы тот все почистил, смазал и проверил. Он понимал, что делает это совсем не затем, чтобы его товар стал надежнее и лучше, а чтобы быть

уверенным в том, что у каждого из маленьких механизмов будет больше шансов на выживание во враждебной по определению Вселенной. Он не стал бы в этом признаваться, но это была чистейшая правда, и он знал об этом.

Он засунул "Жаже Лекультр" обратно в карман и встал с табурета. С отсутствующим видом уставился на стеклянную горку; на полке на уровне глаз, как на выставке, — военные "Нарядные Игрушки" и "Десантник", "рэндалл" 15-й модели — короткий и широкий тесак с зазубренным лезвием и черной рукояткой "микарта". С "Нарядными Игрушками" успели наиграться; тусклый серый металл виднелся сквозь облезлую зеленую краску. "Рэндалл" был прямо с конвейера, даже не заточен, лезвие из нержавеющей стали словно только что от шлифовального ремня. Фонтейну было любопытно: сколько их — ни разу не использованных в бою? Будучи тотемными объектами, они теряли значительную часть комиссионной стоимости, если их затачивали, и у него сложилось впечатление, что ножи имеют обращение почти как некая ритуальная валюта, исключительно для мужского пола. В данный момент в его ассортименте были два таких ножа; вторым был маленький, без эфеса кортик с

раздвижным лезвием, который, по слухам, был изготовлен специально для секретных служб США. Ценной меткой у него было имя изготовителя на ножнах, и Фонтейн определял их датировку приблизительно в тридцать лет. Подобные вещи были лишены для Фонтейна особой поэзии, однако он понимал и законы рынка, и умел оценить стоимость предметов. В основном они говорили ему — как и витрина любого магазина списанного армейского вооружения — о мужском страхе и мужской беспомощности. Он стал презирать их, когда однажды увидел глаза умирающего человека, которого застрелил в Кливленде — возможно, в том самом году, когда изготовили один из этих ножей.

Он запер дверь, повесил табличку "ЗАКРЫТО" и вернулся в заднюю комнату. Мальчик сидел в той же позе, в какой он его оставил, лицо скрыто массивным старым шлемом, подключенным к открытому ноутбуку на коленях.

— Эй, привет, — сказал Фонтейн, — как рыбалка? Клюнуло что-нибудь, на что стоит поставить, как думаешь?

Мальчик по-прежнему монотонно кликал одну и ту же клавишу на ноутбуке, шлем слегка колыхался в такт.

— Эй, — сказал Фонтейн, — так ты получишь сетевой ожог.

Он сел на корточки рядом с мальчиком, морщась от боли в коленях. Разок постучал по серому куполу шлема, потом аккуратно стянул его. Глаза мальчика недовольно сверкнули, взгляд устремлен на свет миниатюрных видеоэкранов. Рука его кликнула ноутбук еще несколько раз, после чего замерла.

— Давай посмотрим, что ты там наловил, — сказал Фонтейн, забрав у него ноутбук. Пробежался по клавишам: любопытно было посмотреть, где мальчик мог вставить закладки.

Он ожидал, что это будут веб-страницы аукционов, лоты и описание выставленных часов, но вместо них обнаружил пронумерованные списки изделий, которые были набраны архаичным шрифтом пишущих машинок.

Он изучил один список, потом другой. Почувствовал холод в затылке и на секунду решил, что парадная дверь открыта, но потом вспомнил, что сам ее запер.

— Черт, — сказал Фонтейн, выводя на экран все больше и больше списков, — черт побери, как ты сумел их достать?

Это были банковские счета, конфиденциаль-

ные расписки, перечни содержимого депозитных сейфов, стоящих в старых, из кирпича и цемента построенных банках, которые, очевидно, еще имелись в штатах Среднего Запада. Каждый список содержал по меньшей мере одни часы — весьма вероятно, часть чьего-то наследства, и, весьма вероятно, забытую часть.

"Ролекс Эксплорер" в Канзас-Сити. Какая-то разновидность золотого "Патека" в одном из маленьких городков Канзаса.

Он перевел взгляд с экрана на мальчика, четко осознавая, что стал свидетелем криминальной акции.

— Как ты попал в эти файлы? — спросил он. — Это же частная информация! Это невозможно. Это действительно невозможно! Как ты это сделал?

В ответ — только пустота в карих глазах, неподвижно уставленных на него, бесконечная или же совсем лишенная глубины — он не смог бы сказать.

31. ВИД С ЛИФТА, ЕДУЩЕГО В АД

Ему снится огромный лифт, плывущий вниз, пол как в бальной зале старинного лайнера. Стены частично открыты, и он вдруг видит ее, стоящую у перил рядом с вычурным чугунным столбиком-подпоркой, который украшают херувимы и виноградные гроздья, покрытые толстым слоем черной эмали, блестящей, словно пролитые чернила.

Щемящее очертание ее профиля он видит на фоне огромного мрачного пространства, пейзаж островов, темные воды океана, которые их омывают, огни грандиозных безымянных городов кажутся с этой высоты маленькими светлячками.

Лифт, этот бальный зал с сонмом вальсирующих призраков, сейчас невидимых, но ощущаемых как неизбежный гештальт 23, кажется, едет вниз сквозь дни его жизни, в таинственном течении истории, которая приводит его в эту ночь.

Если это действительно ночь.

Он чувствует прикосновение к ребрам простой рукояти клинка сквозь накрахмаленную вечернюю рубашку.

Рукояти оружия, изготовленного искусным мастером; простые, именно простейшие формы дают руке пользователя величайший диапазон возможностей.

То, что устроено слишком изощренно, чересчур сложно, предвосхищает результат действий; предвосхищение результата гарантирует если не поражение, то отсутствие грации.

Так вот, она поворачивается к нему, и в это мгновение становится всем и чем-то намного большим, ибо в тот же миг он понимает, что это сон: и эта огромная клетка, которая едет вниз, и она, что навсегда потеряна. Он открывает глаза и видит ничем не примечательный потолок спальни на Русском Холме.

Он лежит вытянувшись поверх солдатского одеяла из серой овечьей шерсти в своей серой фланелевой рубашке с запонками из платины, черных штанах, черных шерстяных носках. Руки сложены на груди, будто средневековый горельеф — рыцарь на крышке собственного саркофага, — а телефон все звонит.

Он прикасается к одной из запонок, чтобы ответить.

— Еще не слишком поздно, я надеюсь, — говорит голос.

— Поздно для чего? — спрашивает он, не шевелясь.

— Мне необходимо вступить с вами в контакт.

— Все еще необходимо?

— Теперь особенно.

— Почему, интересно?

— Времени в обрез.

— Времени? — и перед ним снова пейзаж, виденный из огромной клетки, едущей вниз.

— Разве вы не чувствуете? Ведь ваша любимая поговорка "нужно быть в нужном месте в нужное время". Вы с вашим "ожиданием развития событий" — неужто этого не чувствуете?

— Я не работаю на достижение результата.

— Работаете, — говорит голос, — в конце концов, вы несколько раз достигали нужных мне результатов. Вы сами и есть результат.

— Нет, — говорит человек, — я просто знаю место, где я должен быть.

— В ваших устах это звучит так просто. Жаль, что это не так просто для меня.

— Возможно, — говорит человек, — вы наркоман и пристрастились к сложности.

— В буквальном смысле, — говорит голос. Человек представляет несколько квадратных дюймов электросхем на спутнике, через которые голос

доходит до него. Это самая крохотная и самая дорогая собственность. — В наши дни все завязано на сложности.

— Все в мире связано только вашей волей, — говорит человек, закидывая руки замком на затылок. Пауза.

— Было время, — наконец решается голос, — когда я считал, что вы ведете со мной игру. Что все ваши штучки вы придумали специально для меня. Чтобы действовать на меня. Или чтобы развлекать меня. Не давать угаснуть моему интересу. Чтобы заручиться моим покровительством.

— Я никогда не нуждался в вашем покровительстве, — мягко говорит человек.

— Да, полагаю, вы не нуждались, — продолжает голос, — но всегда будут люди, которым необходимо, чтобы и еще кое-кто не нуждался, и будут платить за это хорошие деньги. Но что правда, то правда: я считал вас просто наемником, возможно, наемником с четко выраженной философией, однако я считал, что философия ваша не более чем метод, который вы разработали, чтобы быть интересным, выделяться из толпы.

— Там, где я, — говорит человек пустому серому потолку, — там нет толпы.

— О, толпа есть, и какая! Талантливая моло-

дежь, по приказу добивающаяся гарантированных результатов. Брошюры. У них есть брошюры. И строки, между которыми можно читать. Чем вы занимались, когда я вам позвонил?

— Видел сон.

— Мне трудно представить, что вам снятся сны. Сновидение было приятным?

Человек задумчиво смотрит в пустоту серого потолка. Он боится вновь увидеть строго очерченный профиль. Он закрывает глаза.

— Мне снился ад, — говорит человек.

— На что это было похоже?

— Лифт, идущий вниз.

— Господи Иисусе, — говорит голос, — такая поэзия… На вас не похоже.

Еще пауза.

Человек садится на кровати. Гладкая, темная полировка паркета холодит его ноги сквозь черные носки. Он проделывает серию особых упражнений, которые не требуют видимых телодвижений. Его плечи слегка затекли. Он слышит, как невдалеке проезжает машина, звук шин по мокрой мостовой.

— В данный момент я нахожусь недалеко от вас, — прерывая молчание, говорит голос, — я в Сан-Франциско.

Теперь молчит человек. Он продолжает свои упражнения, вспоминая кубинский пляж, где много десятков лет тому назад ему впервые показали комплекс этих упражнений. Его учителем в тот памятный день был мастер аргентинской школы борьбы на ножах, которую единодушно объявили вымыслом самые авторитетные специалисты в области боевых искусств.

— Сколько времени прошло с тех пор, — задает вопрос голос, — как мы виделись в последний раз?

— Несколько лет, — говорит человек.

— Полагаю, мне нужно с вами увидеться, прямо сейчас. Очень скоро должно случиться нечто экстраординарное.

— Вот как, — говорит человек, злорадная улыбка мелькает на его лице, — вы что, собрались уйти на покой?

В ответ слышен смех, передающийся тайными проходами микроскопического города на геосинхронной орбите.

— Не настолько экстраординарно, нет. Просто определенную узловую структуру вскоре ждут глобальные перемены, а мы находимся вблизи эпицентра.

— Мы? Мы не связаны никакими текущими

обязательствами.

— В физическом смысле. В географическом. Это случится здесь.

Человек переходит к завершающей фазе своих упражнений, мысленно видя вспотевшее лицо учителя во время их первого урока.

— Зачем вы ходили на мост прошлой ночью?

— Мне нужно было подумать, — говорит человек и встает с кровати.

— Что вас туда потянуло?

Память. Потеря. Призрак из плоти на Маркет-стрит. Волосы, пахнущие сигаретным дымом. Ее свежие губы холодят его губы и раскрываются чудесным теплом.

— Ничего, — отвечает он, его руки смыкаются, ловя пустоту.

— Пора повидаться, — говорит голос. Руки раскрываются. Отпустив пустоту.

32. МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ

В задней части фургона скопилось на четверть дюйма воды, прежде чем кончился дождь.

— Картон, — сказала Тессе Шеветта.

— Картон?

— Нам нужно найти картон. Сухой. Коробки, любые. Берешь, раскрываешь, кладешь на пол в два слоя. Будет сухо. Вполне.

Тесса включила карманный фонарик и посмотрела еще раз.

— Мы что, собираемся спать в этой луже?

— Как маргиналы, — сказала Шеветта.

Тесса выключила свет, развернулась, глядя назад.

— Слушай, — сказала она, указывая фонариком, — по крайней мере, больше не льет вниз. Пошли обратно на мост. Найдем паб, поедим чего-нибудь, об остальном подумаем позже.

Шеветта ответила, что идея прекрасна — вот только Тессе не стоит таскать с собой "Маленькую Игрушку Бога" или как-то иначе записывать события этого вечера, — и Тесса согласилась.

Они бросили фургон на парковке и пошли вдоль Эмбаркадеро, мимо колючей проволоки и

баррикад, которые закрывали подходы (неэффективно, как знала Шеветта) к руинам, оставшимся от пирсов. Там, в тени, стояли наркоторговцы, и по пути на мост подругам предложили "скорость", "винт", травку, опиум и "плясуна". Шеветта объяснила, что эти дилеры не слишком удачливы, чтобы занять и удержать местечко поближе к мосту. Такие местечки были лакомым кусочком, и наркодилеры с Эмбаркадеро медленно двигались либо в сторону особой зоны, либо прочь от нее.

— А как они конкурируют? — спросила Тесса. — Они что, дерутся?

— Нет, — сказала Шеветта, — это же рынок, верно? Те, у кого хороший товар, хорошие цены, — те... ну, в общем, клиенты хотят иметь дело с ними. Кто-то явился с плохим товаром — плохие цены, клиенты его посылают подальше. Но когда здесь живешь, видишь их каждый день, всю эту дрянь; если они подсядут на свое же дерьмо, то рано или поздно им конец. Докатятся до того, что сами будут торчать здесь на задворках, а потом ты их просто больше не увидишь.

— То есть на мосту они не торгуют?

— Ну, — сказала Шеветта, — торгуют, конечно, но не то чтобы очень. И если торгуют, то ведут себя тихо. На мосту тебе ничего не предлагают,

разживается тот, кто просит так вот прямо и в лоб — если не знают, кто ты такой.

— Ну и что получается? — спросила Тесса. — Откуда им знать, предлагать или нет? Какое здесь правило? Шеветта задумалась.

— Правила нет, — сказала она, — просто им не положено так делать. — Она засмеялась. — Ну, я не знаю, на самом-то деле, просто так получается. Получается точно как с драками: драки бывают нечасто, но зато серьезно, люди калечат друг друга.

— И сколько же народу здесь живет? — спросила Тесса, когда они миновали Брайент и направились к лестнице.

— Не знаю, — сказала Шеветта, — и не уверена, что кто-нибудь знает. Раньше как было? Если ты что-то делаешь на мосту, если держишь какое-нибудь заведение, то в нем и живешь. Потому что вынужден. Вынужден быть собственником. Никакой тебе арендной платы, вообще ничего. Однако теперь здесь есть заведения, которые ничем не отличаются от обычных, понимаешь? Как тот "Сбойный сектор", в котором мы были. Кто-то владеет всем этим барахлом — они же оформили фасад магазина, и наверняка они платят тому парню, сумо, чтобы он спал на складе, охранял

их лавочку.

— Но ты сама не работала здесь, когда здесь жила?

— Нет — сказала Шеветта, — я гоняла быстро, как только могла. Отыскала себе велик и объездила весь город, вдоль и поперек.

Они протолклись на нижний уровень и шли мимо ящиков с рыбой, разложенной на льду, пока не наткнулись на забегаловку, которую Шеветта запомнила со времени одной из поездок на южный конец моста. Порой там бывала еда, порой — только музыка; названия у забегаловки не было.

— Здесь бывают отличные копченые крылышки, — сказала Шеветта. — Ты любишь копченые крылышки?

— Я дам тебе знать, когда выпью пива. — Тесса разглядывала забегаловку, будто пытаясь определить, насколько та "маргинальная".

Оказалось, что можно купить австралийского пива, которое Тесса очень любила, — называлось оно "Красный паук", — его принесли в коричневой бутылке с наклейкой в виде красного паука, и Тесса объяснила, что такие пауки считаются австралийским аналогом "черной вдовы", а может, и хуже. Впрочем, пиво было действительно

недурно, Шеветте пришлось согласиться с этим, и после того как они выпили по одной и заказали по новой, Тесса решила съесть чизбургер, а Шеветта — тарелку копченых крылышек с гарниром из жареной картошки.

В забегаловке и вправду пахло как в настоящем баре: прокисшим пивом, табачным дымом, подгоревшим жиром и потом. Шеветта вспомнила первые бары, в которые осмелилась зайти, — забегаловки вдоль сельских дорог в родном Орегоне — там пахло в точности так же. В барах, куда ее водил Карсон в Эл-Эй, почти что ничем не пахло. Пахло свечами для ароматерапии или вроде того.

У дальней стены заведения была построена сцена — попросту низкий черный помост, всего на фут выше уровня пола, — и на ней маячили музыканты, возились с проводами и аппаратурой: клавишными, барабанами, микрофонной стойкой. Шеветта никогда особенно не увлекалась музыкой, хотя в бытность курьером и любила потанцевать в каком-нибудь сан-францисском клубе. Вот Карсон, он был очень разборчив и пытался научить Шеветту ценить его музыкальные пристрастия, но ее это просто-напросто не увлекало. Он обожал разнообразное старье из

двадцатого века, по большей части французское, особенно этого Сержа Как-его-там — действительно, редкостное дерьмо, будто парень онанировал, когда пел, но и это его не сильно вставляло. Шеветта купила тогда последний "Хромированный Коран" — "Моя война — это моя война", — вроде как из самозащиты, но даже ей самой не очень понравилось, а когда она в первый и единственный раз поставила запись при Карсоне, он так на нее посмотрел, будто она нагадила ему на ковер или еще хуже.

Парни, которые сейчас настраивались на маленькой сцене, были не с моста, но Шеветта знала, что есть музыканты, и при том знаменитые, кому не лень выступать и записываться на мосту — просто чтобы потом всем об этом рассказывать.

Больше всех на сцене суетится здоровяк, заросший белокурой щетиной, в какой-то дурацкой мятой ковбойской шляпе, сдвинутой на затылок. Он возился со своей не подключенной к усилителю гитаре и слушал другого парня, поменьше ростом, который был в джинсах с пряжкой на поясе, похожей на гравированный серебряный поднос.

— Эй, знаешь анекдот? — спросила Шеветта, показывая на бледного, как бутылочное стекло,

блондина с пряжкой-подносом. — Одну девку насилуют в темноте, а она потом копам говорит: это сделал какой-то сетчатый. Ну, они отвечают: откуда ты знаешь, что это был сетчатый, раз было темно? А она: да у него же был такой крохотный член и такая здоровая пряжка на поясе!

— Кто такой "сетчатый"? — Тесса опрокинула в рот остатки пива.

— Скиннер их называл "красными шеями", — сказала Шеветта. — А сетчатый — это из-за нейлоновых бейсбольных кепок, которые они носили в то время, у них еще сзади такая сеточка, для вентиляции. Моя мать называла такие кепки "подайте-мне-кепочки".

— Это еще почему?

— Песня была такая: "Дайте мне кепочку". Их раздавали бесплатно, на них всякую рекламу тискали.

— Это что, музыка в стиле кантри или как там ее?

— Ну, нет, это больше похоже на "Герцогов Атомной Бомбы". Не думаю, что это кантри.

— Это музыка тех, кто лишен избирательных прав, в основном представителей белого пролетариата, — сказала Тесса, — которые влачат свое жалкое существование в пост-постиндустриаль-

ной Америке. Это если верить тому, что вещает "Реальность". А у нас в Австралии тоже есть анекдот про большие пряжки, только там пилот и наручные часы.

Шеветте почудилось, что блондин с большой пряжкой тоже пялится на нее, так что она отвела глаза и уставилась на толпу вокруг стола для игры в пул; там тусовалась парочка самых настоящих "сетчатых кепочек", и она показала их Тессе в качестве иллюстрации.

— Дамы, прошу меня извинить, — сказал кто-то. Женщина. Повернувшись, Шеветта оказалась прямо на линии огня двух очень серьезных сисек, зашнурованных в черный блестящий топ. Огромная копна нечесаных белых волос а-ля Эшли Модин Картер, певица, которую, должно быть, любят слушать "сетчатые", как считала Шеветта, — если они вообще слушают женщин, в чем она сомневалась. Женщина поставила две только что открытых бутылки "Красного паука" на их с Тессой столик.

— С комплиментами от мистера Кридмора, — сказала она, лучезарно улыбаясь.

— Какого мистера Кридмора? — спросила Тесса.

— Бьюэлла Кридмора, дорогуша, — ответила

женщина. — Вон он, на сцене, готовится к проверке звука вместе с легендарным Рэнди Шоутсом.

— Он что, музыкант?

— Он певец, дорогуша, — сказала женщина и как-то внимательно посмотрела на Тессу. — Вы из отдела контрактов?

— Нет, — сказала Шеветта.

— Черт побери, — сказала женщина, и на мгновение Шеветте почудилось, что она сейчас заберет принесенное пиво, — я думала, вы представители альтернативного лейбла.

— Альтернативного чему? — спросила Тесса. На женщину будто снизошло просветление.

— Бьюэлл поет, дорогуша. И это совсем не похоже на то, что ты, наверное, называешь "кантри". Ну, на самом-то деле, это больше к корням относится. Бьюэлл хочет вернуть стилю кантри былое величие, обратить время вспять, мимо Уэйлона и Уилли 24, вернуться на забытую и, типа, "первобытную" родину. Так вот. Вещь. — Женщина просияла, глаза ее немного косили. У Шеветты возникло такое чувство, что эту тираду женщина заучила наизусть, и, судя по всему, не очень, но что ей, Шеветте, надо, дескать, самой разбираться, что тут к чему.

— Рэнди недавно научил Бьюэлла петь одну

старую песню под названием "Виски и кровь потекли по дороге, но я не слыхал, чтобы кто-то молился". Это гимн, дорогуша. Очень традиционный. У меня от него мурашки по коже. Во всяком случае, называется он именно так. Но сегодня концерт будет более жизнерадостным, электрическим.

— Ваше здоровье, — сказала Тесса, — спасибо за пиво. Казалось, женщина озадачилась.

— О... на здоровье, дорогуша. Пожалуйста, не уходите, потусуйтесь. Это дебют Бьюэлла в Северной Калифорнии, он в первый раз будет петь со своими "Меньшими братьями".

— С кем? — переспросила Шеветта.

— "Бьюэлл Кридмор и его Братья меньшие". Думаю, это что-то из Библии, хотя не могу назвать вам главу и стих. — Женщина пошевелила в сторону сцены своей рвущейся на свободу грудью и решительно двинула в указанном направлении.

Шеветте, собственно, больше не хотелось пива.

— Она купила нам выпивку, потому что приняла нас за агентов из отдела контрактов. — Шеветта знала, что это такое, от Карсона. Отделом контрактов назывались те люди из музыкального бизнеса, которые искали и раскручивали новые таланты.

Тесса от души отхлебнула из своей бутылки и проводила глазами женщину — та остановилась у стола для игры в пул, чтобы перекинуться парой слов с одним из парней, красовавшихся в сетчатых кепочках.

— Здесь что, все вроде нее?

— Нет, — сказала Шеветта, — в городе, впрочем, есть особые клубы, где играют что-то в этом духе, но такой толпы на мосту я еще никогда не видала.

Проверка звука заключалась в том, что мужик в расплющенной ковбойской шляпе заиграл на гитаре, а блондин с большой пряжкой на поясе — запел. Они несколько раз начинали и прекращали исполнять какую-то песню, одну и ту же, каждый раз по-другому накручивая ручки на пульте, но сразу стало понятно, что гитарист действительно умеет играть (у Шеветты возникло чувство, что он пока не показывает, на что на самом деле способен), а певец действительно поет. Песня была про то, что ему так тоскливо, и про то, что ему надоело, что ему так тоскливо.

Бар тем временем начал заполняться народом, судя по виду, как местным — завсегдатаями, так и не местным; последние явно пришли специально, чтобы послушать группу. Местные

отличались обилием татуировок, пирсингов на лице и асимметричных причесок, гости — головными уборами (по большей части сетчатыми кепочками и ковбойским шляпами), джинсами и свисающими (у мужиков, во всяком случае) брюшками. Брюшки выглядели так, будто переехали к своим обладателям как-то незаметно для последних и прописались на их, в общем и целом, обезжиренных телах. Подобное брюшко свисает над джинсами с достаточно узкой талией и распирает фланелевую рубашку, но ниже талии загоняется в штаны при помощи здоровенной пряжки.

Она уже пригубила, от скуки, присланное Кридмором пиво, когда увидела, что певец двинул в их сторону. Он одолжил у кого-то сетчатую кепочку и натянул ее задом наперед на свои противные, мокрые с виду, явно выбеленные волосы. Он был одет в ковбойскую рубашку цвета "электрик", на которой все еще виднелись горизонтальные, поперек грудной клетки, магазинные складки; белые, в виде жемчужин, пуговицы рубашки были расстегнуты на бледной впалой груди, совсем не похожей цветом на лицо, которое, как решила Шеветта, было загримировано. В каждой руке у певца было что-то вроде томатного сока в

высоком бокале со льдом.

— Как оно? — сказал он. — Я тут только что видел эту… Мэри-Элис. Думал, вот принесу старушке чего-нибудь выпить. Я Бьюэлл Кридмор. Вам нравится пиво, дамы?

— Да, спасибо, — сказала Тесса и уставилась в противоположную сторону.

Кридмор, видимо, быстро, так, во всяком случае, показалось Шеветте, пораскинул мозгами и решил, что есть шанс получить благосклонность Шеветты.

— Слышали про нас в городе или там, в Окленде?

— Мы зашли сюда исключительно за копчеными крылышками, — сказала Шеветта, показывая на стоящую перед ней тарелку с куриными костями.

— И как они?

— Нормально, — сказала Шеветта, — мы как раз уходим.

— Уходите? — Кридмор сделал добрый глоток томатного сока. — Дьявол, мы же в десять начнем. Вам надо остаться и послушать. — Шеветта заметила странный налет на краях бокалов, похожий на зеленый песок, и теперь часть "песка" прилипла к верхней губе певца.

— Что ты там делаешь с этими "цезарями" 25, Бьюэлл? — это был верзила-гитарист. — Ты же мне обещал перед концертом не пить.

— Это для Мэри-Элис, — ответил Кридмор, жестикулируя одним из бокалов, — а это — для прелестной дамы. — Он поставил бокал, из которого отхлебнул, прямо перед Шеветтой.

— Тогда почему у тебя на губах эта чертова чесночная соль? — спросил верзила.

Кридмор оскалился и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Нервы, Рэнди. Важная ночь. Все будет тип-топ…

— Да, Бьюэлл, должно быть. Если я вдруг увижу хотя бы намек на то, что тебя тошнит, для тебя это будет последний со мной концерт. — Гитарист отобрал у Кридмора бокал, осторожно хлебнул, с отвращением сморщился и куда-то пошел, унося с собой выпивку.

— Сукин сын, — констатировал Кридмор.

Именно в этот момент Шеветта увидела Карсона, входящего в бар.

Узнавание — с ее стороны — было мгновенным и стопроцентным. Это не был Карсон, одетый для посещения светских лож, пахнущих ароматерапией, — это был Карсон, экипированный для

экспедиции в адские угодья.

Шеветта была вместе с ним, когда он покупал эту "экипировку", из-за чего ей пришлось выслушивать, что куртка сшита из аляскской воловьей шкуры (у аляскских волов, дескать, шкура толще, потому что зимы там холоднее) и является музейного качества воспроизводством оригинала, сшитого в тысяча девятьсот сороковых годах. Джинсы были чуть ли не дороже, и история их была более сложная. Деним для них ткали в Японии — древние американские станки бережно ремонтировались, — а уже, собственно, шили их не где-нибудь, а в Тунисе, по выкройкам группы голландских дизайнеров и историков моды. С подобной чушью Карсон носился как с писаной торбой — со всей этой "абсолютно аутентичной" поддельной чушью, так что, когда Шеветта увидела, как он переступил порог забегаловки, у нее не возникло и тени сомнения, что это он.

А еще, хотя и сама не знала, как, она поняла, что попала в беду. Возможно, подумалось позже, так вышло из-за того, что Карсон не знал, что она здесь, и поэтому был не сильно озабочен выглядеть рубахой-парнем, каким всегда притворялся рядом с ней, когда знал, что она смотрит.

Она смотрела и видела другого человека —

очень страшного, очень холодного, озлобленного человека, — смотрела и знала, что это Карсон. Карсон медленно повернулся, чтобы просканировать бар…

Номер, который она исполнила, сильно удивил ее саму. А еще сильнее, наверно, этот номер удивил Кридмора. Верхушка огромной серебряной пряжки вдруг показалась ей удобным поручнем. Она схватилась за нее, потянула вниз, и Кридмор от неожиданности упал на колени, а она обняла его руками за шею и поцеловала взасос, полагаясь на то, что его затылок в перевернутой сетчатой кепочке закроет ее от Карсона.

Радостный энтузиазм Кридмора, к сожалению, примерно соответствовал тому, что она вполне могла ожидать, если бы было время подумать.

33. ДАРИУС

Райделл был на полпути назад, пробираясь через хруст и скрежет нижнего уровня, когда зазвонили очки. Он прислонился спиной к ближайшей стене, достал очки из кармана, раскрыл и надел.

— Райделл?

— Я.

— Приятель, это Дариус. Как ты?

— Сносно, — ответил Райделл. Очки почему-то чудили; странно растянутые фрагменты карт Рио неслись сверху вниз в поле его зрения. — Сам-то ты как? — он слышал визг электродрели, а может, электроотвертки — там, где-то в Эл-Эй. — Ты в "Драконе"?

— Да, — сказал Дариус, — у нас тут, похоже, большое строительство.

— Строительство чего?

— Не знаю, — ответил Дариус, — они тут монтируют новый узел, сразу за банкоматом. Где раньше у них продавалось детское питание и всякие там подгузники, помнишь? Парк не желает говорить, что за спешка; наверное, сам не знает. Но чем бы их чертов узел не был, ставят его во

всех филиалах… Да, как добрался? И как там этот, как его, Кридмор?

— Думаю, он алкоголик, Дариус.

— Базара нет, — сказал Дариус. — Как новая работа?

— Ну, — сказал Райделл, — кажется, я пока в ней мало что понимаю, но становится все интересней.

— Что ж, это здорово, — сказал Дариус. — Я, кстати, просто так позвонил, узнать, как твои дела. Вот Хвалагосподу тут, привет тебе от нее… Хочет знать, по душе ли тебе очки.

Карты Рио задергались, съежились, вновь понеслись сверху вниз.

— Скажи ей, очки великолепны, — ответил Райделл. — Скажи ей "спасибо".

— Скажу, — сказал Дариус. — Давай там, смотри в оба.

— И ты не зевай, — сказал Райделл.

Дариус дал отбой, и карты потухли.

Райделл снял очки и убрал их подальше.

Кусок говядины. Может, зайти по пути и съесть немного говядины у "Шеф-повара гетто"?

Но тут он подумал про Клауса с Петухом и тут же решил, что сперва проведает "термос".

34.
РАЗРЫВЫ В РЫНОЧНОМ КОНТИНУУМЕ

— На что это, по-твоему, похоже, Маршалл? — спросил Фонтейн своего адвоката, Маршалла Матитсе из фирмы "Матитсе, Рапелего и Ньембо", чья собственность состояла из трех ноутбуков и антикварного китайского велосипеда.

Маршалл на другом конце линии поцокал языком, и Фонтейн догадался, что адвокат как раз смотрит на списки, которые где-то нарыл мальчишка.

— Кажется, это описи содержимого депозитных сейфов, согласно требованиям государственного закона во всех штатах. Антитеррористическое законодательство. Не дает кому попало скапливать сырье для производства наркотиков, ядерные боеголовки и все в таком духе. Еще предполагалось, что оно поможет борьбе с отмыванием денег, но это было давно, когда деньги еще были большими пачками зеленой бумаги. Но на твоем месте, Фонтейн, я задал бы своему адвокату другой вопрос. Например: не нарушаю ли я закон, храня у себя подобные документы?

— А я нарушаю? — спросил Фонтейн. Маршалл несколько секунд хранил в телефоне молчание.

— Да, — наконец сказал он, — нарушаешь. Но это зависит от того, каким образом ты их получил. И я только что выяснил, что действительных владельцев собственности, указанной в каждой описи, уже нет в живых.

— Нет в живых?

— Абсолютно. Эти документы прилагались к завещаниям. Они все еще охраняются законом, но я вижу, что некоторые предметы являются собственностью, которая автоматически пошла с молотка, когда завещания вступили в силу.

Фонтейн оглянулся через плечо и увидел мальчика, по-прежнему сидящего на полу и сосущего через соломинку третий по счету стакан гуавы со льдом.

— Как ты это добыл? — спросил Маршалл.

— Не уверен, что знаю, — ответил Фонтейн.

— По умолчанию предполагается, что эти файлы нельзя взломать, — сказал Маршалл, — если ты, конечно, не федерал, Фонтейн. Если взлом произведен не тобой, то ты всего лишь нарушаешь закон о частной информации, не более того. Но если это сделал ты или если ты являешься сообщником взломщика, то ты виновен во вла-

дении запрещенной технологией, за каковое преступление ты можешь сесть в одну из тех на редкость эффективных тюрем, которые так заботливо обустроены.

— Не виновен, — сказал Фонтейн.

— Пусть будет по-твоему, — сказал Маршалл, — но если ты все-таки виновен, ты можешь, разумно все спланировав и обеспечив должную секретность, использовать такую технологию для выявления особых, крайне выгодных разрывов в рыночном континууме. Ты понимаешь, о чем я, Фонтейн?

— Нет, — ответил Фонтейн.

— Скажем так: если ты нашел способ завладеть документами, которые больше никому не по зубам, ты можешь поговорить об этом с человеком, знающим, какие именно документы нужно раздобыть, чтобы рассчитывать на максимальную отдачу.

— Слушай, Маршалл! Я вовсе не интересуюсь…

— Фонтейн, успокойся. Я понимаю, что торговать подержанными ножами и старыми, обглоданными крысами игрушками — твое любимое дело. Твое призвание. Ты занимаешься этим не ради денег, я знаю. Однако же если у тебя появился "черный ход" для доступа сам знаешь

куда, я советую тебе тайно проконсультироваться со своим адвокатом, то есть со мной, и чем раньше — тем лучше. Слышишь?

— Маршалл, я вовсе…

— Кларисса наводит справки у одного из моих партнеров по фирме, Фонтейн. Я говорю тебе об этом строго конфиденциально.

Фонтейн не обрадовался.

— Она говорит о разводе, мой друг.

— Мне пора, Маршалл. Покупатели…

Фонтейн дал отбой. Новости Маршалла о Клариссе были не так уж новы для него, но до сих пор он старался избегать даже мыслей об этом.

Он понял, что слышит тихое, ритмичное щелканье, и, обернувшись, увидел, что мальчишка опять надел на себя шлем.

35. НА АВТОПИЛОТЕ

Шеветта не закрыла глаза, когда притянула к себе и поцеловала Кридмора, но, крепко обхватив его руками за шею, чтобы он не вырвался и спрятал ее от Карсона, она все равно ничего не могла разглядеть из-за рукава Скиннеровой куртки. Она могла лишь разглядеть — за расплывшимися на переднем плане скулой и левым ухом Кридмора — резкое, как выброс адреналина, продвижение Карсона сквозь толпу. Этот кадр был настолько шокирующим, что она не заметила ответной реакции Кридмора, язык которого ловко и напористо стремился сплестись с ее языком, а руки, забравшиеся под скиннеровскую куртку, страстно пытались поймать хоть один сосок.

Четкий кадр идущего Карсона тут же затмил крупный план лица Тессы, выпучившей от изумления глаза и готовой расхохотаться. Кридмор коснулся, наконец, вожделенной груди, и Шеветта, повинуясь рефлексу, сняла с его шеи левую руку и дала ему под дых, как сумела, жестко и точно, вложив в удар всю силу, которая у нее была.

Кридмор открыл голубые, налитые кровью глаза, и Шеветта оттолкнула его, отпихнула свой

стул и скатилась под столик, теперь уже действуя целиком на автопилоте. Ей показалось, что она слышит, как Кридмор ударился головой о столешницу, пытаясь поймать ее, но теперь, когда он больше не впивался ей в губы, она почувствовала вкус его губ, и в этом было что-то до боли знакомое, и, в то время как разум еще механически воспринимал происходящее, тело решило уберечь ее от опасности простым способом. А именно бегом, на четвереньках — под столиком; на открытом пространстве — все так же на четвереньках, но набирая скорость; на спринтерской скорости — низко нагнувшись и выбросив руки вверх, чтобы сбить с ног любого, кто решит ее остановить; наружу — в дверь.

Туда, где инстинкт, шестое чувство, какое-то смутное воспоминание заставили ее повернуть направо, в сторону Окленда.

Она не снижала скорости, пока не почувствовала себя в безопасности и к тому времени уже поняла, каков был вкус поцелуя у Кридмора: вкус "плясуна". Ей стало любопытно, сколько же этой дряни досталось ей. Не много, наверное, но она ощущала наркотик в грохоте своего сердца, видела его в призрачных ореолах каждого фонаря и узнавала в том факте, что ничто из произошед-

шего на самом деле ее не так уж сильно волнует.

Под "плясуном" беда могла казаться незначительной.

Беда — это Карсон, подумала она, и именно выражение его лица, взгляд, который она всегда ловила, но никак не могла увидеть по-настоящему, заставили ее сильно испугаться. Она боялась его с тех пор, как он ударил ее, но не понимала этого так отчетливо. Он не сильно покалечил ее тогда, по крайней мере, в физическом смысле. Она жила там, где люди калечили друг друга, ранили по-настоящему, а этот симпатяга, мальчик из мира медиа, который даже не знал, как правильно бить, — разве он был опасен?

Но теперь под действием остатков наркотика из слюны Кридмора она испугалась вовсе не того, что Карсон ее когда-то ударил или что он может сделать это опять, а того, что как-то инстинктивно догадалась: с ним что-то не то, что-то решительно не в порядке. Что Карсон — значит "плохие новости", и Карсон умело скрывает это — всегда, постоянно и более тщательно, чем выбирает свои чертовы шмотки.

Тесса, после знакомства с Шеветтой, в результате которого Шеветта переехала в Малибу, сказала ей, что завидует мужскому бессилию как сигналу

бедствия. Даже если они сами не отдают себе отчета в этом, сказала Тесса, все равно от них ничего не дождешься. Но нам, женщинам, этого не дано: мы остаемся с ними, если даже помочь уже ничему нельзя, — но ты не можешь с ним оставаться, если он ударил тебя, потому что он сделает это снова.

Теперь Шеветта просто шла в сторону Острова Сокровищ; мост казался призрачным, однотонным, может быть и под действием "плясуна", но ей было все равно.

— Беспредел, — сказала она. Такова была ее реакция на события. Она остановилась. Может быть, всего лишь реакция на Карсона.

— Эй, Шеветта.

Обернувшись, она увидела знакомое лицо, вот только не помнила имени. Растрепанные бледные волосы, узкое жесткое лицо, по левой щеке змеится страшный шрам. Когда-то он был тоже курьером, в бытность ее службы в "Объединенной", — не из Шеветтиной бригады, а так, знакомый по вечеринкам.

— Цапля, — она вспомнила имя.

— Я думал, тебя здесь нет, — сказал Цапля, было заметно, что несколько зубов у него сломаны.

Может, у него и в голове что-то сломано, испу-

галась она. А может, просто случился какой-то выброс в атмосферу сегодня вечером.

— Меня не было, — сказала Шеветта.

— А где ты была?

— В Южной Калифорнии.

— Ты там гоняешь? Курьеришь?

— Нет, — отвечала она.

— Я теперь не могу гонять, — проговорил Цапля, переступая с ноги на ногу, левая нога не сгибалась: с его коленом было что-то не то. — Я врезался в "воронок".

— Точно, авария! — и Шеветта на миг задумалась, сколько воды утекло, раз она не помнит. — Страховку дали?

— Мать их так, не дали — тачка-то оказалась из городского ДЮ. — Ну да, Департамент юстиции! Напустил на них адвокатов... — калека пожал плечами. — Один из моих адвокатов, Ньембо... Знаешь этих трех типов? Беженцы из Африканского Союза, помнишь? Ньембо — он знает этого, как его, Фонтейна. Фонтейн, помнишь?

— Да, — сказала Шеветта и оглянулась на всякий случай. — Он все еще в Окленде, дети, жены и все такое?

— Нет, — сказал Цапля, — нет, у него магазин, прямо тут, наверху, — он махнул рукой. — Там и

спит. Продает всякий хлам туристам. Ньембо сказал, что женушки решили с ним покончить. — Он искоса взглянул на нее, шрам на щеке стал заметнее. — Хорошо выглядишь. Прическу сменила.

Вид шрама вызвал новую реакцию "плясуна"; она содрогнулась: в голове возник прежний расклад карт — Карсон со злобным лицом, засунув руки в карманы кожаной куртки, идущий ей навстречу по мосту.

— Хорошо, что увиделись, Цапля.

— Да, — сказал он с печалью и безнадежностью в голосе. Он зябко повел плечами, будто хотел немного освободиться от боли, потупил глаза и двинулся прочь, в ту сторону, откуда пришел. Шеветта посмотрела вслед его хромающей походке, изуродованная нога прямая, словно палка.

Она застегнула молнию своей кожаной куртки и пошла искать лавку Фонтейна, гадая, узнает ли он ее, если она вообще найдет его.

36. ОТЛИЧНЫЙ ВИД

Райделл купил в "Шеф-поваре гетто" "тарелку мяса" в одноразовой миске из белой пены, после чего ему пришлось думать, как забраться по лестнице, ничего не пролив.

Взбираться по лестнице с горячей тарелкой в руке была из тех еще затей, которые обычно не приходят нормальным людям в голову, и Райделлу было нелегко. Карабкаться, цепляясь одной рукой за долбаные ступеньки, а другой стараясь удержать горячее варево, надо было иметь сноровку.

Однако он добрался до верха, не расплескав ни капли, потом поставил еду и стал отпирать решетку (сечением два на четыре дюйма с ячейками в виде сот). Решетку держали хромированные непальские замочки по обоим краям на скобах; ключи, висевшие на гвозде, он обнаружил, когда уходил. В смысле защиты это была абсолютно бессмысленная конструкция, так как любой мог забраться внутрь, открыв отмычкой замочки, выломав ломиком скобы или просто дергая сетку, пока не вылезут гвозди. С другой стороны, подумалось Райделлу, если уйдешь и не запрешь эту

доску и кто-то попросту вынесет твое барахло, даже не приложив к этому усилий, будешь чувствовать себя еще большим придурком.

Управившись, он присел на край кровати с миской и пластмассовой ложкой, которую ему дали бесплатно. Едва он начал вдыхать пар, поднимающийся от горячей еды, ему пришло в голову, что стоит сначала проверить "термос". Проектор — так назвал его Лэйни. Райделл вздохнул, поставил тарелку на пол и встал (правда, в три погибели).

Посылка "ГлобЭкс" была по-прежнему в шкафчике, за вещмешком, и обтекаемый металлический цилиндр по-прежнему был на месте.

Он сел обратно, поставив посылку рядом с собой на кровать, и принялся уплетать остывающее мясо, которое и вправду стоило того. Странное дело — и почему такое, как попало настроганное, в сущности, напрочь разваренное мясо неясного происхождения — возможно, и вправду говядина — при определенных обстоятельствах бывает вкуснее, чем настоящий сочный бифштекс? Он слопал все, до последнего зернышка риса, до последней капли бульона, и решил, что зазывалы поставили три с половиной звезды на карте для туристов в нужное место.

Потом он открыл посылку "ГлобЭкс" и вынул оттуда "термос". Снова увидел стикер "Отличный вид" и понял не больше, чем в прошлый раз. Поставил предмет на пестренький коврик и достал спрятанный в изголовье кровати кнопарь. С его помощью он открыл пластиковые конверты, в которых хранились кабели, и уселся их рассмотреть.

Вот этим, подумал он, стандартным сетевым, подключается любой ноутбук к обычной стенной розетке, хотя конец, который втыкается в "термос", выглядит несколько иначе. А вот второй, однако, серьезная вещь, одни разъемы на концах чего стоят. Райделл нашел гнездо, в которое, очевидно, втыкался один конец этого кабеля, — только куда, скажите на милость, втыкать второй? Если малыш сумо сказал ему правду, то это был специальный кабель, которым "термос" подключался туда, куда его редко кто подключает. Оптический кабель, судя по виду.

Сеть — это просто. Над чем пришлось ломать голову, так это над тем, где в этой каморке стенная розетка, но, в конце концов, он ее нашел (на самом деле это была отводка обычной желтой промышленной жилы) там же, в вещевом шкафчике.

На цилиндре не видно ни ручек, ни выключателей. Он подключил сетевой кабель к розетке, снова уселся на кровать, держа свободный конец в руке и разглядывая серебристый цилиндр.

— Черт знает что, — сказал Райделл и воткнул в цилиндр кабель. В момент подключения его посетило ясное, почти реальное видение, в котором "термос" — ни малейших сомнений — был нашпигован пластиковой взрывчаткой, снабжен детонатором и только ждал, что…

Но нет, если бы "термос" был бомбой, Райделл был бы уже мертвым. Мертвым он не был.

Но и "термос" не подавал признаков жизни. Райделлу показалось, что он слышит тихое гудение — вот, собственно, и все.

— Ни хрена не понятно, — констатировал Райделл.

Какое-то мерцание. Неоновая бабочка. Порванные крылья.

И тогда ниоткуда возникла эта странная девушка, стоящая на коленях, — так близко, что его сердце перевернулось и замерло.

Что это — вот ее не было и вот она есть. Закололо в груди, и тогда он вспомнил, что нужно дышать.

Если бы Райделла попросили описать ее, он

сказал бы: красивая, и встал бы в тупик, не сумев объяснить, почему. Ему показалось, что она прекрасный пример той "гибридной страсти", о которой говорил Дариус, но он понятия не имел, какие расы скрестили здесь свою кровь.

— Где мы? — спросила она.

Он заморгал от растерянности, не понимая, кого она видит и к кому обращается — к нему или к кому-то другому в другой реальности.

— Ночлежка с кормежкой, — сказал он в порядке эксперимента. — Бухта Сан-Франциско и Окленда.

— Вы друг Лэйни?

— Я... Ну да.

Теперь она осматривалась — с явным интересом, и Райделл почувствовал, что мурашки побежали по его спине; он увидел, что на ней одеяние, повторяющее, как в зеркальном отражении, его собственное, хотя на девушке все сидело прекрасно и, разумеется, смотрелось совсем по-другому. Свободные штаны цвета "хаки", синяя джинсовая рубашка, черная нейлоновая куртка, на груди прямоугольник на "липучке" — в него вставляется логотип компании. И так далее, вплоть до черных носков (с дырками на пальцах? — вдруг подумал он) и меньших по размеру чер-

ных рабочих ботинок, которые он купил, чтобы ходить в "Счастливый дракон". Но он оторопел потому, что знал, видел, действительно видел, что в момент своего появления она стояла перед ним на коленях голой.

— Я Рэи Тоэи, — сказала она. Волосы у нее были жесткие и блестящие, стрижка небрежная, но безупречная, губы полные, но неулыбчивые. Райделл протянул руку, и рука прошла прямо сквозь ее плечи, сквозь кольца когерентного света, которым, как он прекрасно знал, она и была. — Это голограмма, — сказала она, — но я настоящая.

— Где вы?

— Я здесь, — сказала она.

— Но где вы по-настоящему?

— Здесь. Голограмма не ретранслируется. Ее генерирует узел "Отличный вид". Я здесь, вместе с вами. Комната очень маленькая. Вы бедны? — она протиснулась рядом с Райделлом (он догадался, что она бы легко прошла сквозь него, не подвинься он вовремя) на край кровати, чтобы рассмотреть покрытую солью полусферу из пластика. Райделл заметил, что она в буквальном смысле является источником света, хотя этот свет почему-то казался ему отраженным, лунным.

— Комнату я снимаю, — ответил Райделл. — Да,

я не очень богат.

Услышав это, она оглянулась.

— Я не хотела обидеть вас.

— Все о'кей, — сказал Райделл, глядя то на проектор, то на нее. — Я просто имел в виду, что многие люди сказали бы, что я беден.

— Но еще больше людей сказали бы, что вы богаты.

— В этом я что-то не уверен…

— А я уверена, — сказала она. — Сейчас в мире большинство живущих людей гораздо менее богаты, чем вы. У вас есть ночлег, у вас есть одежда. Я вижу, что вы только что ели. Как вас зовут?

— Берри Райделл, — сказал он, вдруг застеснявшись. Но, подумал он, по крайней мере, я знаю, кто такая она или кем считается. — Слушайте, я вас узнал. Вы — японская певица, ну та, которой… В смысле, которая…

— Не существует?

— Я этого не говорил. В смысле, это ведь вы должны были выйти замуж за этого парня — ирландца, китайца, то есть неважно, в общем, из этой дурацкой группы?

— Да. — Она вытянулась на кровати, лежа на животе, подперев руками подбородок, головой всего в нескольких дюймах от затуманенного

пузыря из пластика. (Райделл на миг отчетливо представил, как, словно из-под воды, тусклым глазом какого-нибудь бегемота, смотрит на нее этот пузырь.) — Но мы не поженились, Берри Райделл.

— Откуда вы знаете Лэйни? — спросил он ее, надеясь нащупать хоть какую-нибудь нить, связывающую их.

— Мы с Лэйни друзья, Берри Райделл. Вы знаете, где он сейчас?

— Точно не знаю, — ответил Райделл, что было правдой.

Она перевернулась — великолепная и в буквальном смысле светящаяся, в нелепой зеркальной копии его экипировки, которая смотрелась на ней, как образец последней высокой моды, и поразила его своим полным печали взором. В эту секунду он вполне готов был добровольно и счастливо смотреть в ее глаза, была бы она только согласна, — и просидеть так, разумеется, вечность.

— Нас разлучили с Лэйни. Я не могу понять почему, но хочется верить, что в наших интересах. Кто дал вам проектор, Берри Райделл?

— Я не знаю, — ответил Райделл. — Сюда он был доставлен из "ГлобЭкс" на имя Лэйни. Адрес

отправителя — Мельбурн, компания "Парагон-Азия"...

Она подняла брови.

— Вы не знаете, почему мы оказались с вами здесь, в Сан-Франциско, Берри Райделл?

— Нет, — сказал он. — А вы?

— Лэйни считает, что мир скоро рухнет, — сказала она, и улыбка ее была лучезарна. Он не мог не улыбнуться в ответ.

— Я считаю, что мы уже пережили это, когда кончился век.

— Лэйни говорит, что миллениум был всего лишь датой. Лэйни уверен, что на этот раз все случится по-настоящему. Но я не говорила с ним очень давно, Берри Райделл. Не знаю, насколько мы стали ближе к узловой точке.

37. ДЕРЬМОВЫЕ ДЕНЬГИ

Сегодня вечером Бумзилла с дрянной деньжонкой, тем дебитным чипом, который ему дали эти сучки дальнобойщицы, пойдет с моста в "Счастливый дракон". Он всегда туда ходит, когда у него есть бабки, потому что у этих гадов прорва всякого дерьма.

Жратва ему там нравится, потому что это не "мостовая" жратва, а, как по телику, все в лучшем виде. И вообще там все есть: всякая хрень, на которую можно пялиться, игры и все такое. Классное место.

В один распрекрасный день он разгребется со своей жизнью. У него будет дом, красота, как в "Счастливом драконе". Везде свет, как у них, и еще он надыбает этих летающих камер, как у тех сучек с фургоном. Он будет заглядывать всем в задницу, и никто не устроит ему разборок.

Чип надо показать, когда подходишь к парадному входу, если держишь чип в руке, помашешь перед носом охранника, он тебя впустит. Он должен убедиться, что ты тоже в игре, а не вор какой-нибудь. Бумзилла давно это просек.

Сегодня вечером все по-другому. У главного

входа в "Дракон" здоровенный белый фургон. Самый большой, самый белый фургон, какой он когда-нибудь видал. Никаких надписей, кроме номера тачки из Северной Калифорнии, рядом стоит пара охранников. Бумзилле интересно, не на нем ли привозят новые игры? Никогда не видал такого фургона.

И вот он уже в дверях, предъявляет чип и идет для начала, как обычно, за леденцами.

Бумзилла любит этот японский леденец, эту маленькую химлабораторию. Смешиваешь разные компоненты, эта штука шипит, нагревается, а потом остывает. Берешь, выдавливаешь в формочку, и — гляди-ка ты! — оно уже твердое. Когда его ешь, оно просто как леденец, но Бумзилле нравится сам процесс.

Он покупает шесть штук, злится, что нет с виноградным вкусом, и парочку шоколадок. Долго прикалывается на аппарат, который делает журналы на заказ, смотрит на экранах всякое дерьмо, из которого можно слепить свой личный журнал. Потом — в дальний отдел магазина, купить лапши, типа просто добавь воды и тяни за макаронину.

Решая, что лучше — лапша с говядиной или курицей, он замечает, что разобрана целая сек-

ция "драконовской" стенки. Между "ГлобЭкс" и кассовым аппаратом.

Ага, так вот почему здесь белый фургон, видно, здесь будут ставить какую-то новую хрень, и чешет в затылке — а может, это игровой автомат?

Белые люди в белых хлопковых костюмах демонтируют стену.

Он смотрит на них, потом идет обратно к главному входу, показывает ту дрянь, что успел набрать. Кассир катает по окошку на поверхности своей стойки, которое как калькулятор, это дерьмо, берет у Бумзиллы чип и — вжик! — счету конец. Вот и ушли его дерьмовые деньги…

Он выходит с кульком на улицу, в полутьме находит поребрик, чтобы присесть. Сейчас он начнет готовить первый из шести леденцов. Красный.

Он смотрит на экраны главного входа, у которого стоит белый фургон, и видит точно такие фургоны почти что на всех экранах. Значит, сейчас во всем мире у "Счастливых драконов" торчат эти белые фургоны, а стало быть, нынче ночью везде установят какую-то новую хрень.

Бумзилла вскрывает коробочку с леденцом и изучает многословные, но абсолютно непонятные инструкции.

Надо делать все правильно.

38. "ВИНСЕНТ ЧЕРНАЯ МОЛНИЯ"

Должно быть, Фонтейнова лавка — вот эта, фиолетовая, узкая, с высоким окном, законопаченным таким количеством силикона, что хватило бы на обмазку целого свадебного торта. Весь фасад был когда-то выкрашен нудной фиолетовой краской, теперь облупившейся из-за дождей и солнца; она смутно помнила, что раньше здесь торговали подержанной одеждой, что ли. Фиолетовым было решительно все: потеки силикона, процессоры, прибитые к старой деревянной двери со вставленными сверху окошками.

Если это действительно лавка Фонтейна, то он не побеспокоился дать ей название — впрочем, это вполне в его духе. И кучка предметов, лежащих в окне под лучом старинного "Тензора", тоже была в его духе: несколько старомодных наручных часов с проржавевшими циферблатами, большой складной нож с костяной рукояткой, отполированной до блеска, и огромный уродливый телефон, обтянуты и складчатой черной резиной. Фонтейн был помешан на старых вещах и раньше, бывало, притаскивал разную рухлядь,

показывал ее Скиннеру.

Иногда ей казалось, что он это делал лишь для того, чтобы "завести" старика, чтобы вытянуть из него истории. Скиннер был молчуном, но, крутя и вертя в руках какое-нибудь ветхое Фонтейново сокровище, он порой начинал рассказывать, и тогда Фонтейн садился и слушал, время от времени согласно кивая, будто истории подтверждали какие-то его давние подозрения.

Зная о прошлой жизни Скиннера, Фонтейн принимался сам изучать предмет с новым любопытством, задавать вопросы.

Ей казалось, Фонтейн живет в мире вещей — мире вещей, сделанных людьми, с их помощью ему легче приблизиться к людям. Если Скиннер не мог рассказать ему историю какой-нибудь штуки, он выдумывал собственную, по особым приметам вычитывал предназначение вещи из ее формы, судил о ее применении. Казалось, это его утешает.

Для Фонтейна все имело историю. Каждый предмет, каждая деталь, составляющая существующий мир. Многоголосый хор, прошлое, что живет во всем, море, волны которого раскачивают корабль настоящего. Когда он строил для Скиннера фуникулер, лифт, который полз по

канату к верхушке наклонной железной башни, — тогда поясница у Скиннера разболелась настолько, что он уже не мог взбираться вверх с прежней легкостью, — Фонтейн имел наготове историю о происхождении каждой детали. Он сплел эти истории вместе, пустил электричество: тележка подъезжала, клацая, к люку в полу стариковской комнаты.

Сейчас Шеветта стоит здесь, рассматривая в витрине часы с порыжевшими циферблатами и неподвижными стрелками, она боится истории.

Потому что знает: Фонтейн определит ее историю совершенно по-своему, и это будет история, которой ей не избежать.

Сквозь дверное стекло, достаточно толстое, преломляясь, словно сквозь воду, в дальнем конце лавки горят огни. Туда ведет неприкрытая дверь.

"CLOSED/CERRADO" — сообщает картонка с загнутыми уголками, висящая за стеклом на крючке с присоской, какие встречаются в душевых комнатах.

Шеветта стучится.

Почти сразу первая дверь открывается, чья-то фигура маячит на фоне яркого света.

— Эй, Фонтейн! Это я, Шеветта.

Фигура, шаркая, приближается, это действи-

тельно он — угловатый чернокожий с седеющими волосами, скрученными в несимметричные косички, которые висят, как веточки пыльного комнатного растения, вянущего без воды. Когда он огибает тускло отблескивающую стеклянную витрину, она замечает в его руке пистолет устаревшей модели, с крутящимся барабаном, одна пуля на выстрел.

— Фонтейн? Это я…

Он замирает у стойки, смотрит. Делает шаг вперед. Опускает ствол.

— Шеветта?

— Да.

— Подожди. — Он подходит ближе и пристально смотрит на нее, потом вглядывается в темноту за ней. — Ты одна?

— Да, — говорит она, тоже оглядываясь.

— Подожди… — лязг замков, снимаемых засовов, наконец дверь открывается, и он изумленно таращится на нее. — Ты вернулась.

— Как ты, Фонтейн?

— Прекрасно, — говорит он, — прекрасно. — Он делает шаг назад. — Заходи.

Она входит. Запах машинного масла, политуры, убежавшего кофе. Тысяча разных вещей угадываются в темноте с рифа истории Фонтейна.

— А я-то думал, что ты в Эл-Эй.

— Была. Вернулась…

Он закрывает дверь и запирает ее — процесс сложный, но он справляется с ним и в темноте, и, может быть, даже во сне.

— Старик помер. Ты знаешь об этом?

— Знаю, — говорит она. — Отчего?

— Совсем дряхлый стал, — говорит он, убирая в карман пистолет. — Не мог однажды встать с постели. Свернулся калачиком, как младенец. Кларисса ходила, нянчилась с ним. Она, Кларисса, сиделкой раньше была. Говорит, когда кто отвернется к стене — считай, скоро помрет.

Шеветте мучительно хочется что-то сказать, но слова не идут.

— Эй, подруга, мне нравится твоя стрижка, — говорит Фонтейн, рассматривая ее. — Не такая колючая, как прежде.

***

— Все меняется, — говорит Фонтейн, имея в виду мост и его население.

Он рассказывает ей о новой моде строить магазины, чаще всего — не на деньги людей с моста; о том, что владельцы нанимают людей, чтобы те жили в этих лавках и охраняли чужую соб-

ственность.

— Этот "Счастливый дракон", например, — говорит он, держа обеими руками белую фарфоровую кружку с горьким густым кофе, — стоит там потому, что кто-то решил сделать на нас деньги. Туристы там покупают все подряд, потом идут на нас поглазеть. Раньше такого ни за что бы не было.

— А как ты думаешь, отчего все так изменилось?

— Да не отчего, само по себе, — отвечает он. — У всего есть срок.

— А Скиннер? — спрашивает она. — Он здесь жил всю жизнь, разве нет? В смысле, когда все было так, как было. С самого начала. С тех пор, как построили мост.

— Ну не всю жизнь. Только под конец. Вот эта куртка, которая на тебе, он ее в Англии купил, когда был молодой. Он там жил и гонял на мотоциклах. Он мне рассказывал. Гонял на них до самой Шотландии, все на свете объездил на очень старых мотоциклах.

— Да, он однажды рассказывал что-то такое. Потом он вроде вернулся сюда, и случился Первый толчок. Мост разрушился. Вскоре он и поселился здесь.

— Вот, — говорит Фонтейн, — я тебе кое-что покажу. — Он открывает шкафчик. Вынимает оттуда клинок с рукояткой из позеленевшей меди с чеканкой. Вытаскивает его из начищенных до блеска кожаных ножен. Лезвие из дамасской стали все в патине темных узоров.

Клинок воспоминаний Шеветты, рукоять в чешуе обточенных шлифовальным ремнем сегментов печатной платы.

— Его при мне ковали, — произносит она, наклоняясь поближе, чтобы рассмотреть.

— Из приводной цепи мотоцикла "Винсент Черная Молния" 1952 года выпуска. Скиннер гонял на нем по Англии. Этому зверю тогда самому было добрых лет сорок. Он говорил, что ни один мотоцикл не мог с ним сравниться. Хранил его цепь, пока не нашел того кузнеца. — Фонтейн подает ей клинок. Пять дюймов лезвие, пять дюймов рукоять. — Пусть будет у тебя.

Шеветта проводит пальцем по плоскости лезвия, по чешуйчатому узору черно-белых пятен металла, кованного из звеньев мотоциклетной цепи.

— Я недавно думала об этой штуке, Фонтейн. Сегодня. Вспомнила, как мы ходили к тому кузнецу, что жег кокс в кофейной жестянке.

— Да. Я тоже помню, как он это ковал. — Он протягивает ей ножны.

— Но тебе ведь нужно продать эту штуку. — Она пытается вернуть нож.

— Это не для продажи, — отвечает он, — я хранил это для тебя.

У Фонтейна в задней комнате сидит очень странный мальчик. Неуклюжий латиноамериканец, коротко стриженный. Он все время сидит на полу, скрестив ноги, на голове — старый шлем виртуальной реальности, скорее всего подобранный на свалке военных роботов. На коленях — старый ноутбук. Мальчик методично жмет кнопку, картинки на экране меняются.

— Кто это? — спрашивает она тихо, чтобы мальчишка не услышал, когда они выходят и Фонтейн начинает заваривать новую порцию своего ужасного кофе.

— Не знаю, — отвечает Фонтейн, обернувшись и внимательно глядя на парнишку. — Я нашел его утром возле лавки, он стоял у витрины и дышал на стекло.

Шеветта глядит на Фонтейна, не понимая, что он имеет в виду.

— Он любит часы, — говорит Фонтейн, зажигая бутановую горелку от пьезозажигалки. — Утром

я показал ему, как искать часы, успехов пока не вижу. — Фонтейн подходит к мальчику, смотрит на него сверху вниз.

— Не уверен, знает ли он английский, — говорит Фонтейн, — а если и знает, то понимает по-своему.

— Может, он знает испанский?

— Ко мне заходил Большой Карлос, — отвечает Фонтейн, — и, кажется, парень разницы не заметил.

— Ты теперь и живешь здесь, Фонтейн?

— Да, — говорит он, — мы не ладим с Клариссой.

— Как твои ребята?

— У них все в порядке. Черт, у Турмалины тоже все в порядке, все так считают, кроме нее. В смысле жить с ней невозможно, понимаешь, но на здоровье она не жалуется.

Шеветта берет зачехленный дамасский клинок и пытается засунуть его во внутренний карман с молнией. Он туда влезает и, если застегнуть молнию до упора, лежит вертикально.

— А что он делает с твоим ноутбуком?

— Охотится за часами. Я показал ему аукционы в сети, и теперь он роется везде. Залезает в такие места, что я не пойму, как он это делает.

— Он будет здесь жить?

Фонтейн морщит лоб.

— Вообще-то я этого не планировал.

Шеветта встает и потягивается, образ Скиннера, ее старика, сидящего на кровати в комнате на вершине кабельной башни, стоит перед ней. "Плясун", который она "получила" от Кридмора, выветрился, оставив только усталость. Долгий был день. Какой долгий день.

— Мы будем спать в фургоне, в самом начале Фол-сом-стрит.

— Мы — это кто?

— Я и Тесса. Моя подруга.

— Знаешь, я всегда рад тебе.

— Тесса будет волноваться, — отвечает она. — Рада, что повидалась, Фонтейн. — Она застегивает молнию на куртке. — Спасибо, что сохранил нож. — Она так и не услышала истории, которую хотела узнать. Теперь она просто чувствует усталость и, кроме усталости, не чувствует больше ничего.

— Твой нож. Он сделал его для тебя. Хотел, чтобы он достался тебе. Так и сказал, — он поднимает глаза и глядит на нее, седые косицы падают на лоб. И добавляет тихо:

— Все спрашивал, где ты, ты же знаешь.

Вот она, встреча с историей, и как это больно.

39. ПАНОПТИКУМ

Перемещение Лэйни по мировой информации (или движение этой информации сквозь него) давно уже перестало быть лишь занятием и стало способом существования.

Страшная Дыра, пустота в самой его душе перестала ужасать его. Он выполнял миссию, хотя с готовностью признавал, что не имеет ни малейшего понятия о том, в чем, в конце концов, заключается его миссия.

Это началось, размышляет он, попивая сироп от кашля в утробной тьме своей картонной лачуги, с моего интереса к Коди Харвуду. С первых признаков так называемого сталкер-синдрома, который, как полагают, рано или поздно пробуждается в каждом подопытном, когда-либо получавшем дозу 5-SB. Его собственной первой реакцией было, конечно же, отрицание: со мной этого просто не может случиться, через столько-то лет! Харвуд, однако, был ему интересен и по весьма определенной причине; осознание узловых точек, точек, которые генерируют перемены, заставляло его постоянно задумываться о Харвуде. Дело было не в том, что он зациклился

на Харвуде, а в том, что события притягивались к Харвуду, ненавязчиво, но неуклонно, как стрелка компаса к магнитному полюсу.

Жизнь Лэйни в этот момент была однообразна: нанятый менеджерами поп-группы "Ло Рез" для содействия "браку" певца Реза и японской виртуальной звезды Рэи Тоэи, он зажил в Токио жизнью, которая вращалась вокруг тусовки на частном, искусственного происхождения островке в Токийском заливе, дорогостоящем холмике из промышленных отходов, на котором Рез и Рэи Тоэи собирались создать какую-то новую реальность. То, что Лэйни оказался неспособен уловить суть этой новой реальности, не сильно его удивило. Рез был настоящим самодуром — очень может быть, последней предпостчеловеческой мегазвездой, — а Рэи Тоэи, идору 26, была развивающейся системой, личностью, которая с помощью непрерывных итераций создавалась из поступающего на вход опыта. Рез был Резом и, по определению, существом негибким, а Рэи Тоэи была той рекой, в которую никто не войдет дважды. Становясь все более независимой благодаря усвоению нового опыта и взаимодействию с людьми, она росла и менялась. Рез не менялся, и психолог, работавший с менеджерами его

группы однажды признался Лэйни, что Рез, которого психолог характеризовал как страдающего нарциссическим расстройством личности, был попросту не способен на это. "Я общался с массой людей, особенно в шоу-бизнесе, страдающих этим недугом, — сказал психолог, — но не видел никого, кто бы от этого излечился".

В общем, каждый рабочий день в токийском порту Лэйни поднимался по трапу на борт надувного "Зодиака", который безмятежно скользил по ровной глади залива до безымянного круглого островка, чтобы там вступить во взаимодействие с идору (глагол "обучать" здесь не подходил). И хотя никто этого не планировал, он вовлек ее в тот поток информации, в котором чувствовал себя как дома (или, по крайней мере, дальше всего от Дыры). Он показал ей, так сказать, инструмент для плаванья, хотя как называется этот инструмент, сам не знал, как и никто другой. Он показал ей узловые точки этого потока, и они вместе наблюдали, как изменения перетекают из этих точек в физический мир.

Он ни разу не спросил ее, каким образом она собирается "выйти замуж" за Реза, и вообще сомневался, что она это знает — в обыденном смысле этого слова. Она просто продолжала воз-

никать, существовать и становилась все более настоящей. И Лэйни влюбился в нее, хотя понимал, что она была спроектирована для того, чтобы он, и весь мир вместе с ним, влюбился в нее. Как порождение целого коллектива она была усиленным отражением желания; в силу того, что ее дизайнеры постарались на славу, она была сном наяву, объектом любви, близким мировому коллективному бессознательному. Это было, как прекрасно понимал Лэйни, не только лишь сексуальное желание (хотя, конечно, он чувствовал его, к огромному сожалению), но и самое настоящее, и поначалу болезненное, пробуждение его чувств.

Он влюбился в нее, а влюбившись, понял, что сам смысл понимания этого слова стал для него другим, вытеснив усвоенные прежде понятия и концепции. Целиком и полностью новое чувство он держал в себе, ни с кем не делясь, и в первую очередь — с самой идору.

Под конец этой истории Коди Харвуд, застенчивый, улыбчивый и уклончивый, — человек, который никогда не вызывал у Лэйни ни малейшего интереса, — стал преследовать его как наваждение. Харвуд, чаще всего подаваемый как образец двадцать первого века, синтез Билла

Гейтса и Вуди Аллена, до сих пор был для Лэйни не больше чем неясным источником раздражения, одной из тех знакомых "картинок", которые мелькают время от времени в медиа, всплывая, чтобы затем кануть в вечность — до следующего появления. У Лэйни не было никаких идей насчет Харвуда, за исключением того, что этот тип мелькал перед ним всю его жизнь, непонятно почему, и он, Лэйни, как-то устал от этого.

Но чем больше времени он проводил, бороздя потоки данных, которые были связаны с Харвудом и деятельностью его фирмы "Харвуд Левин", тем более очевидным становилось, что это было место схождения узловых точек, что-то вроде метаузла, и что в этом месте затевалось нечто грандиозное, хотя он не мог определить, что именно. Более пристрастное изучение Харвуда и всех харвудских дел заставило его признать, что историю тоже можно увидеть с точки зрения узловой точки, а та история, которую обнаружил Лэйни, имела мало или вообще никакого отношения к любой общепринятой.

В свое время, конечно, его учили, что история — так же, как география, — мертва. Что история в устаревшем смысле этого слова была всего лишь концепцией. История была повествованием,

историями, которые мы рассказываем сами себе о своем происхождении, о прошлых эпохах, и каждое новое поколение по-своему интерпретировало эти повествования. Так было всегда. История казалась гибкой материей, она зависела от интерпретации. Цифры и даты сделали историю слишком банальной. История была всего лишь способом сохранения данных, объектом манипуляции и интерпретации.

Но история, которую открыл Лэйни через искажение восприятия, вызванное многократным приемом 5-SB, выглядела совсем иначе. Она была той самой формой, состоящей из всех возможных рассказов, всех мыслимых версий; она была формой, которую только он (и он понимал это) способен был видеть.

Сперва, сделав это открытие, он пытался поделиться им с идору. Может быть, если ей показать эту форму, она, как новая постчеловеческая сущность, просто начнет видеть так же. Но он был разочарован, когда она сказала ему, что его видение ей недоступно; что его способности распознавать узловые точки — проявляющуюся структуру истории — она лишена и не надеется обрести ее в ходе своего развития.

— Этой способностью наделен только человек,

я полагаю, — наконец призналась она, когда он настаивал на своем. — Это проявление вашей биохимической природы, усиленной особым образом. Это чудесно, но это не для меня.

А вскоре — так как из-за усиливающейся сложности она все более отчуждалась от Реза, о чем Лэйни стало уже известно, — она сама обратилась к нему с просьбой проинтерпретировать данные, которые обтекали их с Резом. Он это сделал, — впрочем, весьма неохотно, — так как любил ее. Интуиция подсказывала, что вслед за этим ему придется с ней проститься.

Поток данных вокруг Реза и Рэи буквально кишел узловыми точками, особенно в тех местах соединения с сетью, через которые к идору непрерывно поступала тайная информация из Города-Крепости, этой полумифической параллельной вселенной преступных иконоборцев.

— Зачем ты связалась с этими типами? — спросил он тогда.

— Они нужны мне, — ответила она, — я не знаю, в чем дело, но знаю, что это так. Таковы обстоятельства.

— Если бы не они, — сказал он, — у тебя не было бы таких обстоятельств.

— Я знаю. — Улыбка.

Интерес к Харвуду все возрастал, поездки на остров и совместные с идору экспедиции в дебри данных стали тяготить его. Ему словно бы стало неловко от того, что она его видит подавленным; он был рассеян, невольно сосредоточиваясь на другом объекте — банальном объекте. Ощущение присутствия Харвуда, потоки информации, создаваемые им, заполняли Лэйни. И однажды утром, проснувшись в токийском отеле, который ему оплачивала группа "Ло Рез", он решил не ходить на работу.

Спустя время он узнал от Ямадзаки, и это подтверждалось наблюдениями за информационными потоками, что идору тоже покинула Токио. У него были соображения по поводу ее контактов с гражданами (ему казалось, что они бы стали настаивать на этом термине) заблокированного цифровым способом Города-Крепости; в данный момент, очевидно, она была в Сан-Франциско.

Впрочем, он заранее знал, что она там окажется, иначе и быть не могло. По той причине, что Сан-Франциско, — он понял это, наблюдая за формой событий, — то место, где кончался мир. Заканчивался на его глазах. И она была частью конца света — точно так же, как сам Лэйни и Харвуд.

Но что-то важное должно было произойти — происходило на его глазах. Именно поэтому он не смел спать. Поэтому должен был и дальше гонять Костюма, безупречного и дурно пахнущего, с лодыжками, обмазанными черным, за "Восстановителем" и синим сиропом.

В последнее время, уже на грани истощения, он иногда на несколько секунд, которые кажутся ему долгими часами, превращается в другое существо.

Он будто бы становится сетчаткой, равномерно покрывающей внутреннюю поверхность атмосферы. Пристально, не мигая, он смотрит глобально внутрь глаза, видит собственный орган зрения, в то время как из незримой радужки одно за другим появляются разрозненные, похожие на карточного валета изображения Харвуда.

Ямадзаки недавно принес ему подушки, новые спальники, воду в бутылках, комплект одежды, которым он так и не воспользовался. Он смутно осознает происходящее, но когда он становится глазом, направленным внутрь себя и на бесконечную цепь образов, он не осознает ничего, кроме этой внутренности, бесконечной и замкнутой.

Какая-то часть его сознания задается вопросом, является ли это следствием болезни, реакцией на

5-SB, или этот огромный, глядящий внутрь глаз на самом деле внутренняя ипостась той единой формы, в которую входит каждый бит мировой информации?

Последнее предположение, по крайней мере, отчасти, подтверждается тем, что он не раз ощущал, как глаз выворачивается, словно в конвульсии мебиусовой ленты, после чего неизменно обнаруживал, что смотрит снаружи на эту форму, которую невозможно описать.

Однако в последнее время у него появляется ощущение, что он не единственный, кто смотрит. Кто-то еще чрезвычайно интересуется Харвудом. Он чувствует, что они оба знают о присутствии друг друга. Возможно ли это?

Старинный пластиковый наручный будильник "Гансмит Кэтс" 27 вырывает его из потока. Он нащупывает его в темноте и выключает звонок. Непонятно, откуда он взялся. Может, старик принес?

Пора звонить Райделлу в Сан-Франциско. Он деликатно проводит пальцами по одноразовым телефонам, ища, не осталось ли в каком на десять минут разговора.

40. ЖЕЛТАЯ ЛЕНТА

Рэи Тоэи умела быть очень маленькой.

Шесть дюймов ростом, она сидела на подушке Райделла в покрытой пластиком нише его комнатки в ночлежке с кормежкой, и он чувствовал себя счастливым, как ребенок.

Когда она была маленькой, проекция казалась более четкой; она становилась ярче, и он невольно вспоминал диснеевские штучки, волшебниц из старых мультиков. У нее запросто могли бы быть крылья, думал он, и она летала бы по воздуху, оставляя сверкающий шлейф, если бы захотела. Но она всего лишь сидела на подушке, маленькая и прекрасная, и болтала без умолку.

Он прикрыл глаза, нет, он не хотел спать, он прикрыл глаза, чтобы они отдохнули, и понял, что ее голосок на самом деле звучит из проектора, стоящего на кровати. Она рассказывала ему что-то про Реза, певца, за которого хотела выйти замуж, объясняла, почему из этого ничего не вышло, но поспевать за ее мыслью было трудно. Райделл понял, что Резу был интересен только сам Рез и мало что другое, а Рэи Тоэи стали интересовать другие люди (или, подумал он, для

нее мы другие существа). Райделл терял нить рассказа и действительно начал засыпать под ее нежный голосок.

Перед тем как сон окончательно свалил его, она показывала ему, какой может сделаться маленькой. Райделл в это время ставил на место сетку и хотел поправить занавеску, прикрепленную кнопками, какую-то выцветшую помятую тряпку с узором в виде затейливых ключей и странных кошек с длинными шеями (он решил, что это все-таки кошки).

Он не сразу услышал, что зазвенели очки, потом искал в полумраке куртку. Оказалось, что на нем не было только куртки, а так он был полностью одет и даже обут, хотя помнил, что спал очень крепко.

— Алло? — он нацепил очки левой рукой. Правой рукой уперся в потолок. Панельная обшивка подалась вверх, и он решил впредь быть осторожнее.

— Где вы? — это был Лэйни.

— Ночлежка с кормежкой, — ответил Райделл. От темных очков стало совершенно темно. Он видел только слабую искру собственного зрительного нерва, для ее цвета не нашлось бы наименования.

— Вы достали кабели?

— Да, — сказал Райделл. Он вспомнил, как нагрубил парнишке сумо и почувствовал себя неловко. Да, слегка дал маху. А все из-за этой клаустрофобии, или как ее там, которая на него порой нападает в толпе. Тара-Мэй Алленби сказала ему, что это называется "клаустрофобия", что означает "боязнь замкнутого пространства", но на самом деле у него это не от тесноты. На самом деле он просто не переносит этих дурацких бородок под нижней губой. — Оба кабеля.

— Уже подключили?

— Только питание, — сказал Райделл. — Второй… я не знаю, куда он втыкается.

— И я не знаю, — сказал Лэйни, — но она на месте?

— Только что была, — сказал Райделл, высматривая во тьме свою волшебную звездочку, но потом вспомнил, что на нем очки.

Его рука нащупала выключатель, свисавший с провода над его головой. Щелкнул. Загорелась голая пятидесятиваттная лампочка. Он сдвинул очки на нос, посмотрел поверх них, обнаружил, что проектор на месте и все еще подключен.

— "Термос" у меня.

— Не выпускайте из поля зрения, — сказал

Лэйни, — и кабели тоже. Не знаю, что именно она должна для нас сделать, но вокруг нее крутится все.

— Что крутится вокруг нее?

— Изменение.

— Лэйни, она сказала, что вы считаете, будто наступает конец света.

— Он и наступает, — поправил Лэйни.

— С чего вы взяли?

Лэйни вздохнул; вздох перешел в кашель, который он, очевидно, пытался подавить.

— Тому миру, который мы знаем, — выдавил он. — Как мы его знаем… И это все, что я или любой другой мог бы вам сказать. И я не хочу, чтобы вы об этом думали. Вы работаете на меня, помните?

"Да, а ты — сумасшедший, — подумал Райделл, — но у меня в кармане твой кредитный чип…"

— Ладно, — сказал он, — что дальше?

— Вам нужно пойти на место двойного убийства, произошедшего прошлым вечером на мосту.

— И что я для вас должен там выяснить?

— Ничего, — сказал Лэйни. — Просто сделайте вид, будто пытаетесь что-то выяснить. Притворитесь, будто ведете расследование. Перезвоните мне, когда будете готовы, я дам вам координаты

места в GPS.

— Стоп, — сказал Райделл. — А если я вправду что-нибудь выясню?

— Перезвоните мне.

— Не вешайте трубку, — попросил Райделл. — Как

Случилось, что вы потеряли контакт с ней, Лэйни? Она мне сказала, что вас разлучили.

— Люди, которые… владеют ею… хотя это слово здесь не совсем годится… в общем, они не прочь со мною потолковать, потому что она сбежала. И люди Реза тоже. Так что нынче мне приходится быть incommunicado 28, по крайней мере, для них. Впрочем, она и не пыталась связаться со мной, Райделл. Она сможет, если ей будет нужно. — Он дал отбой.

Райделл снял очки, положил их на подушку и добрался ползком до кровати.

— Эй, — обратился он к "термосу", — вы там?

Тишина.

Он взял себя в руки и стал собираться. Распаковал вещмешок, прорезал в нем пару дырок своим кнопарем, снял нейлоновый пояс и пропустил его через прорези так, что получился ремень, который можно было накинуть через плечо.

— Эй, — позвал он "термос" еще раз, — вы здесь?

Я собираюсь вас сейчас отключить. — Поколебался и отключил. Сложил в сумку "термос", сетевой кабель, другой кабель и свой "драконовский" ранец, который уже однажды спас его задницу и, может, был и вправду "счастливым". Натянул свою нейлоновую куртку, сунул очки в карман и, подумав немного, осторожно спрятал кнопарь в правый передний карман брюк. Потом представил, что нож может там открыться — нет защелки-предохранителя, еще осторожнее вытащил кнопарь из штанов и положил в боковой карман куртки.

***

...И дошел до места преступления без особых проблем, хотя идея, предложенная Лэйни, — сообщать координаты в GPS по телефону, — была довольно смешной.

У Лэйни была точная привязка к местности (Райделл понятия не имел откуда), и ведь карты моста у него не было, так что он, непонятно как, привязал к местности Райделловы очки и велел ему шагнуть в сторону Сан-Франциско, на нижний уровень, шагай дальше, шагай дальше, уже теплее. О'кей, сворачивай направо.

Райделл уткнулся носом в глухую фанерную

переборку, обклеенную пожухшими от дождя рекламными постерами (на европейском языке, которого он не знал) концерта какого-то типа по имени Оттоман Бэдчер. Райделл описал Лэйни увиденное.

— Это не то, — сказал Лэйни, — но вы совсем рядом.

По соседству обнаружилась закрытая лавка — Райделл не смог понять, чем там торговали, дальше в стене был проем. В глубине виднелись рулоны пластика, деревянный брус. Кто-то строит еще одну лавку, подумал Райделл. Если это действительно место преступления, оно должно быть отгорожено желтой пластиковой лентой с буквами ДПСФ 29, тут он вспомнил, что копы не так уж часто появлялись, и задал себе вопрос: как они избавляются от трупов? Если сбросить в воду, город будет не слишком рад, хотя, конечно, город ни за что не докажет, что данный конкретный труп был именно сброшен с моста. Райделл озадачился — никакой желтой ленты тут не было. Для Райделла она была символом уважения.

Он вошел в проем, обогнул рулоны пластика, забрался на невысокий штабель фанеры и вдруг увидел в резком свете найденных на свалке флуоресцентных ламп, висевших ближе к тротуару,

— два похожих на морозные узоры белых пятна, напыленных поверх двух более темных пятен каким-то аэрозолем, и сразу понял, что это такое. "Килз", та самая дрянь, которой заливают кровь на тот случай, если у человека была какая-то зараза. Он знал, как выглядит "Килз", попавший на кровь. Это он сейчас и видел.

Тоже мне, место преступления, подумал он. Разглядывая, недоумевал, как, по мнению Лэйни, он должен себя вести, чтобы выглядеть сыщиком? Он опустил вещмешок с проектором Рэи Тоэи на груду рулонов пластика.

Осадок "Килз" — вещество водоустойчивое, поэтому дождем его не смыло. Он тут же вспомнил, что жертвы, кем бы они ни были, погибли здесь прошлой ночью.

Он почувствовал себя идиотом. Когда-то он мечтал стать копом, спал и видел, как пересекает желтую линию и изучает место преступления. И всех выводит на чистую воду. И вот теперь он здесь.

Он вынул из кармана очки и набрал номер Лэйни. Однако Лэйни, в каком бы роскошном отеле он ни сидел в своем Токио, не соизволил ответить.

— Ни хрена, Шерлок Холмс, — сказал самому се-

бе Райделл, слушая, как в Токио звенит телефон.

41. "ТРАНСАМЕРИКА"

— Его зовут Райделл, — говорит Харвуд. — Мы узнали это мгновенно, сличив образы. Краткосрочно сотрудничал с "Копами влипли".

— Сотрудничал с кем? — клинок вместе с ножнами находится под надежной охраной в потайном месте неподалеку от центральной лифтовой шахты, приблизительно в восьмистах футах ниже.

— "Копы влипли", — говорит Харвуд. — Культурная ценность. Вы что, не смотрите телевизор?

— Нет. — Он смотрит на восток с сорок восьмого, последнего, этажа высочайшего городского здания на руины разрушенного Эмбаркадеро, на цыганский блеск моста, на страшную темень Острова Сокровищ.

Подойдя ближе к окну, трогает свой пояс. Между двумя слоями черной телячьей кожи проложена лента из дорогостоящей удивительной материи. При определенном воздействии она перестает быть тонкой, как паутина, тканью, которую шаловливый ребенок мог бы легко порвать на кусочки, и превращается в тридцать дюймов гибкой, шершавой с обеих сторон и очень твердой

прокладки. Ее текстура тогда напоминает ему свежеснятый панцирь каракатицы.

— У вас есть чувство юмора, — раздается позади него голос Харвуда.

— Я знаю. — Он глядит на окна вниз. Устремленный вверх обелиск, эта так называемая "пирамида"; темные вздутия от специального японского средства, которым заполнены щели в стенах зданий после землетрясений. Это новинка, заменившая прежние полиуглеродные перекрытия, — и предмет жарких дебатов архитекторов и эстетов. На миг очарованный, он наблюдает, как отраженный свет огней близлежащих зданий слегка колеблется, когда глянцевитая поверхность пузыря напрягается в ответ на порыв ветра, которого он не чувствует. Живая грыжа.

Он оборачивается к Харвуду, который сидит за огромным столом из темной матовой древесины; груды архитектурных моделей и холмы документов намекают на течение воображаемых рек — топография, в которой можно прочесть перемены, происходящие с миром за окном, если известен код и есть достаточная заинтересованность в результате.

Глаза Харвуда — самая настоящая деталь его внешности, все остальные создают впечатление,

что он, отступив на шаг, существует в другом измерении. Несмотря на высокий рост, он, кажется, занимает немного пространства, поддерживая связь с окружающим посредством намеренно узких каналов. Стройная фигура, спокойное продолговатое лицо, моложавость, характерная для людей состоятельных. Глаза, увеличенные немодными линзами, тревожны.

— Почему вы притворяетесь, что вам не интересен этот бывший полицейский, побывавший на месте недавних ваших подвигов? — на его запястье браслет из золота и титана отражает пойманный свет; какая-то многофункциональная побрякушка с запутанными дисплеями.

— Я не притворяюсь. — На огромный плоский экран, стоящий слева от стола Харвуда, четыре камеры передают различные ракурсы высокого, крепко сбитого человека, который стоит с опущенной головой, будто занят своими мрачными мыслями. Камеры, должно быть, не больше жучков, но четыре картинки, несмотря на плохое освещение, очень четкие. — Кто поставил туда эти камеры?

— Мои талантливые ученики.

— Зачем?

— Именно на тот случай, если кому-нибудь

взбредет в голову посмотреть, где совершилось это двойное убийство, он будет стоять там и думать. Посмотрите на него. Он думает.

— Он выглядит несчастным.

— Он пытается вообразить вас.

— Это вы воображаете, что он воображает.

— Тот факт, что он вообще сумел найти это место, указывает на наличие знания и мотива. Он знает, что там погибли два человека.

Среди моделей на столе Харвуда стоит одна, блестящая, красно-белая, украшенная работающими миниатюрными видеомониторами на фирменной стойке. Крохотные картинки движутся и меняются в жидких кристаллах.

— Не вы ли владелец компании, построившей это? — он тычет в модель указательным пальцем.

Глаза Харвуда через линзы передают удивление, потом интерес.

— Нет. Мы их консультируем. Мы — фирма по связям с общественностью. Мы всего лишь, как я помню, посоветовали им нанести удар. Мы также консультировали городские власти.

— Это ужасно.

— Да, — говорит Харвуд, — как человек со вкусом, я согласен. И это вызвало открытое

недовольство муниципалитета. Но наши исследования показали, что размещение модуля около моста поможет развитию пешего туризма, а это — решающий аспект нормализации.

— Нормализации?

— Существует реальная инициатива возвращения местного сообщества к нормальному существованию, так сказать. Но вопрос это тонкий. Дело здесь, на самом деле, в имидже, и тогда, разумеется, начинается наша работа. — Харвуд улыбается. — Во многих крупных городах есть подобные автономные зоны, и то, как конкретный город сумеет справиться с ситуацией, может радикально воздействовать на имидж этого города. Например, Копенгаген был одним из первых, кто добился прекрасных результатов. А Атланта, я полагаю, может служить классическим примером того, чего делать нельзя. — Харвуд подмигивает. — Вот с кем мы теперь расправляемся, вместо прежней богемы, — говорит он.

— Вместо чего?

— Богема. Альтернативные субкультуры. Они составляли жизненно важную прослойку индустриальной цивилизации в двух прошедших столетиях. Они образовывались там, где индустриальная цивилизация начинала стро-

ить иллюзии. Что-то вроде бессознательного полигона для разработки альтернативных социальных стратегий. Каждая субкультура имела собственный стиль одежды, характерные формы художественного самовыражения, излюбленный вид или несколько видов наркотика, а также сексуальные пристрастия, не совпадавшие с ценностями культуры в целом. У них были "тусовки", место, с которым они себя ассоциировали. Но теперь они вымерли.

— Вымерли?

— Мы начали уничтожать их одну за другой до того, как они сформировались. Они пропустили кульминацию своего развития, когда начал развиваться маркетинг и рыночные механизмы стали агрессивнее. Для созревания аутентичным субкультурам нужны застой и время, а теперь с застоем покончено. Времени у них нет. Их постигла участь всей планеты. Автономные зоны, однако, обеспечиваются определенной изоляцией от мировой монокультуры, они с трудом поддаются ассимиляции рынка — к ним нужен другой подход. Почему это так, мы пока не знаем. — Маленькие картинки смещаются, мигая.

— Не стоило это ставить туда.

В глазах Харвуда изумление.

— Не думаю, что мне когда-либо доводилось слышать из ваших уст столь специфичное мнение.

Ответа нет.

— У вас есть шанс еще раз увидеть это. Я хочу, чтобы вы узнали, что замышляет наш задумчивый друг.

— Это как-то связано с тем, на что вы намекнули во время нашей предыдущей беседы, с предстоящим глобальным событием?

— Да.

— И что это за событие?

Харвуд задумчиво смотрит в пространство.

— Вы верите в силы истории?

— Я верю в то, что приводит к этому мгновению.

— Кажется, я и сам начал верить в это ваше мгновение. Я полагаю, что мы приближаемся к нему, повинуясь силе его властного притяжения. Это мгновение изменит все и ничего. Я заинтересован в таком исходе, потому что я должен сохранить свой статус, я хочу, чтобы слова "Харвуд Левин" не превратились в четыре бессмысленных слога. Если мир должен перевернуться, то и я хочу перевернуться вместе с ним и остаться самим собой.

Он думает о множестве оптических прицелов, наведенных сейчас на него скрытыми системами управления огнем. Однако он вполне уверен, что смог бы убить Харвуда, если потребуют интересы мгновения, — хотя, с другой стороны, знает, что почти наверняка умрет раньше, чем он, пусть даже на долю секунды.

— Я думаю, вы стали более сложным с момента нашей последней встречи.

— Изощренным, — отвечает Харвуд с улыбкой.

42.
КРАСНЫЕ ПРИЗРАКИ ЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Фонтейн готовит себе чашку растворимого мисо. Вот что он пьет перед сном — успокоительное пойло и кусочки водорослей на донышке. Он вспоминает встречу со скиннеровской девчонкой. Обычно, раз покинув мост, никто не возвращается туда. Что-то необычное было связано с ее уходом, но он уже позабыл, что именно. Не дело так бросать старика, он все равно бы долго не протянул.

Мальчишка все еще молча сидит и щелкает по экрану — охотится за часами. Фонтейн выливает мисо в кружку с отбитой ручкой, с наслаждением вдыхает приятный аромат. Он устал за день, но нужно подумать, где уложить мальчика на ночь, если тот вообще станет спать. Может, так и просидит всю ночь, охотясь за своими часами. Фонтейн качает головой. Щелканье прекращается.

С кружкой в руках он оборачивается, чтобы взглянуть, что там случилось.

На экране ноутбука, лежащего на коленях

мальчика, отсканированный циферблат покореженных часов "Ролекс-Виктори", дешевая модель военных лет, предназначенная для канадского рынка; такие часы можно довольно выгодно продать, но не в таком жалком состоянии. Стальной корпус исцарапан, циферблат местами в пятнах. Черные арабские цифры различаются четко, но внутренний круг, красный, "европейское время", почти что стерся.

Фонтейн отхлебывает мисо и пытается понять, чем же так приковали к себе внимание мальчика красные призраки европейского времени.

Вдруг голова мальчишки склоняется под тяжестью шлема, и Фонтейн слышит, как он начинает похрапывать.

43. ЛИВИЯ И ПАКО

Лэйни видит себя на острове, где-то в широком интеллектуальном потоке, по которому он непрерывно курсирует.

Это место не похоже на конструкт, деталь окружающей среды, скорее — узловатое сплетение ветвей информации, уходящих корнями в субстрат старого кода. Оно похоже на наспех сколоченный плот из случайных обломков, но "плот" стоит на приколе, он неподвижен. Лэйни знает, что есть причина, по которой остров поставлен у него на пути.

Причина, как он вскоре выясняет, в том, что с ним хотят выйти на контакт Ливия и Пако.

Они сообщники Петуха, юные граждане Города-Крепости, и представлены здесь в виде сферы из ртути в условиях невесомости и черного кота с тремя лапами. У сферы из ртути (Ливия) — милый девичий голосок, а трехлапый кот, у которого недостает еще и глаза (Пако), общается с помощью искусно модулированного мяуканья и напоминает Лэйни старый мексиканский мультик. Эти двое почти наверняка из Мехико, если географию вообще нужно принимать во

внимание, и, вполне вероятно, принадлежат к той группировке революционной молодежи, которая в данный момент добивается повторного затопления осушенных озер Федерального Округа и радикальной урбанистической перестройки, которой была озабочена по неизвестной причине и Рэи Тоэи в последний месяц своего пребывания в Токио.

Она была вообще увлечена мегаполисами, и Лэйни стал ее гидом по некоторым странноватым информационным разработкам, считавшимся градостроительными планами.

Он завис в точке срастания старых корневых кодов, в пространстве, лишенном какой-либо определенной формы или текстуры, если не считать таковыми Ливию и Пако, и слушает их.

— Петух говорит, что вы чувствуете, как кто-то наблюдает, как вы наблюдаете за Коди Харвудом, — говорит сфера из ртути, пульсируя от звуков собственного голоса, в ее поверхности отражается оживленная улица с бегущими автомобилями.

— Возможно, это просто артефакт, — возражает Лэйни, начиная сомневаться, стоило л и вообще доводить это до сведения Петуха, чья паранойя уже стала легендарной — побочное действие наркотика 5-SB.

— Мы так не думаем, — отвечает кот, его одноглазая замурзанная морда выглядывает из кучи пойманных данных. Зевая, он обнажает серовато-белые десны и единственный желтый клык. Его глаз смотрит с ненавистью, не мигает. — Мы установили, что за вашими наблюдениями действительно наблюдают.

— Но не сейчас, — говорит Ливия.

— Потому что мы сконструировали это "слепое пятно", — говорит кот.

— Вы знаете, кто это делает? — спрашивает Лэйни.

— Харвуд, — отвечает Ливия; сфера из ртути деликатно колышется.

— Харвуд? Харвуд знает, что я наблюдаю за ним?

— Харвуд, — говорит кот, — впрыснул себе 5-SB. Через три года после того, как вас освободили из сиротского приюта в Гейнсвилле.

Лэйни внезапно с ужасом осознает себя существом из плоти и крови и плачевное состояние своего здоровья. Свои легкие, угасающие в картонной коробке бетонной утробы станции Синдзюку.

Харвуд. Так это Харвуд, которого он порой полагал знаком Бога на Земле.

Харвуд, который…

Такой же, как он, Лэйни.

Харвуд, который видит, как теперь понимает Лэйни, узловые точки. Который видит, из чего вырастает история. Так вот почему он находится в самом сердце назревающего кризиса, этой неизвестности, которую Лэйни никак не может охватить целиком. Конечно же, Харвуд там.

Потому что Харвуд в определенном смысле и есть причина.

— Откуда вы знаете? — слышит Лэйни свой голос и силой воли отрешается от своих размышлений. — Вы в этом уверены?

— Мы вскрыли пароль, — мелодичным звоном отзывается Ливия, сфера растягивается, как учебное пособие по топографии, превращая отражения бегущих авто в ожившие фрагменты гравюр Эшера, которые движутся по окружности, отражаясь друг в друге. — Петух приказал, и мы сделали это.

— А он знает об этом? — спрашивает Лэйни. — Харвуд знает?

— Видимо, он не заметил, — мурлычет кот; кровавые коросты там, где было ухо.

— Посмотрите на это, — говорит Ливия, не пытаясь скрыть гордость. Морщинистая поверхность

зеркальной формы растекается, идет рябью, на Лэйни смотрят серые глаза молодого и очень серьезного человека.

— Вы хотите, чтобы мы убили его? — говорит молодой человек. — Или я вас не правильно понял?

— Вы понимаете меня правильно, — отвечает Харвуд; голос знаком Лэйни, его ни с чем не спутаешь, хотя в этом голосе слышится усталость.

— Знаете, лично я считаю, что это удачная идея, — говорит молодой человек, — ее можно решить наверняка, если бы вы дали нам время на подготовку. Я предпочитаю выбрать время и место самостоятельно.

— Нет, — отвечает Харвуд, — действуйте по обстоятельствам.

— Конечно, вы не обязаны раскрывать мне причину, — говорит молодой человек, — мне все-таки интересно. Ведь мы советовали убрать его с момента подписания нашего контракта.

— Теперь время настало, — отвечает Харвуд. — Момент наступил.

Ветер развевает темный шарф молодого человека. Шарф трепещет, изображение мелькает.

— А что насчет того рентакопа?

— Уберите его, если покажется, что он попы-

тается бежать. В противном случае полезно его допросить. Он тоже каким-то образом замешан в этом.

Ливия, вращаясь, вновь становится сферой.

Лэйни, закрыв глаза, нащупывает в наэлектризованной тьме свой успокоительный сироп. Он чувствует, как ненавидящий желтый глаз наблюдает за ним, ему кажется, что это глаз Харвуда.

Харвуд знает.

Харвуд впрыснул себе 5-SB.

Харвуд такой, какой.

Но Харвуд сам устанавливает порядок событий, и именно по нему, по крайней мере, отчасти, формируется ситуация.

Лэйни отвинчивает крышку. Пьет синий сироп. Ему нужно подумать.

44. ТОЛЬКО ПОДУМАТЬ

Дождя больше не будет, решает Шеветта, съежившись под скиннеровской курткой.

Она сидит на скамейке за пустыми курятниками, понимает, что нужно куда-то идти, но не может сдвинуться с места. Мысли о покойном Скиннере и словах Фонтейна не покидают ее. Ручка ножа, лежащего во внутреннем кармане, упирается ей под левую ключицу — так она сгорбилась. Она распрямляется, прижавшись к фанерной стенке, и пытается собраться.

Она должна найти Тессу, вернуться к фургону и постараться, если получится, не натолкнуться на Карсона. Может быть, размышляет она, он и не заметил, как она убежала; тем не менее, она была почему-то уверена, что он искал именно ее. Но если он ее не заметил там, тогда, возможно, в баре его уже и нет. А если он все-таки ее видел, то ему и в голову не придет, что она может туда вернуться. В любом случае, не исключено, что они могут столкнуться в другом месте. А вот Тесса, любительница пива, возможно, все еще там, потому что ей точно не улыбается идея ночевать в промокшем фургоне. Может быть, Тесса

решила, что бар — очень даже маргинальное место, так что Шеветта, соблюдая осторожность, могла бы проскользнуть туда, забрать ее с собой и уговорить вернуться в фургон. Карсон едва ли отправится вынюхивать их на Фолсом-стрит, а если отправится, то может нарваться на тех, кто примет его за легкую добычу.

Не дело сидеть здесь рядом с пустыми курятниками, потому что это верный способ подцепить вшей — от одной мысли у нее зачесалась голова. Она встала, потянулась, чувствуя легкую аммиачную вонь куриного помета, и пошла по верхнему уровню моста в сторону города, боясь встретить Карсона.

Не так уж много народа кругом, и ни одного туриста. Дождь способен расчистить пространство, вспомнилось ей. На нее вновь нахлынуло чувство привязанности к мосту, но, слава богу, она здесь больше не живет. Внутри у нее все сжалось от острой и глубокой боли. Она вздохнула, вспомнив туманные утренние часы, когда спускалась с кабельной башни с велосипедом через плечо, на котором потом гоняла до "Объединенной", пытаясь угадать, приберег ли Банни для нее сразу же заказ, так сказать, счастливый билетик, или даст ей "порожняк" — так они называли достав-

ку на городские окраины. Иногда ей нравилось получать "порожняк", потому что появлялся шанс повидать кварталы, в которые она прежде не ездила. А иногда ей выпадало "чисто", что на их языке означало "заказов на доставку нет", и это тоже бывало здорово — берешь и гонишь в "Алкоголокост" или еще какой бар для курьеров, и попиваешь эспрессо, пока Банни не вызовет на базу по пейджеру. Чудесно быть курьером "Объединенной". Она никогда не обижалась на критику, выкладывалась до предела, а копы вовсе не рвутся оштрафовать тебя, если ты девушка; ты можешь безнаказанно гонять по тротуарам и выкидывать прочие штучки. Не то чтобы она могла представить себя снова за рулем, снова курьером, но к ней вернулось прежнее настроение — она не знала, чем бы еще могла заняться. Во всяком случае, она не собиралась играть главную роль у Тессы ни в какой версии документалки.

Она вспомнила тощую женщину-техника по имени Тара-Мэй, которую "Копы влипли" прислали, чтобы "набрать метраж" бедолаги Райделла, который всего-то только и хотел, что сняться в одном из эпизодов этого дурацкого шоу. Нет, одернула она себя, несправедливо так думать, потому что чего Райделл действительно хотел — так это

быть копом, поэтому и пошел в полицейские еще в Теннесси. Но карьера не сложилась, и эпизод с его участием тоже не получился, не говоря уже о мини-сериале, который хотели запустить. А все из-за того, предположила Шеветта, что материал, который отсняла Тара-Мэй, вызвал у "Колов влипли" впечатление, что Райделл выглядит на экране несколько грузноватым. Не то чтобы он был толстый, он весь был сплошные мышцы и длинные ноги, но на экране он выглядел совсем по-другому. И от этого у него поехала крыша, от этого и еще от того, что Тара-Мэй без умолку трещала, что Шеветте стоит начать брать уроки речи и актерского мастерства, научиться всем этим чертовым боевым искусствам и бросить баловаться наркотиками. Когда Шеветта объяснила, что она не балуется никакими наркотиками, Тара-Мэй заявила, что если нечего бросать, то это затруднит налаживание нужных связей, что есть всевозможные группы поддержки, а это ведь лучший способ встретить людей, которые помогут твоей карьере.

Но Шеветте не нужна была карьера, по крайней мере, не та, на которую намекала Тара-Мэй, а Тара-Мэй оказалась попросту неспособна понять. На самом деле в Голливуде была масса народа

вроде Тары-Мэй, может, они даже составляли большинство; у каждого, кроме того, чем они в настоящее время зарабатывали на жизнь, была еще какая-то другая, настоящая работа. Водители писали прозу, бармены играли в театре; массажистка, к которой ходила Шеветта, "на самом деле" была дублершей какой-то актрисы, о которой Шеветта до этого слыхом не слыхивала, вот только той массажистке так и не позвонили, впрочем, у них был ее номер, но Шеветте стало казаться, что все их номера, все до единого, прибрала к рукам судьба и никто на самом деле не выигрывал, но никто не хотел даже слышать об этом и продолжал трепаться с тобой, если ты покупался на их треп, об их "настоящей работе".

Думая об этом теперь, она поняла, что произошло между ней и Райделлом: он всегда покупался на все, что ему врали. И тоже рассказывал им, как он сильно хочет сняться в эпизоде для "Копов влипли" и что, похоже, действительно снимется, потому что шоу оплачивает его жилье. О чем на самом деле никто знать не желал, потому что это было уж слишком "по-настоящему", но Райделл так этого и не понял. И тогда они стали выкачивать из него телефонные номера, имена, рекомендательные письма и заваливать дисками

и списками, надеясь на то, что он тупой и будет показывать все это продюсерам. Он оказался достаточно туп, или, во всяком случае, достаточно простодушен, что помешало ему наладить отношения с людьми из "Копов влипли".

И в результате она, непонятно как, оказалась с Карсоном. Райделл сидел на кушетке в своей квартире, выключив свет, и потерянно смотрел один за другим старые эпизоды "Копов влипли", а она оказалась неспособной ему помочь. Все было хорошо, когда их объединяло какое-нибудь занятие, но когда дело доходило до того, чтобы просто быть вместе, их отношения не складывались как надо, да еще Райделл впал в тоску, когда стало ясно, что с шоу ничего не получится…

Но вот и бар, небольшая толпа у дверей, звуки музыки, которые она пропускала мимо ушей, смолкли, когда она подошла.

Бар был битком набит. Она проскользнула между парочкой мексиканцев, похожих на дальнобойщиков, с такими стальными, будто острие долота, штуками, прибитыми гвоздями к носкам их черных ковбойских сапог. Протолкавшись внутрь, поверх голов посетителей она увидела Кридмора с микрофоном в руке, глупо улыбавшегося толпе. Это был оскал "плясуна", десять тысяч

ватт дурного электричества, его десны уже были задеты той штукой, которую "плясун" вытворяет с наркоманами.

Люди хлопали и свистели, требуя продолжения, и Кридмор, по лицу которого градом катился пот, по всей видимости намеревался задать им жару.

— Спасибо вам, сердечное спасибо! — услышала она усиленный динамиками голос Кридмора. — Следующая песня, которую я сочинил сам, скоро выйдет на первом сингле нашей группы "Бьюэлл Кридмор и его Братья меньшие", он называется... "И только ты подумал, что вставил"!

Может, ей показалось, что именно это он сказал, но в этот момент оглушительно грянула вся группа, гитарист извлекал из старой большой блестящей электрогитары стальной серпантин аккордов, так что слов разобрать было невозможно. Хотя она была вынуждена признать, что Кридмор действительно умеет петь.

Люди набились сюда как сельди в бочку, так что ей было трудно высматривать Карсона, но, с другой стороны, он бы тоже едва ли ее разглядел.

Она продолжала проталкиваться изо всех сил, пытаясь найти Тессу.

45. ХОД КОНЕМ

Райделл прошел курс внешнего наблюдения еще в Академии, и его любимой темой было преследование подозреваемого. Этим не приходилось заниматься в одиночку — как правило, вдвоем, и чем больше у тебя было напарников, тем лучше. Их учили подменять друг друга: кто-то занимает твое место, ты контролируешь объект, опережая его, чтобы быть готовым подменить очередного напарника в нужную минуту. За спиной у объекта никогда слишком долго не маячило одно и то же лицо. В этом было определенное искусство, и когда ты становился мастером, слежка делалась своего рода танцем.

Ему так ни разу и не выпал шанс испытать это искусство на практике, ни во время краткой службы офицером полиции, ни потом, когда он работал на "Интенсекьюр", но он знал, что тренировки не пропали даром: они дали ему представление о том, каково это чувствовать, когда тебя преследуют, особенно если преследователи делают это правильно.

На этой мысли он и поймал себя сейчас, закинув на плечо вещмешок с проектором Рэи Тоэи

и намереваясь покинуть жалкое подобие места преступления. Если Лэйни хотел, чтобы он привлек чье-то внимание, постояв здесь, — что ж, он постоял здесь. Но, может, сейчас, подумал он, это самое ощущение, что за тобой следят, возникло лишь оттого, что Лэйни сказал, что кто-то обязательно заметит, если я здесь появлюсь.

Нервы, наверное. Вполне возможно, но на самом деле он совсем не нервничал, просто устал. Всю ночь гнал вверх по побережью с Кридмором и единственный раз за весь день отдохнул чуть-чуть, когда заснул, слушая Рэи Тоэи. Сейчас он больше всего на свете хотел вернуться в комнатушку, проверить проектор — вернулась ли она? — и завалиться спать.

Но, черт возьми, неприятное ощущение в затылке не проходило. Он глянул назад, но там не было ни души, только место, где засохшую кровь обрызгали "Килзом".

Мимо неспешно шел парень, направляясь в сторону Окленда и "Ночлега и завтрака".

Молодой парень с темным ежиком по-военному, черная куртка, на подбородок натянут черный шарф. Кажется, и не видит Райделла, просто идет себе, руки в карманах. Райделл тихонько двинул за ним, на расстоянии примерно

пятнадцати футов.

Он пытался представить себе это место, каким оно было раньше, когда было обычным мостом. Миллионы машин проехали здесь когда-то по дороге, по которой он шел сейчас. Тогда здесь был хороший обзор, просто фермы, перила и дорожный настил; теперь это был настоящий туннель, стены сплетены из всяких отходов: досок, пластика — всего, что люди смогли отыскать, и скреплены чем попало, лишь бы не развалились, и не развалились ведь, несмотря на ветра, которые дуют всегда и везде. Однажды он был проездом в Луизиане, и что-то в облике этого места напомнило ему о тамошних байу 30: всюду болталась всякая ерунда, трубы и кабели и какие-то штуки, назначения которых он не мог определить, и все это отчасти смахивало на испанский бородатый мох, все контуры были мягко размыты. И освещение сейчас было тусклым, словно бы смотришь под водой, — просто раздобытые на свалке флуоресцентные лампы, подвешенные с интервалом около двадцати футов, одни вовсе не светят, другие едва мерцают.

Он обошел большую лужу, образовавшуюся там, где какой-то торговец сбросил на землю куски грязного наколотого льда.

Посмотрев вперед, он увидел, как парень в черном шарфе сворачивает в кафе, одну из тех забегаловок, которых здесь пруд пруди — два маленьких столика и стойка, за которой уместятся четверо, от силы — пятеро. Здоровенный блондин, похожий на штангиста, как раз выходил из дверей, когда "шарф" зашел внутрь, и здоровяк всего на миг скосил глаза на Райделла, и этого хватило, чтобы Райделл понял.

Они отрабатывали на нем смену следящих. Ему сели на хвост, причем как минимум трое.

Здоровяк направился в сторону райделловской ночлежки, Острова Сокровищ и Окленда. У него был мощный затылок. Проходя мимо, Райделл быстро заглянул внутрь кафешки, увидел, что "шарф" заказывает кофе. Невинный, как младенец. Райделл не стал оглядываться, потому что знал — сделай он так, и они поймут. Поймут, что он догадался. Поймут, как сам он понял, когда здоровяк выдал себя неосторожным взглядом.

Пояс, который он пропустил через вещмешок, сквозь нейлоновую куртку, начал резать ему плечо; он шел и думал про Лэйни, Клауса и Петуха — про то, что все они явно считали проектор чем-то чрезвычайно важным и ценным. Поэтому-то за ним следят — из-за проектора или из-за того

таинственного человека, про которого говорил Лэйни. Человека, которого нет? В любом случае, он не мог припомнить, чтобы у него на мосту были когда-то серьезные враги, хотя в этом трудно быть уверенным. Еще он подумал, что вряд ли эти парни обычные грабители, очень уж уверенно они выглядели.

Он сунул руку в карман куртки и нащупал нож. Нож был на месте, и Райделл обрадовался ему, но, представив, что может пустить его в дело, весь передернулся. История с ножами состоит в том, что люди, которые намереваются продырявить других людей, обычно понятия не имеют о том, как это противно. Это вам не кино, где из людей брызжет кровь, будто из забитых свиней. Ему довелось иметь дело с людьми, получившими ножевые ранения рядом с "Драконом" на Сансет-стрип. И еще одно: кто знает, может, убитый был болен какой-то заразой? У него и у Дариуса были какие-то защитные очки, которые им полагалось надевать, чтобы кровь не попадала в глаза, но обычно все случалось слишком быстро и про очки они не вспоминали, а там уже было поздно.

Но главная проблема с ножами — даже с такими, что режут железо, как спелые бананы, — заключается в том, что от них мало толку, когда

начинается пальба.

Кто-то подвесил над закрытым ларьком старое зеркало для наблюдения за магазинными ворами, и, подобравшись поближе к этой конструкции, Райделл попытался посмотреть, не идет ли кто следом, но разглядел только толпу.

Он стал беспокоиться: он делал в точности то, чего, вероятно, от него и ждали, — шел обратной дорогой к тому месту, где собирался провести ночь (допустим, решил он, они еще не знают, где это самое место). Ну, придет он туда, и что дальше? Он окажется в комнате, как в ловушке, единственный выход из которой — хлипкая лесенка, а он — легкая добыча. Он решил просто идти вперед, но чувствовал, что ни к чему хорошему это тоже не приведет.

Мне нужно, подумал он, выкинуть номер, которого от меня не ждут. Хоть надеть ботинки задом наперед, да что угодно — лишь бы избавиться от этих типов, кем бы они там ни были. А потом позвонить Лэйни и узнать — кто эти мерзавцы.

В Ноксвилльской академии был инструктор, который любил читать лекции о нелогичном мышлении. Что, по сути, не очень-то сильно отличалось от того, что Дариус говорил о конченых наркоманах, торчащих со съехавшей крышей на

мостовой у "Дракона". С ними обычные способы общения не годились, для этого требовалось нечто радикальное — неожиданный ход конем.

Посмотрев направо, Райделл заметил, что идет мимо участка стены, который на самом деле был огромным холстом, натянутым на каркас из бруса и покрытым толстым слоем краски, накладываемой многие годы. Фреска не фреска, ему было не до деталей.

Открывшийся кнопарь щелкнул так громко, что они наверняка это услышали, так что Райделл просто рванул к стенке и, широко махнув керамическим лезвием вниз и вбок, прорезал дыру в виде перевернутой буквы "эль". Он проскочил в отверстие, как во сне, холст затрещал, краска посыпалась. Он очутился в тепле, ярком свете и в компании совершенно чужих людей, сидящих вокруг стола с картами в руках, перламутровые фишки горками навалены около каждого. Дама — пирсинг на сосках обнаженной груди, тоненькая сигарета в уголке рта — встретила взгляд Райделла и сказала сквозь зубы:

— Ставлю на тебя один к одному.

— Не обращайте на меня внимания, — услышал Райделл свой голос и увидел, как мужчина с лысой татуированной головой, по-прежнему держа

в одной руке карты, поднял из-под стола другую руку, в которой был пистолет. В ту же секунду до Райделла дошло, что он все еще держит у всех на виду свой раскрытый черный кнопарь. Он почувствовал, как озноб побежал по позвоночнику, а ноги автоматически понесли мимо стола, человека с картами и глубокой, бесконечной, огромной черной дыры, окруженной поблескивающим кольцом нержавеющей стали, которое было дулом пистолета.

Сквозь толстый занавес из коричневого велюра, отдававшего запахом старинных кинотеатров, он все еще двигался, видимо невредимый. Он на ходу щелкал у бедра кнопкой ножа, открывая и закрывая его, — что ему и в голову не пришло бы при других обстоятельствах. Он убрал нож в карман. Перед ним грубо сколоченная лесенка. По ней наверх и как можно скорее.

Вылез наружу через квадратный проем в деревянном настиле из горбыля, узкий проход между стенами, выпиленными из облупившихся рекламных щитов, огромный женский глаз на обрывке заляпанной выцветшей афиши, будто устремленный в бесконечную даль.

Стоп. Отдышись. Сердце как молот. Слушай.

Хохот. Картежники?

Он двинулся вперед по проходу с нарастающим чувством удовлетворения — он сделал их. Сбросил с хвоста. На каком бы чердаке он сейчас ни был, он сможет отсюда выбраться, спустится вниз, а там уже разберется, как и что. Но у него по-прежнему был проектор, и он сбросил этих гадов с хвоста, и задницу не прострелили за то, что влез в чей-то покерный расклад.

— Вот что значит — смотреть со стороны! — произнес он громко, поздравляя себя с успехом, после чего дошел до конца прохода и ступил за угол.

Ребро его хрустнуло от удара здоровяка, и он понял, что черная перчатка, точь-в-точь такая, какой он упражнялся в Нэшвилле, была нашпигована свинцом.

Он отлетел к противоположной стенке и стукнулся головой, вся левая половина тела отказалась двигаться, когда он попытался встать прямо.

Здоровяк занес черную перчатку над головой, чтобы нокаутировать Райделла прямо в лицо. И ухмыльнулся.

Райделл попытался тряхнуть головой.

Еле заметное удивление, а может быть, замешательство отразилось в маленьких глазках противника. Потом они потухли. Ухмылка ис-

чезла.

Здоровяк внезапно тяжело рухнул на колени, покачнулся и грохнулся боком на серый деревянный настил. За ним стоял худощавый седоволосый человек в добротном длиннополом пальто темно-зеленого цвета: рукой он прикрывал ворот, будто что-то прятал. Глаза бесстрастно смотрели на Райделла сквозь очки в золотой оправе. Морщины на лице. Человек отряхнул свое модное пальто и опустил руки.

— Вы ранены?

Райделл захрипел в ответ и сморщился от боли, так как ребро сильно болело.

— Ребро, — еле-еле выдавил он.

— Вы вооружены?

На Райделла смотрел чистый неподвижный взгляд.

— Нож, в правом кармане куртки, — ответил он.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказал человек. — Вы способны передвигаться самостоятельно?

— Конечно, — ответил Райделл, сделал шаг и споткнулся о тело здоровяка.

— Прошу вас, следуйте за мной, — сказал человек и повернулся.

Райделл последовал за ним.

46. СОСНОВЫЙ ЯЩИК

Кридмор успел перейти к кульминационной части своего выступления, прежде чем Шеветта заприметила "Маленькую Игрушку Бога", курсирующую над головой публики. У бара, как и у многих других заведений, расположенных здесь, на бывшей палубе, не было собственно потолка — только изнанка верхних палуб, поэтому то, что считалось потолком, было неровным, с выступами днищем. В какой-то момент администрация выкрасила это безобразие черной краской, и Шеветта вполне могла бы и не заметить парящую платформу камеры, если бы ее майларный воздушный шар не отражал огни рампы. Движения камеры определенно контролировались человеком, казалось, она осторожно подбиралась, чтобы заснять лицо Кридмора крупным планом. Потом Шеветта разглядела еще два серебряных шара — они были установлены в чем-то вроде ниши, образованной щелью в потолке.

Значит, сообразила она, Тесса заставила кого-то свозить ее на Фолсом-стрит. Потом она либо вернулась сюда на фургоне, либо кто-то ее подбросил (Шеветта была абсолютно уверена, что Тесса ни

за что не пошла бы пешком — во всяком случае, не с воздушными шариками). Шеветта надеялась на второе, потому что ей вовсе не улыбалось снова искать парковку. Чем бы Тесса не надумала здесь заниматься, позже им все равно нужен будет ночлег.

Песня Кридмора завершилась кодой, чем-то похожей на срывающийся крик безмозглого протеста, на который страшным ревом отозвалась толпа "сетчатых". Шеветту просто ошеломил их энтузиазм — не из-за Кридмора, а потому, что подобную реакцию могла вызвать его музыка. Впрочем, музыка в этом смысле — странная штука; казалось, у любого стиля всегда есть свои поклонники, и если собрать в одном баре достаточное количество таких фанатов, можно совсем неплохо повеселиться.

Она все еще продолжала проталкиваться сквозь толпу, сбрасывая с себя наглые руки, высматривая Тессу и опасаясь наткнуться на Карсона, когда Мэри-Элис, подружка Кридмора, первой нашла ее. Мэри-Элис, похоже, развязала пару затейливых шнурков на своем бюсте и представляла собой весьма внушительное зрелище. Она казалась очень счастливой или, во всяком случае, настолько счастливой, насколько может

выглядеть сильно пьяная женщина, каковой она сейчас определенно была.

— Дорогая! — вскричала она, схватив Шеветту за плечи. — Куда ты пропала? У нас тут любая выпивка для наших гостей из шоу-бизнеса бесплатно!

Мэри-Элис явно не помнила, что они с Тессой вовсе не из "отдела контрактов", но Шеветта догадалась, что Мэри-Элис много чего не помнила.

— Замечательно, — сказала Шеветта. — А вы не видели Тессу? Мою подругу, с которой я здесь была? Она австралийка.

— Там, наверху, в осветительной будке, с самим Святым Виттом, дорогая! Она снимает все представление Бьюэлла на эти летающие штучки! — Мэри-Элис просияла. Запечатлела смачный, жирный от помады поцелуй на щеке Шеветты и мгновенно забыла про нее, с равнодушием повернувшись туда, где, как решила Шеветта, был бар.

Теперь и Шеветта разглядела осветительную будку: что-то вроде огромного упаковочного ящика, прибитого в углу напротив сцены, с покореженным пластиковым окошком по периметру, за которым она увидела Тессу и какого-то бритого парня в противных узеньких черных очках. Их головы торчали над ширмой, как марионетки.

Туда можно было забраться по стремянке, прикрепленной к стенке ржавыми водопроводными трубами.

На Тессе были ее специальные очки, и Шеветта поняла, что подруга следит за сигналом, посылаемым "Маленькой Игрушкой Бога", контролирует угол съемки и фокусировку с помощью своей черной перчатки. Кридмор запел снова, публика стала притопывать и подпрыгивать в такт более энергичной музыке.

У стремянки стояли двое парней в "сетчатых" кепочках, попивая пиво из банок. Шеветта проскользнула мимо, вскарабкалась вверх, не обращая внимания на одного из них — он заржал и шлепнул ее по заду.

Нырнула головой в квадратную дырку, нос на уровне пыльного, залитого пивом коричневого ковра.

— Тесса, привет.

— Шеветта, ты? — Тесса не обернулась, поглощенная тем, что видела в своих очках. — Куда ты ходила?

— Я встретила Карсона, — сказала Шеветта, залезая в будку сквозь дырку, — и убежала.

— Какие чудесные кадры, — сказала Тесса. — У этих типов такие лица… Как у Роберта Фрэнка 31.

Я сведу запись в моно и уберу цвет…

— Тесса, — сказала Шеветта, — нам пора убираться отсюда.

— Мать твою, да кто ты такая? — обернулся к ней бритый. На нем была глухая безрукавка, бицепсы не толще Шеветтиной руки, узкие голые плечи, как куриные косточки.

— Его зовут Святой Витт, — пояснила Тесса спокойно, словно пыталась предотвратить возможную ссору, которая помешала бы ей сосредоточиться. — Он здесь заведует светом, а также сидит на звуке в двух других клубах на мосту — в "Когнитивных Диссидентах" и еще где-то… — ее рука манипулировала черной перчаткой.

Шеветта в прошлом была знакома с "Когнитивными".

— Тесса, это бар для любителей "плясуна", — сказала она.

— Мы уйдем, когда отснимемся здесь, — ответила Тесса. — Святой Витт утверждает, что они там как раз раскачаются, и шоу будет в сто раз интересней, чем здесь.

— Где угодно будет интересней, чем здесь, — сказал Святой Витт, в его голосе слышалась безмерная усталость.

— Синий Ахмед записал там сингл, — сказала

Тесса, — "Моя война — это моя война".

— Отстой, — сказала Шеветта.

— Ты имеешь в виду кавер-версию "Хромированного Корана", — сказал Святой Витт; его голос был полон презрения, — ты никогда не слышала версию самого Ахмеда.

— Почему ты в этом уверен, черт возьми? — рассердилась Шеветта.

— Потому что тот сингл так и не выпустили, — самодовольно заявил Святой Витт.

— А может, он взял и сбежал, на хрен? — Шеветта кипела желанием как следует отшить эту обкуренную мартышку и знала, что это не так уж и трудно, хотя никогда нельзя предвидеть, что может случиться, если накачанный "плясуном" обидится по-настоящему. Чего стоят только байки о сопляках двенадцати лет от роду, которые, говорят, иногда до того доходят, что хватают полицейскую машину за бампер и переворачивают ее — хотя в этих байках обычно упоминалось, что от натуги кожа малолеток рвалась, каковые подробности Шеветта искренне считала брехней. Наверняка так и было: Карсон называл это городским фольклором.

Песня Кридмора завершилась стальным лязгом. Шеветта повернулась к сцене. Кридмор

выглядел возбужденным до предела, с видом триумфатора стоял перед залом, будто перед ним был огромный стадион, запруженный поклонниками.

Толстый гитарист снял свою красную гитару и передал ее одетому в черный кожаный жилет парню с бакенбардами, который, в свою очередь, подал ему черную гитару с более узким корпусом.

— А сейчас будет песня "Сосновый ящик", — объявил Кридмор, когда был взят первый аккорд. Шеветта толком не разобрала слова, которые пел Кридмор; мелодия напоминала старинную скорбную песнь о том, что все кончается "сосновым ящиком", видимо, подразумевался этот, как его, гроб — ну, в чем раньше хоронили людей, — хотя Шеветта подумала, что это выражение с успехом можно применить к осветительной будке, в которой она сейчас застряла вместе с Тессой и этим козлом. Она заметила хромированную табуретку, разрезанное сиденье которой было заклеено скотчем, и, за неимением лучшего, уселась на нее и решила спокойно дождаться, пока Тесса не запечатлеет на пленке столько ужимок Кридмора, сколько захочется. А потом она придумает способ, как им обеим убраться отсюда.

47. САЙ-ШЕНГ-РОУД

Ливия и Пако привели Лэйни в парикмахерскую на Сай-Шенг-роуд. Он не понял, как они попали сюда. Сай-Шенг-роуд находится в Городе-Крепости, а Лэйни не был местным жителем. Координаты Города-Крепости, концептуальные механизмы, при помощи которых его подданные смогли исчезнуть из баз данных человечества в целом, являются главной и тщательно охраняемой тайной этого места. Город-Крепость — целая вселенная, живая легенда.

Лэйни уже бывал здесь, хотя и не в этом специфическом конструкте, в парикмахерской, и ему не по душе это место. Что-то в самом коде, легшем в основу создания Города-Крепости, вызывает метафизическое головокружение, а его видимое представление утомительно агрессивно; ощущение такое, будто попал в видеофильм какого-нибудь арт-колледжа с изощренной операторской работой. В Городе-Крепости все с подвохом: тебе никогда не покажут истинного изображения — все прогоняется через полдюжины разных фильтров, словно обитатели этого места твердо решили запечатлеть свои ради-

кальные воззрения во всем, вплоть до наименее фрактальных текстур города. Там, где ловко придуманный веб-сайт слегка намекнул бы на грязь или потертость,

Город-Крепость тщательно камуфлируется руинами, текстурные карты непрерывно меняются, обнажая другие текстуры, также битые молью.

Вот эта парикмахерская, к примеру, выложена из наползающих друг на друга текстурных черепиц, не стыкованных по краям, что намеренно разрушает любую иллюзию цельной поверхности или пространства. И все здесь исполнено в цвете залитого дождем Китайского квартала: неоново-розовый, неоново-синий, неоново-бледно-зеленый и сильно выцветший неоново-красный.

Ливия и Пако мгновенно удаляются, оставив Лэйни в недоумении: во что бы он сам, дойди до этого дело, воплотился в подобной обстановке? Наверно, в большой картонный ящик?

Эти размышления прерываются появлением Клауса и Петуха, которые внезапно возникают на двух из четырех стульев в парикмахерской. Он сразу узнал их, разве что теперь Клаус носит черную кожаную широкополую Федору — поля ее загнуты кверху по всей окружности, — а Петух

стал еще больше похож на орущих римских пап работы Фрэнсиса Бэкона 32.

— Пошла совсем другая игра, — начинает Лэйни.

— Какая? — Клаус, кажется, языком трогает больной зуб.

— Харвуд впрыскивал себе 5-SB. И вы это знаете, потому что эти ваши недоноски-чилаго 33 только что раскололись. Когда вы узнали об этом?

— Мы действуем по принципу необходимых знаний… — начинает Петух тоном дегенерата понтифика, но Клаус прерывает его:

— За десять минут до вашего появления. Мы с нетерпением ждем вашего мнения.

— Это совсем другое дело, — говорит Лэйни. — Каких успехов он добился за эти годы! Пиаровская империя, рекламные кампании и слухи о том, что он сыграл главную роль в избрании президента Миллбэнк, а также способствовал разделу Италии…

— Я думал, что это все его подружка, — говорит Петух мрачно, — эта паданская принцесса…

— Вы хотите сказать, что он просто чует удачу? — наступал Клаус. — Вы намекаете на то, что он находится в узловом модусе и предчувствует назревающие перемены? Если в этом секрет его

фирмы, мой друг, то почему же не вы самый богатый человек в мире?

— Эта штука работает не так, — протестует Лэйни. — 5-SB пробуждает чувствительность к узловым точкам, к разрывам в информационной текстуре. Они индикаторы назревающих перемен, а не носители информации о самих переменах!

— Верно, — соглашается Клаус и поджимает губы.

— Я хочу знать, — продолжает Лэйни, — мне нужно знать — прямо сейчас! — что задумал Харвуд на этот раз. Он сидит в потенциальной точке грандиозных перемен. Видимо, он способствует им. Рэи Тоэи тоже вовлечена во все это, и этот наемный ластик для стирания людей из коллекции Харвуда, и безработный рентакоп… Эти люди скоро изменят историю человечества каким-то неизвестным пока способом. Подобной ситуации не было с тысяча девятьсот одиннадцатого года…

— А что случилось в девятьсот одиннадцатом? — требует ответа Петух.

Лэйни вздыхает.

— Мне кажется, все очень запутанно, у меня не было времени заняться этим вплотную. В тысяча

девятьсот шестом году в Париже под экипаж попал муж мадам Кюри. Видимо, с этого все и началось. Но если в нашем случае Харвуд и впрямь является аттрактором 34, ключевым сгустком странности событий, которые притягиваются к нему, и при этом он осознает свою роль, — что же в его голове такого, что потенциально в буквальном смысле может изменить все?

— Мы не можем сказать наверняка, — начинает Петух, — но…

— Нанотехнология, — говорит Клаус. — Харвуд был главным игроком корпорации "Санфлауэр". План перестройки Сан-Франциско. Весьма радикальная реструктуризация с привлечением нанотехнологий, вполне в духе той, что была проведена после землетрясения в Токио. С Сан-Франциско этот номер не прошел, и, что действительно забавно, ваш парень — Райделл, как нам кажется, способствовал тому, чтобы это не случилось, но об этом потом. Меня действительно беспокоит, что Харвуд продолжает интересоваться нанотехнологиями, подтверждением служит сделка, заключенная фирмой "Нанофакс АГ" из Женевы…

— Сначала Харвуд, — вставляет Петух, — купил по дешевке подставную фирму в Антигуа, и…

— Заткнись! — Петух замолкает. — "Нанофакс АГ" из Женевы и корпорацией "Счастливый дракон" из Сингапура. "Счастливый дракон", конечно же, клиент фирмы "Харвуд Левин".

— "Нанофакс"?

— Самим названием сказано все, — говорит Клаус, — и почти ничего.

— Как это понимать?

— "Нанофакс АГ" предлагает технологию, которая цифровым методом воспроизводит физические объекты на расстоянии. Область применения технологии, разумеется, довольно сильно ограничена. Но обычная кукла, помещенная в "Нанофакс" в лондонском "Счастливом драконе", будет в точности воспроизведена "Нанофаксом" в нью-йоркском "Драконе"...

— Как?

— С помощью наносборщиков из любых доступных материалов. Однако на систему наложены жесткие юридические ограничения. Например, "Нанофакс" не имеет права воспроизводить функционирующее оборудование. И, конечно же, "Нанофакс" не имеет права ни при каких обстоятельствах воспроизводить функционирующие наносборщики.

— Я думал, они уже доказали, что такая система

не способна работать, — говорит Лэйни.

— О нет! — говорит Петух. — Они просто этого не хотят.

— Они — это кто?

— Государства, — отвечает Петух. — Помните о таких?

48. В ЭТОТ МОМЕНТ

Райделл смотрел в спину человека, уверенно идущего впереди, и испытывал сложное чувство, чувство, которому не мог дать название, которое было сильней боли в боку, остро пронзавшей его, когда он оступался. Он, Райделл, всю жизнь мечтал хорошо владеть своим телом: просто двигаться, двигаться правильно, не задумываясь об этом. Быть расслабленным и в то же время точным в движениях. Он инстинктивно понимал, что перед ним именно такая свободная пластика; мужчине было около пятидесяти, но двигался он абсолютно естественно и постоянно оказывался в тени. С прямой спиной, в длиннополом кашемировом пальто, руки в карманах, он просто скользил, и Райделл топал за ним, остро чувствуя свою неуклюжесть из-за физической боли и боли своего все еще юношеского сердца: мальчик, что жил у него внутри, всегда мечтал хоть немного быть похожим на этого человека, кем бы он ни был.

Он убийца, киллер, напоминал себе Райделл, думая о лежащем трупе здоровяка; Райделл прекрасно знал, что убийство — это не энер-

гичный обмен рукопожатиями, как в кино, а страшное братание с тем светом (он очень надеялся, что ошибается), потому что к нему во сны до сих пор являлся призрак Кеннета Тёрви, единственного человека, которого он вынужден был прикончить. Хотя никогда не сомневался в необходимости прикончить Тёрви, так как Тёрви продемонстрировал серьезность своих намерений, стреляя в дверь шкафа, где запер детей своей подружки. Убийство было вратами в нечто страшное и бесконечное. Райделл истово в это верил и точно знал, что отчаянные бандиты в реальной жизни не более романтичны, чем ворох остывших кишок. И все же он шагает, старается изо всех сил поспеть за этим, с седыми волосами, человеком, который минуту назад убил человека способом, какого Райделл, похоже, не смог бы определить, убил тихо и не напрягаясь; убил человека так привычно, как другие меняют рубашку или вскрывают жестянку пива. Что-то внутри Райделла завидовало этому, он покраснел, осознав эту зависть. Мужчина остановился в тени и оглянулся.

— Как самочувствие?

— Сносно, — ответил Райделл, который почти всегда отвечал так на этот вопрос.

— Только не "сносно". У вас гематома. А может, и внутреннее кровотечение.

Райделл стоял перед ним, держась рукой за опухший бок.

— Что вы сделали с этим типом?

Нельзя сказать, что человек улыбнулся, но морщины на его щеках стали чуть глубже.

— Я завершил движение, которое он начал, замахнувшись на вас.

— Вы его чем-то зарезали, — сказал Райделл.

— Да. Это был самый элегантный финал при сложившихся обстоятельствах. Его необычный центр тяжести дал мне возможность рассечь спинной мозг, не задев позвонки. — Все это тоном, которым сообщают об открытии нового, чрезвычайно удобного автобусного маршрута.

— Покажите мне.

Человек чуть качнул головой. Птичья острота восприятия. Свет отразился в круглых очках с золотой оправой. Человек сунул руку за пазуху своего длиннополого пальто и с непринужденной грацией извлек загнутый кверху клинок с похожим на долото острием. Райделл знал, что такой клинок называется танто — уменьшенная разновидность одного из японских мечей. Свет, что на мгновение блеснул в круглых линзах,

теперь вспыхнул тончайшей радугой вдоль искривленного лезвия и соскочил со скошенного конца. Человек проделал движение, которым извлек клинок, в обратную сторону. Клинок исчез в глубине пальто, как прокрученная назад видеозапись.

Райделл вспомнил, каким действиям обучали его на случай, если нападают с ножом, а ты безоружен. Если другого выхода нет, рекомендуется снять куртку и обмотать ею запястья, чтобы их не повредили. Он представил себе, что использует проектор, лежащий в сумке, в качестве щита против клинка, который только что видел, и безнадежность этой затеи неожиданно показалась ему смешной.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил человек.

Улыбка соскочила с лица Райделла.

— Не думаю, что смогу объяснить, — сказал он. — Кто вы такой?

— Этого я вам не могу сказать, — ответил человек.

— Меня зовут Берри Райделл, — сказал ему Райделл. — Вы только что спасли мою задницу.

— Но не ваше тело, я полагаю.

— Он мог убить меня.

— Нет, — сказал человек, — он бы вас не убил.

Он бы лишил вас возможности сопротивляться, доставил бы кое-куда и стал пытать, чтобы выбить информацию. И только тогда он убил бы вас.

— Что ж, — сказал Райделл; бесстрастность собеседника его смущала. — Тогда большое спасибо.

— Всегда к вашим услугам. — Ответ был не лишен высокомерия.

— Что ж, — сказал Райделл, — но почему вы сделали это, ну, убрали его?

— Было необходимо завершить движение.

— Не понимаю, — сказал Райделл.

— Это было необходимо, — сказал человек. — Сегодня ночью вас разыскивают многие. Я не знаю точно, сколько их. Наемные убийцы.

— Вы убили еще кого-то прошлой ночью? Кровь уже засыпана "Килзом".

— Да, — сказал человек.

— Неужели я в большей безопасности с вами, чем с теми парнями, которых вы считаете киллерами?

— Да, полагаю, это так, — чрезвычайно серьезно сказал человек и нахмурился.

— Вы больше никого не убивали за последние сорок восемь часов?

— Нет, — сказал человек, — не убивал.

— Что ж, — сказал Райделл, — думаю, с вами мне ничего не грозит. Я, разумеется, не собираюсь с вами драться.

— Это мудро, — сказал человек.

— И не думаю, что смогу идти достаточно быстро или достаточно долго с таким ребром.

— Это верно, — сказал человек.

— Ну и что же мы будем делать? — Райделл пожал плечами и в тот же момент пожалел об этом, его лицо исказила гримаса боли.

— Мы покинем мост, — сказал человек, — найдем медицинскую помощь, вы ранены. Я лично могу применить свое практическое знание анатомии, если будет необходимо.

— С-спасибо, — выдавил Райделл. — Я лучше просто куплю бинты и каких-нибудь пластырей с анальгетиками в "Счастливом драконе", этого мне, наверное, хватит. — Он поглядел по сторонам, ища парня с шарфом, который, возможно, наблюдал за ним именно сейчас. У него было чувство, что шарф особенно опасен. — А если киллеры засекут, что мы уходим?

— Не предвосхищайте результата ваших действий, — сказал человек. — Спокойно ждите развития событий. Живите сейчас.

В этот момент Райделл понял, что, несомнен-

но, пропала его задница. Прощай, поминай, как звали.

49. РАДОНОВАЯ ТЕНЬ

Фонтейн отыскал для мальчика старую походную подушку, должно быть, оставленную его детьми, и уложил мальчика на спину; тот все похрапывал. Сняв с него тяжелый шлем, он заметил, что мальчик спит с полуоткрытыми глазами, видно, снятся ему часы, которые сменяют друг друга и отсчитывают время. Он укрывает мальчика старым спальным мешком с выцветшими медвежатами; задумавшись, ставит мисо на стойку.

Чувствовалась едва заметная вибрация, то ли шаткая конструкция его лавки, то ли остов моста, глубинные ли плиты земли слегка подрагивали — определить было нельзя, старинные крохотные вещицы регистрируют то невнятное движение. С одной из полок падает вниз головой оловянный солдатик — отчетливый звук напоминает Фонтейну, что надо бы купить воску, липкой субстанции для предотвращения подобных казусов.

Усевшись на высокий табурет за стойкой, Фонтейн подумал, что будет, если он решит проследить, что видел сегодня мальчик на своем ноутбуке. Все эти дела с камерами хранения и то,

как завелся его адвокат Маршалл. Куда еще мог залезть этот мальчик? Впрочем, вряд ли в по-настоящему опасное место, решает Фонтейн, раз он всего лишь охотится за часами. Но как он достал описи частных хранилищ? Фонтейн ставит чашку на стойку и, покопавшись, выуживает "Жаже Лекультр" из кармана, читает артиллерийские метки на задней крышке:

G6B/346

RAAF

172/53

6B — означает степень точности хода, он это знает, но 346 для него — загадка. Широкая стрелка в центре — королевский знак, ее собственность. 53 — конечно, год выпуска, но что означает 172? Сумеет ли мальчик разгадать эти цифры, если правильно задать ему вопрос? Фонтейн знает, что бесполезный бит информации вливается в общий поток. Он кладет часы на подушечку с логотипом "Ролекс" и снова берется за мисо. Глядя сквозь покрытый узором царапин стеклянный верх стойки, он замечает одну из недавних покупок, до сих пор он не рассмотрел ее как следует. Часы "Хелброз", сороковые годы двадцатого века, сделаны по дизайну военных наручных часов, но "Хелброз" — часы не "казенные". Ерунда, которую

он купил у старьевщика с холмов Окленда. Он сует руку в витрину и достает это барахло, подлинное барахло по сравнению с G6B.

Окантовка вокруг стекла сильно побита — и полировка не спасла, а люминесцентные детали на матовом циферблате приобрели серебристый оттенок. Он достает из другого кармана лупу, ввинчивает ее в глаз и переворачивает "Хелброз", внимательно разглядывая через своего "циклопа" с десятикратным увеличением. Заднюю крышку когда-то снимали, потом привинтили обратно, но не плотно. Он откручивает ее пальцами и изучает следы истории механизма, оставленные часовщиком.

Он щурится в лупу: последняя дата починки, отчеканенная внутри крышки, — август 1945 года.

Он вертит часы, рассматривает их со всех сторон. Кристалл искусственный, какой-то сорт пластика, определенно старинный и очень похоже, что оригинальный и подлинный. Потому что он видит, повернув часы к свету под определенным углом, что под действием радиации оригинальных радиевых цифр кристалл помутнел — каждая цифра, в сущности, впечатала свою рентгеновскую проекцию кристалла.

Это открытие и дата — 1945-й — заставляет Фон-

тейна ужаснуться. Он ставит крышку на место, кладет часы "Хелброз" обратно под стекло, проверяет замки и засовы на двери, съедает остатки мисо и идет укладываться.

Мальчик лежит по-прежнему на спине, уже не храпит. Все тихо. Фонтейн устраивается на своей узкой постели, револьвер "смит-и-вессон", как всегда, лежит наготове.

50. "ЛИШНИЕ ХЛОПОТЫ"

Умиравший от рака отец рассказал Райделлу одну историю, якобы вычитанную им в сборнике афоризмов и занимательных рассказов.

В Англии в стародавние времена казнили одного человека. Казни там были жесточайшие — каленым железом, колесованием и прочее. Человек увидел перед собой плаху, топор палача. Он все время молчал и как бы равнодушно претерпел разнообразные муки, посмотрел на топор, на плаху, толстого палача и даже в лице не изменился.

Перед ним предстал другой заплечных дел мастер с настоящим арсеналом пыточных орудий. Человека предупредили, что сначала его будут потрошить и только потом отрубят голову. Послышался вздох. "Лишние хлопоты", — сказал человек.

— Если я им так нужен, — сказал Райделл, ковыляя за незнакомцем, прячущим танто во внутреннем кармане, — то почему они просто не схватят меня?

— Потому что вы идете со мной.

— Что же они вас не застрелят?

— Потому что у нас, у меня и этих людей, общий хозяин. В каком-то смысле.

— Он не позволит им вас застрелить?

Они подходили к забегаловке, в которой, как помнил Райделл, Бьюэлл Кридмор пел одну старую песню. Было шумно: громкая музыка, хохот, толпа у двери, все с пивом и, не скрываясь, дымят сигаретами.

Каждый шаг отзывался болью в боку Райделла, а он вспоминал Рэи Тоэи, сидящую на его подушке. Что, интересно, значит для нее тот "термос", то есть проектор, который он тащит на своем плече? Неужели это единственный способ ее вхождения в мир и общения с людьми? Осознает ли она, что она — голограмма? (Райделл сомневался.) А может, создавшие ее программы дают ей иллюзию существования? Но если вы нереальны изначально, то как вы можете ощущать реальность?

Впрочем, сейчас его больше всего волновало, что и Лэйни, и Клаус, и Петух настаивали на исключительной важности проектора, а он, Райделл, беззаботно хромает по доброй воле рядом с этим убийцей, типом, который явно работает на охотника за ним, Райделлом, ну и за проектором тоже, а он, понимаете ли, тащится как на поводке. Овцой на бойню.

— Мне нужно зайти сюда на минутку, — сказал Райделл и остановился.

— Зачем?

— Повидаться с другом, — ответил Райделл.

— Это что, благовидный предлог улизнуть?

— Я не хочу идти с вами.

Человек бесстрастно взирал на него из-за тонких очков.

— Вы осложняете положение, — наконец сказал он.

— Ну, так убейте меня, — сказал Райделл, стиснув зубы. Он перекинул ношу с плеча на плечо и, пошатываясь, прошел в дверь мимо курильщиков, в лицо ему пахнуло теплым ядреным пивным духом и разгоряченной толпой.

Кридмор стоял на сцене рядом с Рэнди Шоутсом и волосатым басистом с бакенбардами, они как раз заканчивали исполнение какой-то композиции. Кридмор подпрыгнул, издав заключительное "вау", музыка прогрохотала коду, и толпа взревела, топая ногами и бурно аплодируя. Райделл увидел глаза Кридмора — пустые, сверкающие — кукольные — в свете софитов.

— Эй, Бьюэлл! — закричал Райделл. — Кридмор! — он оттолкнул кого-то плечом и захромал дальше. Теперь он был всего в нескольких футах от

сцены. — Кридмор!!! — сцена была маленькая и невысокая, от силы фут высотой, толпа не такая уж и плотная.

Кридмор заметил его. Спрыгнул со сцены. Его ковбойская рубашка с жемчужными пуговицами была расстегнута до пупа, впалая белая грудь лоснилась от пота. Кто-то подал ему полотенце, и он стал вытирать им лицо, показывая длинные желтые зубы с изъязвленными деснами.

— Райделл, — сказал он, — сукин ты сын. Где ты был?

— Тебя искал, Бьюэлл.

Человек с танто положил руку на плечо Райделла.

— Это неразумно, — сказал он.

— Слушай, Бьюэлл, — сказал Райделл, — возьми мне пива, ладно?

— Ты видел меня, Райделл? Мать твою, мужик, я был сыном гребаного Иисуса! Гребаным Хэнком Уильямсом 35, мать твою так! — Кридмор сиял, Райделла поразил его вид на грани безумия. Кто-то вручил Кридмору пару высоких пивных банок, уже открытых. Передав одну Райделлу, Кридмор вылил холодный солодовый напиток себе на грудь и принялся им растираться. — Черт возьми, я в отличной форме!

— Здесь нас слишком легко окружить, — сказал человек в пальто.

— А ну отпусти моего приятеля, ты, — сказал Кридмор, впервые заметив незнакомца. — Педрила, — добавил он, будто читая на его лице и с трудом подыскав ему оскорбительное определение.

— Бьюэлл, — сказал Райделл, схватив человека за руку, — познакомься с моим новым приятелем.

— Кажется, одному педриле пора подобрать подол лопатой, — отметил Кридмор, теперь уже в бешенстве сузив глаза; повод был найден.

— Отпустите мое плечо, — тихо сказал человеку Райделл. — Выглядит не очень хорошо.

Человек снял руку с его плеча.

— Мне очень жаль, — сказал Райделл, — но я собираюсь остаться здесь с Бьюэллом и примерно сотней его закадычных друзей. — Он посмотрел на жестянку в своей руке. Какая-то хрень под названием "Королевская кобра". Он сделал глоток. — Если хотите уйти, уходите. Или просто убейте меня, да и дело с концом.

— Черт тебя дери, Кридмор, — сказал Рэнди Шоутс, тяжело ступив на пол со сцены. — Гребаный наркоман. Ты напился! Напился и до сисек

обдолбался "плясуном"!

Кридмор выпучил глаза на верзилу гитариста, глаза его, казалось, были сплошными зрачками.

— Господи, Рэнди, — начал было он, — ты же знаешь: мне надо было немного расслабиться...

— Расслабиться? Расслабиться?! Господи Иисусе! Ты забыл слова такого хита, как "Брось мудака и пошли со мной!". Это ж как надо обсадиться, чтоб так облажаться? Чертова публика знает слова этой песни, мужик; они даже тебе подпевали! Пытались, по крайней мере. — Шоутс для пущей ясности ткнул Кридмору в грудь свой мозолистый большой палец. — Я говорил тебе, что не работаю с обдолбанными макаками. Ты понял, алкаш? Пошел вон отсюда. Абзац.

Кридмор, казалось, пытался заглянуть внутрь своей души, будто искал там какое-то подобие достоинства, необходимого, чтобы с честью встретить этот неожиданный поворот. Видимо, нашел. Чуть выпрямился.

— А пошел ты! — сказал Кридмор. — Козел! — добавил он, когда Шоутс с отвращением отвернулся и двинулся прочь.

— Бьюэлл, — сказал Райделл, — на тебя заказан столик или что-нибудь типа того? Где бы мне присесть?

— Мэри-Элис, — ответил Кридмор, явно думая о своем, и неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. После чего отвалил, по всей видимости — за Шоутсом.

Не обращая внимания на человека с танто, Райделл направился к бару, где обнаружил Мэри-Элис, одиноко сидящую за столиком. На нем стояла табличка из гофрированного коричневого картона, разукрашенная разноцветными фломастерами: надпись, сделанная вручную, гласила: "БЬЮЭЛЛ КРИДМОР & ЕГО БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ", обе "О" выведены красным цветом и разрисованы смеющимися рожицами. Столик был уставлен пустыми бутылками, а у Мэри-Элис был такой вид, будто ей только что крепко стукнули пыльным мешком по голове.

— Вы из отдела контрактов? — вздрогнув, спросила она у Райделла, словно очнулась от сна.

— Меня зовут Берри Райделл, — ответил он, выдвинув стул и опустив с плеча вещмешок с проектором. — Мы недавно встречались. Вы — Мэри-Элис.

— Да, — улыбнулась она, польщенная тем, что ей так любезно об этом напомнили, — я Мэри-Элис. Правда ведь, Бьюэлл чудесно выступил?

Райделл присел осторожно на стул, чтобы не

потерять сознание от боли в ребре.

— Есть здесь где-нибудь розетка, Мэри-Элис? — он уже открывал вещмешок, выпрастывая проектор, разматывал сетевой кабель.

— Вы из отдела контрактов! — сказала Мэри-Элис, зачарованно наблюдая за движениями Райделла. — Я так и знала! А из какого вы лэйбла?

— Пожалуйста, воткните эту штуку туда, — Райделл показал на розетку в неровной стене рядом с Мэри-Элис и протянул ей штепсель. Она поднесла его к самому носу, в недоумении поморгала, огляделась, увидела розетку. Воткнула в нее штепсель и повернулась в Райделлу, будто озадаченная тем, что только что сделала.

Человек с ножом принес с собой стул, поставил его у столика и сел напротив Мэри-Элис. Но никто не обратил на него внимания.

— Так, теперь вы, — обратилась к нему Мэри-Элис, украдкой бросив взгляд, чтобы проверить, в порядке ли ее корсаж, — вы, видимо, глава лэйбла, не так ли?

— Голова Гэйбла?

— Я это сразу поняла, — сказала Мэри-Элис.

Райделл услышал гудение проектора.

И в тот же момент появилась Рэи Тоэи, она

стала рядом с их столиком, и Райделл понял, что снова, всего на секунду, видел ее обнаженной, ее белая кожа сияла, и вот на ней уже красуется наряд, как на Мэри-Элис.

— Привет, — сказал Райделл.

— Отсосите досуха мне молокососом… — промолвила Мэри-Элис тихим от изумления голосом, уставясь на Рэи Тоэи. — Богом клянусь, я не видела, что вы тут стоите…

Человек с танто тоже смотрел на Рэи Тоэи, свечение ее голограммы отражалось в круглых линзах очков.

— Мы в ночном клубе, Берри Райделл?

— В баре, — уточнил Райделл.

— Резу нравились бары, — сказала она, с интересом разглядывая толпу. — У меня сложилось впечатление, что посетители баров только делают вид, будто разговаривают друг с другом, а на самом деле разговаривают сами с собой. Для того чтобы их высшая нервная деятельность слегка затухала в оздоровительных целях?

— Я просто балдею от вашего топа, — сказала Мэри-Элис.

— Меня зовут Рэи Тоэи.

— Мэри-Элис, — сказала Мэри-Элис, протянув ей руку. Идору сделала то же самое, ее рука про-

шла сквозь руку Мэри-Элис.

Мэри-Элис вздрогнула.

— Что-то я нынче вечером перебрала, — пробормотала она.

— Меня зовут Рэи Тоэи, — сказала идору человеку с танто.

— Добрый вечер.

— Я знаю, как вас зовут, — сказала она ему мягко. — Я очень многое знаю о вас. Вы удивительная личность.

Он спокойно смотрел на нее.

— Благодарю вас, — сказал он, наконец. — Мистер Райделл, как я понял, вы решили остаться здесь с друзьями?

— Ненадолго, — ответил Райделл. — Мне нужно кое-кому позвонить.

— Воля ваша, — сказал человек. Он повернулся, чтобы видеть вход, и в это время в двери стремительно вошел человек в шарфе и разом увидел всех.

"Лишние хлопоты", — подумал Райделл.

51. СМЫСЛ ЖИЗНИ

Лэйни особенно любил два токийских бара. В счастливый период своей работы на "Параган-Азия Дейта-флоу" — "Нервный персик", тихое местечко "посидеть и выпить" неподалеку от станции "Симо-Китадзава", и "Смысл жизни", бар для ценителей искусства, расположенный в подвале офисного здания в Аояме. Лэйни считал "Смысл жизни" баром для ценителей искусства по той причине, что он был украшен огромными черно-белыми снимками юных барышень, фотографирующих собственные промежности старомодными "зеркалками". Барышни на картинках выглядели так скромно, что требовалось время на осознание факта, чем они, собственно, занимаются. В основном они просто стояли на фоне людных городских пейзажей, положив свои камеры на мостовую, улыбались в объектив того, кто их фотографировал, и нажимали на дистанционный спуск. На них были надеты свитера и юбки в крупную клетку, и улыбались они невинно и старательно. Никто не объяснял Лэйни смысл фотографий, а ему самому не приходило в голову спрашивать, но он всегда был способен

оценить искусство, и сейчас он снова смотрел на эти снимки — благодаря любезности Петуха, который откуда-то знал, что Лэйни нравился тот бар в Аояме, и потому решил воспроизвести его в Городе-Крепости.

Как бы то ни было, Лэйни здесь уютнее, чем в парикмахерской из несовпадающей мозаики. Можно просто смотреть на этих барышень, на спокойные монохромные изображения шерстяных одежд, плоти и прочих городских текстур, и это его расслабляет. Хотя странное ощущение — сидеть в баре, когда твое тело отсутствует.

— Скромничают, — Петух говорит о Ливии и Пако. Они сумели взломать личные средства коммуникации Коди Харвуда. — Возможно, они физически внедрили некое устройство в коммуникационный спутник фирмы "Харвуд Левин". Нечто маленькое. Очень маленькое. Но как они смогли контролировать его? И как быстро оно смогло вызвать физические изменения в работе процессора на спутнике, чтобы его не засекли?

— Я уверен, что они нашли более красивое решение, — говорит Клаус, — но суть в том, что мне абсолютно безразлично какое. Доступ есть доступ. Способ доступа — академический вопрос. Важен сам факт, что мы взломали его "горячую

линию". Его "красный телефон".

— Да, и у вас есть склонность, так сказать, похвастаться, — говорит Лэйни. — Итак, мы знаем, что Харвуд впрыснул себе 5-SB, но мы не знаем, зачем, как он использует узловое восприятие. Кажется, вы убеждены, что это как-то связано с "Счастливым драконом" и поспешным запуском "Нанофакса".

— А вы — нет? — спрашивает Клаус. — "Нанофаксы" устанавливаются в "Счастливых драконах" во всем мире. Прямо сейчас. В буквальном смысле слова. Большинство из них установлено и находится в полной готовности.

— То есть скоро первый тайваньский игрушечный медведь будет послан по факсу из Де-Мойна 36 в Сиэтл 37? Что он надеется с этого получить?! — Лэйни устремляет взгляд на барышню с фото, которая ему особенно нравится, представляя, как ее палец нажимает на поршень дистанционного спуска в виде шприца для подкожных инъекций.

— Я думаю, он надеется получить сеть, — отзывается Петух. — Сама функция, пусть она служит всего лишь предлогом, на самом деле здесь ни при чем. На этом уровне всякая функция — только предлог. Нечто временное. Он мечтает создать

сеть. А потом решит, как ее использовать.

— Но остается главный вопрос: зачем ему все это нужно?! — не унимается Лэйни.

— Затем, что он живет между молотом и наковальней, — откликается Клаус. — Возможно, он самый богатый человек в мире и всегда опережает события. Он агент перемен и инвестировал гигантские деньги в статус-кво. Он олицетворяет парадоксальные уравнения. Слишком продвинутый, чтобы жить, слишком богатый, чтобы умереть. Понимаете?

— Нет, — отвечает Лэйни.

— Мы думаем, что, по сути, он такой же, как мы, — говорит Клаус. — Он хочет взломать реальность, но он — игрок глобального казино и, вне зависимости от результата игры, рискует всем человечеством, чего бы это ему ни стоило.

— Это вызывает восхищение, не так ли? — голос Петуха доносится из глубины замершего бэконовского крика.

Лэйни не может с ним согласиться.

Ему интересно, включает ли в себя скопированный Петухом "Смысл жизни" крохотный, на шесть персон, бар этажом ниже, — он слабо освещен, там сидишь под огромными фотографиями, сделанными самими барышнями: очень увели-

ченные треугольники белых женских трусиков, блестящих от желатиновой эмульсии.

— Я могу взглянуть на Харвуда через ваш "жучок"?

— Да, пока он не вычислил вас.

52. "МОЙ ДРУЖОК ВЕРНУЛСЯ"

Когда Шеветта жила на мосту, у нее был парень по имени Лоуэлл, который принимал "плясун".

У Лоуэлла был друг по прозвищу Коудс 38, которого звали так потому, что он запутывал коды сотовых телефонов и ноутбуков, и Святой Витт напомнил Шеветте этого Коудса. Коудсу она тоже не нравилась.

Шеветта терпеть не могла "плясун". Она терпеть не могла водиться с теми, кто им накачивался, потому что он делал их эгоистичными, самодовольными и при этом нервными, подозрительными, склонными к бредовым фантазиям: будто каждый хочет их "кинуть", что им врут и сговариваются за их спиной. И ей было особенно противно смотреть, как кто-нибудь принимает эту дрянь, втирает ее себе в десны — чистый ужас, от этого просто тошнило. Первым делом у них отекали губы, изо рта тянулась слюна, а они считали, что это прикольно. Больше всего она ненавидела "плясун" за то, что когда-то сама принимала его и даже сейчас, несмотря на то, что имела причины для ненависти, видя, как Святой Витт энергично массирует десны солидной дозой,

боролась с желанием выпросить у него кусочек.

Вот что имеют в виду, думала она, когда говорят, что эта штука коварна. Ведь ей попала лишь крупинка с поцелуем этого певца кантри, засунувшего ей в рот язык (ей пришло в голову, что если бы это был единственный способ его принимать, она бы никогда и не пробовала), и теперь подлые молекулы наркоты стучали ей по мозгам, хныча "хочу-хочу". А ведь она даже никогда не "сидела" на "плясуне" — с том смысле, в каком это понимали уличные торчки.

Как-то Карсон продюсировал для съемки "Реальности" историю стимуляторов, так что Шеветта знала, что "плясун" намного опаснее чистого крэка-кокаина. "Плясун" был менее беспощадным — в смысле полного улета, но она все равно лишь чудом сумела не вляпаться, зависая с Лоуэллом. Лоуэлл любил объяснять — детально и очень долго, — как режим приема "плясуна" поможет ему оптимизировать свое функционирование в мире и не приведет к такой отвратительной штуке, как привыкание. Типа надо просто-напросто знать, как это делать, и когда это делать, и, самое важное, зачем это делать. Мощные вещества вроде этого, доказывал Лоуэлл, существуют вовсе не для того, чтобы подрочить и расслабиться, ко-

гда приспичит. "Плясун" создан затем, чтобы ты мог делать дела. Он дает тебе энергию, говорил он, чтобы ты делал дела и, что круче всего, был способен заканчивать их.

Все было правильно, только Лоуэлл под "плясуном" в основном хотел заниматься сексом, но из-за того же "плясуна" не мог кончить. Что, с точки зрения Шеветты, было и неплохо, потому что в противном случае он обычно кончал очень быстро. В сюжете "Реальности" говорилось, что "плясун" позволяет мужчинам испытывать что-то вроде женского оргазма, вроде продолжительного крещендо.

"Плясун" был убийственной дрянью, валившей с ног и в прямом смысле в одну постель. Незнакомые люди, вместе приняв "плясун", — если был хоть намек на взаимную симпатию, были склонны решать, что это, в принципе, замечательная идея, которую нужно немедленно воплотить, но только при условии, что обе стороны согласны были заниматься этим в буквальном смысле чуть ли не до смерти.

И они действительно умирали: сердца прекращали биться, легкие — дышать, выгорали жизненно важные участки мозга. Люди убивали друг друга, обезумев от дряни, а потом убивали

уже хладнокровно, чтобы достать еще.

Это было зловещее вещество.

— У тебя еще хоть немного осталось? — спросила Шеветта Святого Витта, который вытирал слюнявые уголки рта какой-то ветошкой в коричневых пятнах ссохшейся крови.

Вид Святого Витта в узких очках был устрашающим.

— Шутишь, что ли? — сказал он ей.

— Да, — сказала Шеветта, отпихнув табуретку, — шучу. — Должно быть уже ночь.

И как она только подумала об этом? Она чувствовала хриплое дыхание парня в звуковой кабинке.

— Снято, — сказала Тесса, стягивая очки. — Народ расходится. Шеветта, помоги собрать камеры.

Святой Витт ухмыльнулся. От удовольствия, что не только он должен тут вкалывать, подумала Шеветта.

— Выходит, Карсона ты не видела? — спросила Шеветта, прильнув к окошку. Редеющую толпу, увиденную сверху, можно было описать чем-то вроде логарифмической функции, беспорядочной и рассеивающейся.

— Карсона?

Прямо перед сценой она увидела Бьюэлла Кридмора, беседующего с высоким парнем в черной куртке, он стоял спиной к будке. Потом верзила гитарист в помятой ковбойской шляпе спрыгнул со сцены и задал Кридмору взбучку. Тот пытался возражать, заткнулся, потом еще раз огрызнулся. Гитарист отвернулся и пошел прочь. Шеветта смотрела, как Кридмор что-то опять говорит тому высокому, махнув рукой в сторону будки, парень повернулся и пошел к будке — лица его было не видно из-за провисшего черного кабеля.

— Он недавно здесь был, — сказала Шеветта. — Вот почему я целовалась с тем дураком и еле ноги унесла. Ты не удивилась?

Тесса уставилась на нее.

— Откровенно говоря, да. Но я подумала, что, возможно, просто узнала о тебе что-то новое. — Она рассмеялась. — Уверена, что это был именно он?

— Это был он, Тесса.

— Откуда он знает, что мы здесь, на мосту?

— А может, ему в кондоминиуме сказали? Ты там много трепалась о своей "документалке".

— Может быть, — сказал Тесса, теряя интерес. — Помоги-ка мне лучше поймать платформы, ладно? — она протянула Шеветте четыре ней-

лоновых поводка, на концах которых имелись петли и металлическая прищепка.

— Слушай, — сказала Шеветта, — я не хочу до утра торчать в "Когнитивных диссидентах". Тебе, наверное, тоже не хочется. Я сейчас видела, как этот твой новый приятель втер себе в десны столько "плясуна", что запросто оседлает мула.

— Шеветта, — сказала Тесса, — мы забрались на мост, чтобы свидетельствовать, помнишь? Мы теперь маргиналы.

Святой Витт противно хихикнул.

— Тесса, пойдем спать, пожалуйста. Где твой фургон?

— Там, где мы его припарковали.

— А как ты доставила сюда свои воздушные шарики?

— Элмор, — сказала Тесса, — у него есть одна из этих кепочек, и вездеход в придачу.

— Постарайся его отыскать, — сказала Шеветта, спускаясь по лесенке. — Будет неплохо, если он нас подбросит.

Шеветта на самом деле не знала, какие силы способны заставить Тессу забыть о "Когнитивных диссидентах". В худшем случае ей все же придется туда пойти, хотя бы для того, чтобы Тесса не пострадала. "Диссиденты" и так были суровым

испытанием, а уж если ты головой зароешься в видеошлем…

Она спустилась по лесенке и вышла на середину зала, куда под управлением Тессы уже спускалась "Маленькая Игрушка Бога". Она дотянулась до нее, пристегнула поводок и повернулась, чтобы махнуть Тессе, сидящей в звуковой будке, мол, можно спускать остальные камеры.

И еще не осознав, что происходит, она поняла, что смотрит — бесконечно долгие секунды, как во сне, — в глаза Карсона, и тут он ударил ее.

Изо всех сил, прямо в лицо, точно так же, как тогда, в первый раз, и она снова увидела разноцветные искры, как обратный кадр, увидела, как навзничь падает на большую кушетку в его мансарде, кровь течет из носа, и ей не верится, что это сделал он.

Вот только сейчас она отлетела и врезалась в парочку припозднившихся зрителей, которые поймали ее, воскликнув "Хей, оп!" — и Карсон снова настиг ее, крепко захватив пятерней Скиннерову куртку…

— Эй, приятель, — сказал один из мужиков, поймавших ее, и выставил вперед руку с растопыренными пальцами, словно пытаясь блокировать второй удар, который Карсон собрался ей нане-

сти с таким же спокойным и серьезным лицом, какое она видела у него в монтажной канала "Реальность". И, посмотрев в глаза Карсона, она не увидела в них ничего похожего на гнев или ненависть — только абстрактную и даже в чем-то техническую необходимость удара.

Карсон попробовал ударить ее снова: удар пришелся по руке добровольного защитника, тот заорал. Это дало Шеветте возможность вырваться из его рук.

Она прошла шага два и потрясла головой — в голове сильно шумело. С глазами тоже было не в порядке.

Карсон снова двинулся на нее, не изменившись в лице, и в это мгновение она поняла, что на самом деле не знает, ни кто он такой, ни что с ним происходит.

— До тебя в тот раз просто не дошло, не так ли? — сказал он, а может, ей только почудилось, что он это сказал; она чувствовала, как из распухшего глаза по щеке текут слезы, и слышала звон в голове.

Она отступила на шаг. Он придвинулся.

— До тебя в тот раз не дошло.

Вдруг чья-то рука опустилась ему на плечо и развернула его. Вслед за этим Карсон мгновенно

был сбит с ног. Шеветта не успела опомниться.

Это был Райделл.

Не может быть.

И все-таки это был он.

Райделл в своей нейлоновой куртке охранника, с изумлением глядящий на нее.

Наверное, я сплю, подумала Шеветта, без сомнения это был сон, и она почувствовала невероятное облегчение, потому что жизнь обретет смысл, когда она проснется.

Карсон там временем заворочался на полу, поднялся на колени, отряхнулся, смахнув пепел от сигареты с рукава куртки, и замахнулся было, чтобы врезать Райделлу в живот; Райделл попробовал увернулся, но кулак Карсона прошелся ему по ребрам, а не в солнечное сплетение.

Райделл, испустив вопль от острой невыносимой боли, согнулся пополам.

...И именно тогда парень в черной спортивной кожаной куртке, какие носят гонщики, постриженный военным "ежиком", в черном шарфе, завязанном высоко на шее, парень, которого Шеветта до этого ни разу не видела, возник перед Карсоном.

— Ошибочка, — послышалось ей, сказал этот парень. Он что-то извлек из кармана, проговорив:

— На тебя не рассчитывали.

И выстрелил в Карсона, прямо в упор, не целясь.

Звук был негромким, совсем негромким, больше похожим на выстрел большого пневматического гвоздомета, в сопровождении желто-синей вспышки, и Шеветта впоследствии никак не могла с уверенность сказать, что видела это, хотя и знала, что видела: Карсона отбросили в сторону целые тысячи футов энергии, жаждавших успокоиться в его теле.

Картина эта не закрепилась в памяти, она смазалась, о чем Шеветта не сожалела.

А еще она была благодарна, хотя совсем по другим причинам, Тессе, которая из звуковой будки под потолком вырубила свет.

53.
"ЗНАЕШЬ, Я НЕ МОГУ ТЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ ВЫСКОЛЬЗНУТЬ ИЗ МОИХ ОБЪЯТИЙ"

Райделл понял, что это за хлопок: инфразвуковая пуля, через глушитель, который тормозит ее, выпуская излишки расширяющихся газов вспыхнувшего заряда, но начальная скорость все равно остается достаточной, и сила удара в точке попадания...

Он понял это, несмотря на острую боль в боку, будто ему засунули раскаленное железо между ребер; понял, несмотря на шок (он в буквальном смысле слова был в шоке, даже в нескольких смыслах) от встречи с Шеветтой (этим новым вариантом Шеветты, с совсем другой стрижкой — примерно такой он всегда представлял ее). Он понял это в темноте, наступившей после смерти (вне всяких сомнений) этого мужика — кем бы он ни был, — который пришел за Шеветтиной душой, которого он свалил с ног и который встал и, судя по всему, вогнал часть его сломанного ребра в диафрагму. Райделл узнал этот звук, и он зацепил его — по той весьма специфической

причине, что звук этот значил: "шарф" — тренированный профессионал, не какой-нибудь ресторанный espontaneo 39.

В первые мгновения темноты Райделл понял, что у него есть шанс: если "шарф" действительно был профи, то шанс имелся. Пьяница, псих, любой обычный бандюга в кромешной тьме бара стал бы палить наугад. Профи всегда постарается свести на нет случайность.

Случайный фактор был довольно высок: шум все еще не разошедшейся толпы, крик Шеветты. Толпа визжала, напирала и билась, чтобы протиснуться в двери. Райделл понял, что дело плохо и чревато последствиями; одно время он подрабатывал охранником на концертах и видел, как трупы счищают с барьеров.

Он старался стоять потверже, уговаривая боль немного уняться, и стал ждать следующей атаки "шарфа".

Куда делась Рэи Тоэи? Она должна была высветиться во тьме, как сияющая вывеска кинотеатра.

Но она появилась, светящимся столбиком взмыв из-за плеча Райделла и ринувшись туда, где стоял "шарф", — больше похожая на комету, чем на фею, и угрожающе светясь. Она два-

жды стремительно обогнула голову "шарфа", и Райделл увидел, как тот отбивается от нее пистолетом. Словно шар серебристого света, она двигалась так быстро, что в глазах Райделла рябило. "Шарф" пригнулся, когда она влетела ему прямо в глаза; он завертелся на месте и ринулся влево. Райделл завороженно смотрел, как шар, слегка разгоревшись, со свистом несется по периметру бара, будто холодная бледная шаровая молния; люди стонали, ахали и визжали, когда она пролетала над ними. Над свалкой у самых дверей, там несколько человек уже валялись без сознания; а Шеветты не было видно.

Рэи-сфера нырнула вниз, на середину бара, и Райделл увидел Шеветту, на четвереньках ползущую к двери. Он бросился к ней, хромая, его ребро, казалось, вот-вот лопнет от боли, нагнулся, схватил ее и рывком поставил на ноги. Она вырывалась.

— Это я, — нереальность происходящего его потрясала — он снова встретил ее здесь, на мосту, при таких обстоятельствах, — это я, Райделл.

— Какого хрена ты здесь делаешь, Райделл?

— Убираюсь вон.

Еще одна яркая вспышка и "фьють!" гвоздомета совпали во времени. Райделлу показалось, что

пуля свистнула рядом с его головой на долю секунды раньше. Мгновенным ответом на выстрел были тугие сгустки света, один за другим застрочившие за его спиной. Из проектора, догадался он, и, видимо, прямо в глаза "шарфу".

Райделл схватил Шеветту за руку и потащил за собой по полу; выделившийся адреналин заглушил боль в боку. Яркий поток света из проектора осветил часть стенки справа от двери. Райделл взмолился, чтобы стенка оказалась фанерной и не слишком твердой, выхватил из кармана кнопарь, нажал кнопку и, размахнувшись, вогнал лезвие в стенку прямо перед собой. Нож ушел вглубь по самую рукоятку, он рванул его вправо и вниз, слыша странный тихий звук рассекаемых древесных волокон. Он разрезал стенку на несколько футов вниз, повернул нож влево и успел прорезать почти до исходной точки, когда раздался стеклянный "тинк!" лопнувшей керамики.

— Ударь сюда, — сказал он, стукнув по центру незаконченной дырки обломком лезвия. — Упрись в меня спиной и пинай!

И Шеветта пнула. Она умела пинаться, как мул. Со второй попытки стенка подалась, он подтолкнул Шеветту вверх и наружу, стараясь не кричать

от боли. Он так и не понял, как ему удалось превозмочь боль, но он это сделал, ожидая, что в любую секунду в него угодит одна из чертовых инфразвуковых пуль.

Снаружи у двери несколько человек лежали в отключке, другие, встав на колени, пытались им помочь.

— Сюда! — крикнул он, захромав по пандусу в сторону "Счастливого дракона". Но Шеветты рядом не было. Он развернулся и увидел, что она направилась в противоположную сторону.

— Шеветта!

Он пустился за ней, но она и не думала останавливаться.

— Шеветта!

Она обернулась. Ее правый глаз заплыл синяком и слезился; левый был невидящим и сумасшедшим. Словно она видела, Райделла, но не понимала, кто он.

— Райделл?

И хотя он все это время думал о ней, вспоминал, увидеть ее сейчас лицом к лицу было чем-то совсем иным: он узнавал ее прямой носик, линию подбородка и губы.

— Все нормально, — сказал он, у него не было больше слов.

— Это не сон?

— Нет, — сказал он.

— Они застрелили Карсона. Кто-то убил его. Я видела, как кто-то выстрелил в него.

— Да кто он такой? Почему он ударил тебя?

— Он был… — она запнулась, прикусив нижнюю губу. — Просто парнем, с которым я недавно жила. В Эл-Эй.

— Ага, — сказал Райделл; он понял пока одно: "шарф" только что застрелил парня Шеветты.

— В смысле, я с ним больше не живу. Теперь уже нет. Он преследовал меня, но, Господи, Райделл, почему этот тип… вот так вот просто пристрелил его?!

Потому что он преследовал меня, подумал Райделл. Потому что он хотел запугать меня и думал, что я тут же сдамся. Но Райделл не стал ей этого говорить. Вместо этого он сказал:

— Тот тип с пистолетом будет искать меня. И не только он. Это значит, что тебе не нужно быть рядом со мной, когда он меня отыщет.

— Зачем ты ему?

— Затем, что у меня есть одна вещь… — но этой вещи у него не было; он оставил проектор в баре.

— Ты что, меня там искал, что ли?

Я искал тебя с тех самых пор, как ты вышла за

дверь. Я каждый день прочесывал дебри этой неспящей Вселенной со слабой надеждой найти тебя. И каждый день я находил пустоту, и ни разу, никогда — тебя. В памяти его раздался звук, с которым камешки плюхались в полимерную стену за "Счастливым драконом" на Сансет-стрип. Мимо, мимо…

— Нет, — сказал он. — Я здесь просто работаю. Частное расследование для человека по фамилии Лэйни.

Она не поверила ему.

— Карсон загнал меня сюда, на мост. Я не хотела быть с ним. А теперь вот — ты. Что происходит?

Лэйни говорит, что это конец света.

— Я просто здесь, Шеветта. И ты — просто здесь. А теперь мне нужно идти…

— Куда?

— Обратно в бар. Я забыл там одну штуковину. Это важно.

— Не ходи туда!

— Я должен.

— Райделл, — сказала она, ее стало трясти, — ты… ты… — и она посмотрела на свои руки, ладони которых были в чем-то темном. И он увидел, что это кровь, и понял, что это кровь ее парня. Она зарыдала и начала тереть ладони о джинсы,

чтобы избавиться от нее.

— Мистер Райделл?

Это был человек с танто, бережно державший, будто младенца, на сгибе локтя райделловский вещмешок.

— Мистер Райделл, я полагаю, что с вашей стороны будет неблагоразумно пытаться покинуть мост. Оцепление почти наверняка уже выставили, и они скорее застрелят вас, чем дадут вам уйти. — Мертвенно-бледный свет флуоресцентных ламп, свисавших сверху рядами, мерцал в его круглых линзах; на Райделла смотрел сухопарый, собранный человек, глаза его ничего не выражали. — Вы вместе с этой юной дамой?

— Да, — сказал Райделл.

— Мы должны двигаться в сторону Окленда, — сказал человек, вручая Райделлу вещмешок, солидную тяжесть проектора. Райделл надеялся, что человек захватил с собой и сетевой кабель. — В противном случае они обгонят нас и отрежут нам отступление.

Райделл повернулся к Шеветте:

— Может, они не видели, что мы вместе. Ты спокойно можешь уйти.

— Я бы не советовал, — сказал человек. — Я видел вас вместе. Они, скорее всего, тоже.

Шеветта смотрела на Райделла снизу вверх.

— Каждый раз, когда ты появляешься в моей жизни, Райделл, я попадаю… — она скорчила рожу.

— …в дерьмо, — закончил за нее Райделл.

54. ОТНЮДЬ НЕ ВСЕМУ СУЖДЕНО СЛУЧИТЬСЯ

Наручный будильник "Гансмит Кэтс", приклеенный скотчем к стенке коробки Лэйни, уносит его домой из Города-Крепости. Будильник жужжит, объявляя о неизбежном приходе Костюма. У Костюма нет своих наручных часов, но он безжалостно пунктуален, его регулярные прогулки проверяются по часам подземки, которые, в свою очередь, подводятся по радио автоматическими часами в Нагое.

Лэйни чувствует вкус крови. Он уже давненько не чистил зубы, они ему кажутся чужими и неровными. Он сплевывает в бутылку, для этого предназначенную, и пытается оценить свои силы для посещения туалета, ему важно следить за собой. Чувствует щетину, отросшую на щеках, и вычисляет усилие, необходимое для ее устранения. Он мог бы потребовать, чтобы Костюм раздобыл одноразовую электробритву, но на самом деле предпочел бы станок. Он один из мужчин, никогда не отращивающих бороду, даже случайно. (И теперь внутренний голос, который

он, в лучшем случае, игнорирует, намекает ему: бороды уже не отрастить.)

Он слышит, как старик в соседней коробке что-то говорит по-японски, и понимает, что Костюм уже прибыл. Он задумывается, какой трансформер старик собирает в данный момент, и тут же видит внутренним взором — с галлюцинаторной четкостью, — как последние мазки краски ложатся на трансформер — копию Колина Лэйни.

Этот Лэйни изготовлен из пластиковых деталей, производимых ограниченными партиями только для самых серьезных коллекционеров — отаку 40 сборки пластиковых моделей, и потому отлит из полистирола тошнотворного розовато-лилового цвета. Пластик, используемый в конструкторах-самовалах, имеет, как правило, отвратительные оттенки, так как производители знают, что собранные из деталей модели будут затем окрашиваться.

Модель Лэйни, которую расписывает старик, — это молодой Лэйни, Лэйни лос-анджелесских времен, когда он работал "количественным аналитиком" на "Слитскан", таблоидном телешоу беспрецедентной порочности; этот Лэйни носит одежду от паданского дизайнера и щеголяет очень дорогими солнцезащитными очками,

оправу которых — прямо сейчас! — серебром прорисовывает самая тонкая соболиная кисточка старика, кисточка едва ли толще волоса.

Сон прерывается появлением Костюма, его прическа похожа на отлитый из пластика помпадур 41, будто на старинном манекене. Лэйни, скорее, чувствует, нежели видит, с какой аккуратностью Костюм в последний раз починил черную оправу своих очков, и когда он вползает внутрь под пологом дынно-желтого одеяла, от костюма Костюма несет плесенью. Странно, что запах теплого тела создает ощущение холода, но Костюм пахнет именно так.

Костюм несет Лэйни новую порцию сиропа от кашля, новую порцию "Восстановителя", несколько больших шоколадных батончиков с сукразитом 42 и кофеином и двухлитровую бутылку обычной колы. Выкрашенная манишка Костюма слабо мерцает, будто цифры наручных часов у водолаза в глубине неосвещенного колодца, а может, жертвенного кенотафа. Лэйни на мгновение подхватывается потоком смутных обрывистых воспоминаний об отпуске на Юкатане.

Что-то случилось, думает Лэйни; что-то случилось с моими глазами, потому что теперь рубашка

Костюма сияет светом тысячи солнц, а все остальное черным-черно, как старые негативы. Но он находит в себе силы отдать Костюму два новых дебитных чипа, которые невозможно выследить, и даже кивает в ответ на приличный наемному работнику поспешный короткий поклон среди спальных мешков и конфетных оберток. Костюм уходит в своей светящейся рубашке; вне всяких сомнений, это был артефакт того непонятного процесса, который Лэйни должен изучить.

Лэйни высасывает половину бутылочки сиропа, жует и проглатывает кусочек шоколадного батончика и запивает все это большим глотком теплой колы.

Он закрывает глаза, и, еще до того, как надевает шлем, ему кажется, что его поглощает поток данных.

Он моментально ощущает присутствие Ливии и Пако, показывающих ему направление. Они не тратят время на разговоры и представление, но он узнает их по особому почерку, стилю навигации. Он позволяет им унести себя туда, куда им угодно, и, конечно же, не жалеет об этом.

Ромб раскрывается перед ним.

Он видит сверху очень большую комнату, полагает, что это офис Харвуда в Сан-Франциско,

видит Харвуда, сидящего за широким, темного дерева столом, уставленным архитектурными моделями и стопками распечаток. Харвуд держит в руке телефон.

— Да, это абсурдный запуск, — говорит Харвуд, — но, с другой стороны, это дурацкий вид услуг. Система будет работать, потому что она не нужна, понимаете? Она слишком дурацкая, чтобы не сработать.

Лэйни не слышит ответа и делает вывод, что Ливия и Пако взломали камеру слежения в офисе Харвуда. Аудиосигнал — звук реального окружения, а не отводка от телефонной линии.

Харвуд закатывает глаза.

— Люди очарованы бессмысленностью услуги. Вот что их привлекает. Да, это безумно, но это весело. Вы хотите послать игрушку своему племяннику в Хьюстон, а сами в Париже: покупаете, несете в "Счастливый дракон", и игрушка копируется с точностью до молекулы в хьюстоновском "Драконе"… Что? Что происходит с игрушкой, купленной вами в Париже? Оставьте ее себе. Отдайте кому хотите. Разорвите на части, вы, занудная, примитивная сука. Что? Что вы, нет. Нет, Норико, мне очень жаль, но это, должно быть, выходки вашей программы-переводчика. Как вы

только могли подумать, что я способен на такое? — Харвуд смотрит перед собой с выражением непередаваемой скуки. — Конечно, я хочу дать интервью. Да это же эксклюзив, в конце концов! Я сразу подумал о вас. — Харвуд улыбается, успокаивая журналистку, но улыбка исчезает в тот же миг, когда она задает свой следующий вопрос.

— Люди боятся нанотехнологии, Норико. Мы знаем об этом. Даже в Токио семнадцать целых восемь десятых процента вашего удивительно технофетишистского населения по сей день отказываются принять нанотехнологическую нишу. Здесь, на побережье, ярким примером является Малибу, где произошла очень серьезная биотехнологическая катастрофа, — впрочем, никак не связанная с нанотехнологией. Вода там сейчас очищается комплексом трех видов специальных водорослей, но местные жители почему-то убеждены, что пляжи кишат невидимыми нанороботами, готовыми активно внедриться в вашу сморщенную норку. Что? Неприязненная кошка? Нет. Что-то случилось с вашим программным обеспечением, Норико. И я надеюсь, что вы просто стенографируете, потому что мы договаривались об интервью без записи. Если хоть одно мое слово вообще появится в записанной форме,

больше вам интервью не видать. Что? Прекрасно. Рад, что вы понимаете. — Харвуд беззвучно зевает. — Последний вопрос, пожалуйста.

Харвуд слушает, поджав губы.

— Потому что "Счастливый дракон" создан в целях удобства. "Счастливый дракон" существует для того, чтобы люди имели возможность купить те вещи, которые им на самом деле нужны, и тогда, когда они им нужны, — двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. В то же время "Счастливый дракон" существует для развлечений. Люди с удовольствием будут пользоваться этими устройствами. Мы провели достаточно много исследований и поэтому знаем, что на самом деле не знаем, какое именно применение этой технологии найдут покупатели "Счастливого дракона", но это тоже весело.

Харвуд исследовал закоулки своей левой ноздри ногтем мизинца, но, по всей видимости, не нашел там ничего интересного.

— Поцелуй мой член, — сказал он. — Что-о? "Поцелуй — моя составная часть"? Я так не думаю, Норико, но на вашем месте я бы проверил эту вашу программу. Да. Всего наилучшего.

Харвуд кладет телефонную трубку, взгляд его сосредоточен. Телефон звонит. Он берет трубку,

слушает. Хмурится.

— Почему это не удивляет меня? Почему это совсем не удивляет меня? — Лэйни кажется, что Харвуд готов рассмеяться. — Ну что же, вы можете попытаться. Несомненно, можете. Пожалуйста, попытайтесь. Но если у вас не получится, тогда он убьет вас. Всех. До единого. Но я не должен из-за этого волноваться, не так ли? Потому что у меня есть ваш буклет, и это действительно чудесный буклет — женевская типография, роскошное оформление, полноцветная печать, огромный тираж — это издание убеждает меня, что я нанял лучших, самых лучших. Я убежден, что самые лучшие — вы. Мы провели сравнительный анализ рынка. Но я знаю также, что он — это он. И да поможет вам Бог.

Харвуд дал отбой.

Лэйни чувствует, что Ливия и Пако дергают его, торопят куда-то в другое место.

Он хочет остаться с Харвудом: расположиться бы друг против друга за этим столом и поделиться своим восприятием. Он был бы счастлив, к примеру, услышать, как Харвуд интерпретирует узловую точку тысяча девятьсот одиннадцатого года. Он хотел бы обсудить с Харвудом запуск "драконовских" нанофаксов. Он представляет,

как отправляет (хотя этот термин здесь не годится) копию Лэйни, собранного из деталей, — вот только куда, да и кому?

Ливия и Пако тянут его туда, где это разрастается, и Лэйни видит, что оно изменилось. Ему интересно, давно ли Харвуд не рассматривал образ нового мира, — если, конечно, какой-то мир действительно может быть назван новым. Он спрашивает себя, будет ли у него шанс пообщаться с Харвудом? Он сомневается в этом.

Отнюдь не всему суждено случиться, напоминает он себе.

Но этому — суждено, откликается тихий спокойный голосок смерти.

Поцелуй мой член, отвечает ей Лэйни.

55. ТАЛАНТЛИВАЯ МОЛОДЕЖЬ

Позднее Фонтейн вспоминал, что, когда он проснулся, услышав за дверью какую-то возню, подумал не о своем "смит-и-вессоне", а о русском чейн-гане 43, спрятанном под слой штукатурки в марле, пропитанной гипсом добрых четыре месяца назад, — с глаз долой.

И удивлялся, почему, интересно, он сразу подумал об этой на редкость уродливой штуке, когда до его сознания дошло, что кто-то требовательно стучит в застекленную дверь.

— Фонтейн! — театральный шепот.

— Боже правый, — сказал Фонтейн, спустив ноги на пол. Он протер глаза и покосился на светящиеся стрелки бездушного черного кварцевого японского будильника, вроде как подарка Клариссы, которая любила подчеркивать, что Фонтейн частенько опаздывает, особенно платить алименты, хотя и владеет таким количеством старых часов.

Он и часа не спал.

— Фонтейн! — шепот женский, да, но не Клариссы.

Фонтейн натянул штаны, ноги ощутили непри-

ятный холодок расхлябанных ботинок и взял свой "кит ган".

— Я буду говорить, что действовал в целях самозащиты, — сказал он себе, поглядев, что его загадочный мальчишка спит, беспечно развалившись на походной подушке и громко посапывая во сне.

Шаркая ботинками, он подошел к двери и увидел лицо скиннеровской девчонки. Под глазом у нее был здоровенный фингал, одежда грязная, и сама она очень испугана.

— Это я, Шеветта! — скребет по стеклу.

— Дорогая, не надо бить мои чертовы окна. — Фонтейн держал пушку за спиной, чтобы не вызвать ее подозрения, — как обычно он говорил через дверь, — тут он заметил, что девчонка была не одна; за нею стояли двое белых мужчин — один здоровенный русоволосый, похожий на копа, другой же напомнил ему профессора музыки, с которым он был знаком в Кливленде с полвека назад. Вид профессора вызвал у Фонтейна мурашки, хотя он не мог понять почему. Уж больно спокойный вид.

— Шеветта, — сказал Фонтейн, — я сплю.

— Нам нужна помощь.

— Кому это "нам"?

— Это вот Райделл, — сказала она. — Помнишь его?

Фонтейн вспомнил, хотя и смутно: парень, с которым она свалила в Лос-Анджелес.

— Райделл — и?..

Она хотела было ответить, замешкалась, растерянно оглянулась.

— Друг, — не очень убедительно сказал верзила, названный Райделлом. Он прижимал к себе дешевенький мешок на шнуровке, в котором, казалось, лежит большой термос, а может, и портативная рисоварка. (Фонтейн надеялся, что все это не окажется очередной сценой, когда его по ошибке принимали за владельца ломбарда.)

— Впусти нас, Фонтейн. У нас неприятности.

"Сейчас вы, наверное, сами ходячие неприятности, — подумал Фонтейн, — а иначе почему у тебя такой страшный фингал?" Он начал отпирать дверь, обратив внимание на то, что Шеветта вертит по сторонам головой, будто опасаясь нежелательных попутчиков. Этот похожий на копа Райделл тоже оглядывался. Профессор же пристально смотрел на него, на Фонтейна, и Фонтейн был рад, что держит в кармане "кит ган".

— Запирай дверь, — сказала Шеветта, войдя, наконец, в сопровождении Райделла и профессора.

— Не уверен, что хочу ее запирать, — заметил Фонтейн. — Может, я захочу вам на нее показать.

— Показать на дверь мне?

— Вам. Это слово во множественном числе. Показать вам на дверь. Следите за ходом мысли? Я спал.

— Фонтейн, на мосту полно людей с пушками!

— Конечно, полно, — ответил Фонтейн, трогая пальцем насечки на маленьком самовзводном бойке.

Профессор молча затворил дверь.

— Эй! — протестуя, воскликнул Фонтейн.

— Отсюда есть другой выход? — спросил профессор, глядел на засовы.

— Нет, — сказал Фонтейн.

Профессор осмотрелся, стена, возле которой спал мальчик, навела его на мысль.

— За той стеной — обрыв?

— Верно, — сказал Фонтейн, чувствуя странную обиду от того, что этот человек с такой легкостью получил у него информацию.

— А над вами никто не живет? — человек глянул вверх, на крашеный фанерный потолок лавки.

— Честно говоря, не знаю, — признался Фонтейн. — Если кто и живет, то очень уж тихо.

Никогда их не слышал.

У этого копа Райделла, кажется, были проблемы. Он кое-как дотащился до застекленной витрины и со стуком поставил на нее вещмешок.

— Эй, слушай, ты же не хочешь сломать мне витрину?

Райделл обернулся, держась рукой за бок:

— Есть пластырь, широкий?

У Фонтейна, конечно, была аптечка для оказания первой помощи, но в ней не было ничего полезного. Там была парочка марлевых повязок производства аж 1978 года и хитроумная глазная повязка, с инструкцией вроде на финском.

— У меня есть электролента, — ответил Фонтейн.

— Что это?

— Эластичная лента. Серебристая, знаешь? Хорошо липнет к коже. Подойдет?

Райделл с трудом снял черную нейлоновую куртку и неуклюже, одной рукой, начал возиться с пуговицами измятой джинсовой рубашки. Девчонка бросилась помогать, и, когда она стянула с него рубашку, Фонтейн увидел серо-желтый свежий синяк. Плохой синяк.

— У вас что, авария? — он затолкал "смит-и-вессон" в карман штанов, не очень-то безопасный

тайник, но удобный, учитывая обстоятельства. Потертое ореховое дерево рукоятки торчало наружу как раз настолько, чтобы было сподручно выхватить пистолет, если понадобится. Он достал катушку с лентой из верхней выдвижной секции старого металлического ящика для картотеки. Отмотал примерно фут; лента отошла с характерным звуком.

— Хочешь, наклею тебе эту штуку? Я клеил ею боксеров в Чикаго. На ринге, знаешь?

— Пожалуйста, — сказал Райделл и, сморщившись, поднял руку с ушибленной стороны.

Фонтейн оторвал отмотанный кусок ленты и осмотрел ребра Райделла.

— Эта лента — мистическая, понятно? — он резко, со щелчком растянул ее руками, повернув темной, клеящей стороной к Райделлу.

— Почему это? — спросил Райделл.

— Потому что у нее есть темная сторона… — Фонтейн продемонстрировал, — и светлая сторона… — он показал серебристую тусклую изнанку, — и она не дает Вселенной распасться на части.

Райделл завопил было, когда лента приклеилась, но сдержался.

— Дыши, — сказал Фонтейн. — Дети есть?

— Нет, — выдавил Райделл.

— Ну, — сказал Фонтейн, готовя следующий кусок, подлиннее, — ты должен сейчас подышать точно так, как приказывают бабам, когда у них схватки. Итак: выдыхай…

Процесс пошел быстрее, и, покончив с перевязкой, Фонтейн смотрел, как Райделл застегивает пуговицы сразу обеими руками.

— Добрый вечер! — внезапно сказал профессор; услышав, Фонтейн обернулся, все еще держа катушку с лентой в руках, и увидел, что мальчик уже не спит — сидит, широко распахнув свои карие невидящие глаза, и таращится на человека в серо-зеленом пальто. — Хорошо выглядишь. Это твой дом?

Что-то шевельнулось в глубине глаз мальчика, посмотрело и втянулось обратно.

— Вы что, знакомы? — спросил Фонтейн.

— Мы встретились вчера поздно вечером, — ответил профессор. — Здесь, на мосту.

— Минуточку, — сказал Фонтейн. — Он стянул у вас часы?

Человек обернулся и без выражения молча уставился на Фонтейна.

Фонтейн почувствовал угрызения совести.

— Все в порядке, — сказал он. — Я их просто

спрятал, чтобы он не сломал.

— Понял.

— Это чудесные часы, — сказал Фонтейн. — Где вы их достали?

— В Сингапуре.

Фонтейн перевел взгляд с продолговатого лица человека, который, скорее всего, вовсе не был профессором музыки, на ничего не выражающее лицо мальчишки.

— Я вижу, вы прячете пистолет в кармане, — сказал человек.

— Я просто рад вас видеть, — сказал Фонтейн, но никто не засмеялся.

— Каков калибр пистолета?

— Двадцать второй.

— Длина ствола?

— Четыре дюйма. Не для прицельной стрельбы, — сказал Фонтейн, — но для ствола в четыре дюйма бьет вполне точно.

От того допроса он сильно занервничал, ему захотелось почувствовать пистолет в руке, и в то же время ему было ясно, что если он дотронется до него, что-то непременно случится. Непременно.

— Дайте его мне, — сказал человек.

— Забудьте об этом, — ответил Фонтейн.

— Этой ночью неустановленное число воору-

женных людей разыскивают мистера Райделла. Они хотели бы поймать его живым и допросить, но, несомненно, убьют его, если он попытается скрыться. Они убьют всех, кто окажется рядом с ним. Для них это, так сказать, просто принцип ведения хозяйства. Вы понимаете?

— А кто они?

— "Талантливая молодежь", — сказал человек.

— Что?

— Они — наемные убийцы, которым платит некто, считающий мистера Райделла наемником конкурента, то есть врага.

Фонтейн уставился на человека.

— Зачем вам мой пистолет?

— Чтобы уложить как можно больше этих людей.

— Я не знаю, кто вы, — сказал Фонтейн.

— Верно, — сказал человек, — вы не знаете.

— Дурдом… — Фонтейн посмотрел на Шеветту. — Ты знаешь этого человека?

— Нет, — сказала Шеветта.

— А ты, Райделл? Ты его знаешь?

Райделл перевел взгляд с Фонтейна на человека, снова на Фонтейна.

— Нет, — сказал Райделл, — но знаете…

— Что?

— Я бы отдал ему пистолет.

— Почему?

— Я не знаю, — ответил Райделл изменившимся голосом, — просто знаю, что я бы отдал.

— Дурдом!.. — сказал Фонтейн, повторяясь, внезапно охрипнув. — Ну и ну, Шеветта! Зачем ты сюда пришла? Привела ко мне этих людей...

— Райделл не мог быстро идти, — сказала она. — Мне очень жаль, Фонтейн. Нам нужна была помощь.

— Мать твою, — сказал Фонтейн и вытащил из штанов "смит-и-вессон"; металл нагрелся от тепла его тела. Он открыл барабан и высыпал пять патронов на ладонь. Хрупкие латунные штучки с карандаш толщиной, на конце каждой — покрытый медью, безукоризненно отштампованный, полый шарик свинцового сплава.

— Вот эта штука, о'кей? Все мои боеприпасы, — он протянул револьвер человеку, направив ствол в потолок и не закрыв барабан, потом отдал патроны.

— Благодарю вас, — сказал человек. — Могу ли я зарядить его прямо сейчас?

— Джентльмены, — сказал Фонтейн, чувствуя какую-то непонятную слабость, — можете запускать свой долбаный мотор.

— Я советую, — сказал человек, вставляя патроны один за другим, — запереть дверь, когда я уйду, и спрятаться подальше от окон и двери. Если эти молодчики узнают, что вы здесь, они постараются вас устранить. — Он закрыл барабан и прицелился в стену.

— Отдача сносит немного влево, — сказал Фонтейн, — бьет одиночными. Приходится мысленно корректировать прицел.

— Благодарю вас, — снова сказал человек и вышел, закрыв за собой дверь.

Фонтейн посмотрел на Райделла и увидел, что глаза его предательски заблестели.

56. ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОМБИНАТА

— Мистер Фонтейн, — сказал Райделл, — у вас не найдется еще какой-нибудь пушки?

Все трое сидели рядом на полу, привалившись к стенке, выходившей в сторону Окленда, в задней комнате тесной фонтейновской лавки. Между Райделлом и Фонтейном стоял вещмешок с проектором. Мальчик, недавно спавший здесь на полу, сидел на узкой койке Фонтейна у противоположной стены, щелкая ноутбуком, что-то искал; на голове у него был огромный уродливый старый военный видеошлем, из-за чего он казался роботом, — впрочем, виднелась нижняя половина лица с приоткрытым ртом. Все лампы были погашены, так что во тьме пульсировало сияние пикселей, утекающее из-под шлема, оттуда, где копался мальчик.

— Я не торгую огнестрельным оружием, — сказал чернокожий. — Антикварные часы, ножи известных марок, военные игрушки…

"Хватит с меня ножей", — подумалось Райделлу.

— Мне просто не нравится сидеть тут и ждать.

— Никому не нравится, — раздался голос Ше-

ветты. Она прижимала к глазу влажную тряпку.

На самом деле Райделлу не нравилось сидеть главным образом потому, что он не был уверен, сможет ли он встать. Его бок, заклеенный эластичной лентой, болел теперь не так сильно, но Райделл знал — запросто можно окочуриться. Он уже собирался попросить у Фонтейна какой-нибудь нож, когда тот сказал:

— Ну…

— Что "ну"? — спросил Райделл.

— Ну, — сказал Фонтейн, — эта штука на самом деле не входит в мой ассортимент, понимаешь?

— Какая штука?

— У меня есть адвокат, он из Африканского Союза, понимаешь? Политический беженец.

— Да ну?

— Ну да, — сказал Фонтейн, — сам ведь знаешь, как оно бывает, люди выбираются из подобных ситуаций, все эти этнические чистки и прочее говно…

— И что?

— Ну, понимаешь, эти люди, им нравится чувствовать, что у них есть защита, а то мало ли что может случиться.

Райделлу стало интересно.

— Дело в том, — продолжал Фонтейн, — что

у них там такие нравы… массовые убийства, страшное дело. И мой адвокат Маршалл, он вот точно такой. На самом деле он с этим борется, понимаешь? Ходит к психотерапевту, и все такое… пытается научиться ходить по улицам без пистолета и при этом не бояться, что его в любой момент могут пристрелить враги из другого племени, просекаешь? Типа, это Америка, да?

— Думаю, что в Америке по сей день любого могут пристрелить враги из другого племени, мистер Фонтейн.

— Это правда, — сказал Фонтейн, заелозив задницей, — но у Маршалла все равно этот… как его, посттравматический синдром, да?

— И вы помогаете ему решать проблемы с психикой? Помогаете тем, что храните его оружие у себя, мистер Фонтейн? Вещь, которую он не хотел бы держать в своем собственном доме?

Фонтейн посмотрел на Райделла. Закусил губу. Кивнул.

— И где эта штука?

— Она в стене, у нас за спиной.

Райделл уставился на кусок стены между собой и Фонтейном.

— Это фанера?

— В основном да, — сказал Фонтейн, развернув-

шись. — Видишь, вот тут? Это как бы заплатка, гипсовый наполнитель для стен. Мы сколотили ящик, вставили внутрь, заштукатурили и закрасили.

— Думаю, эту штуку легко обнаружить металлическим искателем. — Райделл припомнил, как его обучали обнаружению подобных тайников.

— Не думаю, что в ней много металла, — сказал Фонтейн. — Уж точно, не в системе доставки.

— Можно на нее посмотреть?

— Ну, — сказал Фонтейн, — если мы ее достанем, я попал.

— Нет, — сказал Райделл, — я попал.

Фонтейн вытащил откуда-то маленький складной нож с костяной ручкой. Раскрыл и стал осторожно тыкать в стену.

— Можно взять нож побольше, — посоветовал Райделл.

— Тсс! — шептал Фонтейн.

Райделлу оставалось смотреть, как под ножом появляется темное кольцо диаметром как раз, чтоб носить на пальце. Фонтейн поддел его и вытащил из затвердевшего гипса, но, по всей видимости, оно к чему-то крепилось.

— Дерни его.

Райделл просунул сквозь кольцо средний па-

лец, слегка потянул. Держится прочно.

— Давай, — сказал Фонтейн, — посильней.

Штукатурка треснула, посыпалась, и тонкая стальная проволока, припаянная к кольцу, пошла по периметру заплаты в стене, прорезая ее, как засохший сыр. Шероховатый, в дюйм толщиной, квадрат отвалился под рукой Райделла. Фонтейн стал вытаскивать что-то из открывшейся квадратной норы. Какой-то предмет, завернутый вроде в старую зеленую рубашку.

Райделл смотрел, как Фонтейн осторожно развертывает зеленую тряпку, из которой появился небольшой тяжелый пакет, похожий одновременно на пакет из-под молока (времен детства Райделла) и электродрель. Он был шинельного, блекло-оливкового цвета, а если и вправду являлся огнестрельным оружием, то самым нелепым и неуклюжим из всех, какие встречались Райделлу. Фонтейн взял предмет, направив вверх под углом в потолок. На другом конце была неудобная с виду пистолетная рукоятка, а где-то дюймах в шести перед ней — какая-то рифленая насадка, напоминавшая помело.

— Что это? — спросил Райделл

— Чейн-ган, — ответил Фонтейн. — Одноразовый. Не перезарядишь. Корпуса, считай, нет: эта

длинная квадратная штука — и патроны, ствол — два в одном. Никаких подвижных деталей: запал электрический. Вот тут, где должна быть гашетка, две кнопки — направил куда тебе надо и жмешь на обе одновременно. Четыре выстрела. Четыре заряда.

— А почему чейн-ган?

— Маршалл говорит, что это, скорее, граната направленного действия, понимаешь? Или вроде как портативная осколочная мина. Главное, как он сказал, — не пользоваться в закрытых помещениях и палить исключительно в тех, кого не жалко увидеть разнесенными в бога душу мать.

— Так где же "цепная" часть?

Фонтейн вытянул свободную руку и легонько стукнул указательным пальцем по толстому квадратному стволу.

— Здесь, внутри. В эту штуковину набито четыреста двухфутовых обрезков тоненькой стальной цепочки, острой как бритва.

Райделл взвесил в руках нелепый предмет, взяв его за обе рукоятки и оттопырив пальцы, чтобы случайно не нажать на кнопки.

— И эта штука…

— ..сделает из тебя котлету, — закончил Фонтейн.

— Я слышала выстрел, — сказала Шеветта, убрав с глаза мокрую тряпку.

— Ничего не слышал, — сказал Райделл.

— А я слышала, — сказал Шеветта. — Всего один.

— Мой маленький двадцать второй калибр, — заметил Фонтейн, — почти что не слышно.

— Я не могу здесь оставаться. На этот раз Райделлу послышался выстрел. Просто хлопок. Короткий, отчетливый.

— Знаете что, ребята, — сказал он, — пойду-ка я, посмотрю, что к чему.

Шеветта наклонилась к нему — один глаз заплыл, темно-лиловый, распухший, почти закрылся, второй — серый, одновременно испуганный и гневный.

— Это не телешоу, Райделл. Понял? Знаешь, в чем разница? Это не эпизод какой-то. Это жизнь. Твоя жизнь. И моя. И его, — она показала на Фонтейна, — его тоже, — она показала на мальчика в шлеме. — Почему ты не можешь просто посидеть?

Райделл покраснел, почувствовал, как у него горят уши.

— Я не могу просто сидеть и ждать, когда…

— Да знаю я, — сказала Шеветта. — Чего от тебя

еще ждать.

Райделл протянул Фонтейну чейн-ган и встал на ноги; его бок затек, но не так страшно, как он боялся. Фонтейн вернул ему пушку.

— Входная дверь закрыта на ключ?

— Нет, — ответил Фонтейн. — Я не запер.

Райделл вышел из-за невысокой перегородки, скрывавшей их от застекленной двери и окон.

И сразу же кто-то, сидевший в засаде напротив, выдал очередь из какого-то автомата с таким эффектным глушителем, что был слышен лишь шум отлаженного механизма и стрекотанье пуль. Оба фонтейновских окна мгновенно обрушились — как и застекленная дверь.

Райделл обнаружил, что лежит на полу; он не мог вспомнить, как там оказался. Стрельба по ту сторону улицы враз смолкла.

Райделл вспомнил, как падал в подвальном тире Ноксвилльской академии, вынимал обойму полумесяцем из приклада убойной штурмовой винтовки, доставал другую обойму и шлепком вгонял ее на место. Вспомнил, сколько времени уходит на это точное количество необходимых движений.

В его ушах отдавался высокий, тонкий, прерывистый звук, и тут он понял, что это плачет

Шеветта.

Он вскочил и выставил молочную картонку из Комбината, принадлежащую адвокату Фонтейна, сквозь дырку в двери, где только что было стекло.

Нажми одну из кнопок, сказал он себе, это вполне безопасно. И другую.

Улица заполняется огнем. Отдача была столь сильной, что он чуть не сломал себе запястье; но, похоже, больше никто, решительно никто не собирался стрелять.

И уж точно не там, куда врезались обрезки цепи.

57. ЦЕНТР

На следующий день, прибираясь, Фонтейн обнаружил на полу в задней комнате разорванную картонную коробку крупной мексиканской соли.

Он поднял ее — очень уж тяжелую — и стал вытряхивать соль на ладонь, пока оттуда не вывалился распустившийся экзотический цветок пули с полой головкой, пули, которая пробила фанерную перегородку и врезалась в центр этой круглой коробочки, стоявшей на полке. Кинетическая энергия перешла в тепловую, но теперь пуля была холодной, похожей на растопорщенное золотистое зернышко попкорна. Форма этой пули доказывала, что ее изготовили, чтобы поражать плоть человека.

Фонтейн положил ее на полку рядом с оловянным солдатиком — еще одним выжившим в этой войне. Он даже двигаться мог сейчас, и будто во сне, в вязкой тишине, которая окружала его, ярко возникло воспоминание об отце, который однажды, несмотря на безумный страх матери, повел Фонтейна во двор за их домиком в прибрежной Вирджинии, чтобы вместе очутиться в центре урагана.

Когда первая ярость шторма уже позади, не движется ничто. Птицы молчат. Каждая ветка на облетевших деревьях отчетливо видна и исполнена покоя. Но самым краем сознания, пожалуй, можно заметить присутствие какого-то вращения. Что-то инфразвуковое, что-то, что только чувствуешь, но не слышишь. Что-то, что снова вернется. Вне всяких сомнений.

Вот и сейчас он чувствует что-то подобное. Он видит, что руки мальчика застыли, дрожа, над клавишами ноутбука, голова по-прежнему в этом старом военном шлеме. На мгновение Фонтейну кажется, будто мальчик ранен, — но крови не видно, он просто напуган.

Пушки созданы, чтобы стрелять, Фонтейн это знает, и Райделл только что доказал это, выстрелив из маршалловской пушки, этой безобразной русской штуки, зловещего трофея штатов Комбината, пришедшего через Африку, напоминанием о тупых войнах, этнических конфликтах, тлеющих не одно столетие, как безвоздушные пожары в недрах торфяных болот. Пушка для тех, кто неспособен научиться стрелять.

Он дышит вонючей гарью, в горле резкий химический привкус. Хруст битого стекла под каблуками. Райделл стоит у двери, громоздкий

чейн-ган тянет вниз его руку, словно пистолет дуэлянта. Фонтейн становится рядом с ним, смотрит в узкий крытый въезд на мост, будто разглядывает декорации, а может, диараму, — там все залито мутным красноватым светом. Мрачные тени скрывают вещественные доказательства случившегося.

— Шеветта, — зовет ее Райделл, будто внезапно вспомнив, что она здесь, и, хромая, хрустя битым стеклом, идет ее искать.

Фонтейн щурится от странного красного зарева, пятно, в которое кто-то так стремительно превратился, и замечает краем глаза какое-то движение — там, высоко. Что-то серебряное.

Он испуганно пятится, но это всего лишь воздушный шар, сплющенная подушка из надутого майлара с маленькими пропеллерами за металлическими решетками и видеокамерой. Шар спускается вдоль фасада его лавки; затем пропеллеры начинают вертеться в обратную сторону, шар останавливается, плавно вращаясь, объектив направлен на Фонтейна.

Фонтейн смотрит вверх на странное существо со страхом, может оно тоже угрожает смертью, но оно просто висит себе в воздухе, будто наблюдает за ним. Он отворачивается и опять видит

разгромленную лавку. Битое стекло — наиболее очевидное свидетельство разрушения, пулевые отверстия заметны меньше. Два из них, впрочем, образовались в круглой эмалевой эмблеме "кока-колы", которая раньше считалась сохранившейся на восемьдесят процентов, а теперь едва ли сойдет за "очень хорошую".

Больше всего его волнует витрина, хотя он боится того, что увидит, когда подойдет: часы, засыпанные стеклянным крошевом, будто рыбы в разбитом аквариуме. Выудив оттуда "Грюэн Кюрве" за ремешок из поддельной крокодиловой кожи, Фонтейн обнаруживает, что они не тикают. Он вздыхает. Кларисса в последнее время донимала его уговорами купить несгораемый шкаф и запирать в нем на ночь самые ценные вещи. Если бы он послушался, все часы тикали бы по-прежнему. Стоп: эти вот тикают — хронометр "Докса" со слегка заржавленным циферблатом — его любимая вещь, хотя почему-то никогда не пользуется у покупателей спросом. Фонтейн подносит его к самому уху и слышит работу механизма, собранного за много лет до его рождения.

Но вот он замечает то, от чего Кларисса расстроится еще больше: ее младенцы, "близняшки", валяются кучей, напоминая фото нераскрытого

зверского преступления из бульварной газеты, их лопнувшие головы и туловища сочатся силиконом (это жидкость, которая ведет себя, как твердое тело, а может, наоборот, — Фонтейн никак не запомнит). Ни одна из кукол не уцелела, и, наклонившись, чтобы их рассмотреть, он вдруг слышит лепет: механизм воспроизводит один и тот же слог, неразборчивый слог непонятно на каком языке, японском или английском. Это зрелище поражает Фонтейна настолько, что на память сразу приходят воспоминания детства: сквозь полицейский кордон видны развалины гарлемского кинотеатра; пожар, погубивший здание, пощадил витрину с конфетами, хотя внутри все расплавилось, растеклось и затвердело карамельной лавой. Но отвратительный запах пожарища не смог окончательно перебить вкусный сладкий аромат. Чего не скажешь об этом силиконе.

До Фонтейна доносятся громкие голоса Шеветты и Райделла, похоже, они о чем-то спорят. Фонтейну хочется, чтобы они замолчали.

Он — в центре урагана, и он хочет его понять.

58. МАЛЕНЬКОЕ СИНЕЕ ОТВЕРСТИЕ

Крупным планом, снятым с руки, Лэйни видит маленькое синее отверстие около глаза этого мертвеца — оно похоже на радикальный эксперимент с тушью для ресниц. Входное отверстие от пули очень маленькое.

— Обратите внимание на отсутствие пороховых ожогов, — говорит владелец камеры. — Выстрел произведен с расстояния.

— Зачем вы мне это показываете? — спрашивает Харвуд, он представлен только своим голосом.

Камера отъезжает, общий план покойника — блондин в черной кожаной куртке, видимо, скатился по какой-то вертикальной поверхности, когда-то выкрашенной эмалью. Он выглядит удивленным и слегка косоглазым. Камера отъезжает еще раз: виден второй труп — человека в черном бронежилете, ничком лежащего на мостовой.

— По пуле на брата. Мы не ждали, что у него будет пистолет.

— Как вы знаете, на мосту не часто бывают разборки с огнестрельным оружием.

Человек разворачивает камеру на себя, камера

берет лицо снизу, от пояса.

— Я просто хотел напомнить вам: я вас предупреждал.

— Если он покинет это место живым, у вашей фирмы будут проблемы посерьезнее, чем просто нарушение отдельных пунктов договора. Вы подписали соглашение о том, что позаботитесь обо всем, припоминаете?

— А вы дали обещание следовать нашим советам.

— Я к ним прислушался.

— Я взялся за дело с командой из пяти человек. Теперь двое из них мертвы, нет связи с тремя другими, и я только что слышал что-то похожее на взрыв. Этому поселению свойственна нестабильность, это какой-то вооруженный муравейник. Эти люди возбуждаются от малейшей искры, над ними нет никакой власти. Легко может вспыхнуть бунт, и если это произойдет, бесполезно будет даже пытаться устранить этого вашего сумасшедшего убийцу или пытаться захватить Райделла.

— Вы хотели сказать "перехватить Райделла".

— У меня есть еще один, последний совет. — Человек слегка поднимает камеру, лицо во весь экран, на треть обернутое черным шарфом.

— Слушаю.

— Сжечь.

— Что?

— Мост. Легко загорится.

— Но вы потеряете время на подготовку.

— Все уже подготовлено. — Человек направляет камеру на небольшой пульт дистанционного управления, который он держит в другой руке. — Мы установили радиоуправляемое устройство. Мы всегда готовы к непредвиденным ситуациям.

— Но разве наша парочка не сбежит, воспользовавшись суматохой? В конце концов, вы сами сказали, что опасаетесь бунта…

— Никого не минет чаша сия… Мост загорится с обоих концов — от Брайент-стрит до Острова Сокровищ.

— А вы как собираетесь спасаться?

— Все предусмотрено.

Харвуд молчит.

— Ну что ж, — говорит он, наконец, — полагаю, вам следует попробовать.

Человек нажимает кнопку на пульте.

Лэйни в панике выскакивает из ромба, ищет Ливию и Пако.

Проектор все еще там, все еще на мосту. Лэйни по-прежнему не понимает, для чего предназна-

чен этот предмет, но Рэи Тоэи должна быть в центре событий.

И он понимает, что Харвуд знает, а может, просто чувствует это и делает все — уже сделал, — чтобы этому помешать.

Он срывает с головы шлем и шарит в темноте, ища телефон.

59. ПТИЦЫ ЧУЮТ ОГОНЬ

Шеветта не могла отвести глаз от отверстий в фанерной перегородке между лавкой и подсобкой. Вокруг дырок образовались щелястые неровности. Она проследила траекторию пули через эти дырки дальше, сквозь комнату.

Она до сих пор не могла поверить, что сама едва не стала мишенью. Ее все еще била дрожь, которую она никак не могла унять, крепко стискивала зубы, чтобы они не стучали. Кроме того, у нее началась икота, и ей совсем стало не по себе. Свое состояние она вымещала на Райделле, одновременно чувствуя себя виноватой — потому что он, судя по всему, тоже был в шоке.

Она смутно осознавала, что к двери подходят какие-то люди и заглядывают внутрь, но, видя Райделла с чейн-ганом, исчезают. Это люди с моста, а они всегда так себя вели. Если человек был безоружен, спрашивали, все ли в порядке, не надо ли помочь, в противном случае сразу соображали "все ли о'кей" (как любил выражаться Скиннер).

Шеветта раздвоилась; одна ее часть ругалась с Райделлом из-за того, что он снова втянул ее в какое-то дерьмо, вторая — не уставала изумляться,

что осталась жива в такой передряге.

Что-то загудело в кармане Райделла, он вытащил темные очки, черная оправа с дешевой хромированной отделкой, и нацепил их на нос.

— Алло? — сказал Райделл. — Лэйни?

Она не заметила, как человек, уговоривший Фонтейна отдать пистолет, открыл дверь — раздался скрежет стекла — и вошел в лавку; выглядел он точно так же, когда уходил, вот только теперь у него на щеке была длинная свежая ссадина с капельками крови. Он достал из кармана плоский маленький револьвер и протянул Фонтейну, отставив в сторону ствол и обхватив рукой ту самую штуку, в которую суют пули.

— Благодарю вас, — сказал человек.

Фонтейн поднес пушку к носу, понюхал и вопросительно поднял брови.

— Я отрегулировал снос, — сказал человек (что бы это ни значило). — Компенсировать отдачу больше не нужно.

Фонтейн со щелчком открыл штуку для пуль и высыпал на ладонь пять пустых латунных патронов. Посмотрел на них, поднял взгляд на человека.

— Как успехи?

— Трое, — сказал человек.

— Похоже, один у них есть, — говорил тем временем Райделл. — Тут один мальчик на нем работает. Вы хотите, чтобы я подключил кабель? Хотите поговорить с ней, Лэйни? Она мне сказала, что вы много общались... — Райделл выглядел смешно; стоял и болтал будто сам с собой, одна рука поднята, держит в руке наушник, вторая опущена, держит чейн-ган. Шеветте хотелось, чтобы он его куда-нибудь спрятал, хоть обратно в тайник, куда угодно.

— Райделл, хватит, — сказала она, но внезапно увидела "Маленькую Игрушку Бога", парящую над дверью и глядящую на нее. — Тесса? Тесса, ты слышишь меня?

Пронзительный визг статического электричества; так пытаются говорить попугаи.

— Тесса, очень жаль, — сказал человек в длиннополом пальто. — Люди, которые на вас напали, поддерживают связь по нескольким каналам. Я использую излучатель помех на этих частотах. — Он посмотрел на "Маленькую Игрушку Бога". — Контрольные механизмы этого устройства не повреждены, но звуковая связь в данный момент невозможна.

— Тесса! — Шеветта яростно замахала воздушному шару, но тот просто таращился на нее своим

главным объективом.

— Что значит "поджигают"? — говорил Райделл. — Сейчас? Прямо сейчас?! — Райделл стянул очки с носа. — Они поджигают мост.

— Что-о?! — она вспомнила предостережения Скиннера и то, как осторожно люди на мосту пользовались газом и спичками; знала, что брошенный на землю окурок мог стоить здесь жизни.

Райделл снова надел темные очки.

— Вы хотите, чтобы мы бежали, я не ослышался? Что значит "оставьте там"? Черт возьми, Лэйни? Алло? — она увидела, насколько был потрясен Райделл, когда снял очки. — Слушайте все сюда. Сейчас мы уходим. Лэйни утверждает, что мост поджигают.

Райделл наклонился, морщась от боли, развязал вещмешок и достал оттуда странную серебряную штуку. Она блеснула в льющемся снаружи свете. Будто большой стальной термос. Райделл вытянул из вещмешка какие-то свернутые кольцом кабели и бросил один Шеветте:

— Найди розетку.

Держа в руке второй кабель, он подошел к мальчику в старом военном шлеме.

— Эй, парень! Придется одолжить у тебя ноут-

бук. Ты слышишь меня?

Шлем приподнялся, и, казалось, на Райделла уставился гигантский термит. Райделл взял ноутбук, выдернул провод, подключенный к шлему. Шеветта увидела, что парень от неожиданности оторопел. На экране ноутбука красовался циферблат настенных часов. Нет, подумала Шеветта, это, наверное, какие-то старомодные карманные часы, увеличенные до размеров детской головки.

Райделл близко поднес к глазам концы кабеля, внимательно разглядел, выбрал один и попробовал воткнуть в гнездо на задней панели ноутбука, потом в другое. Подошло. Шеветта нашла розетку, косо торчащую из стены. Подключила кабель и протянула второй конец Райделлу, который втыкал кабель от ноутбука в серебряный "термос". Райделл воткнул оба кабеля в спаренное гнездо. Ей послышалось, будто термос начал гудеть.

И между Шеветтой и Райделлом возникла девушка, бледная и худая, тело ее светилось, на миг она показалась голой. Но тут же она явилась в скиннеровской куртке из потертой конской кожи, черные джинсы, черная водолазка, кроссовки с ребристой подошвой. Все гораздо более новое и стильное, чем одежда Шеветты, но, в общем,

очень похоже.

— Меня зовут Рэи Тоэи, — сказала девушка. — Берри Райделл, вам нужно немедленно покинуть мост. Он горит.

— Вы сказали, что знаете мое имя, — сказал человек в пальто; в излучаемом Рэи Тоэи сиянии длинная тонкая ссадина на его щеке стала черной. — Там, в таверне.

— Вас зовут Конрад, — сказала она. — Первая буква "к".

Человек удивленно поднял брови над золотой оправой круглых очков.

— И откуда вам это известно?

— Мне известно многое, Конрад, — сказала она и немедленно на несколько секунд превратилась в другую девушку, голубоглазую блондинку, радужки окаймлены черным ореолом.

И человек застыл, как изваяние, стал казаться тяжелым и оцепенелым, — и Шеветта почему-то вспомнила пылинки, плывущие в залитом солнцем старом музее, — чем-то, что она уже где-то когда-то видела, вот только не помнила, где и когда.

— Лиза, — сказал человек; имя будто всплыло из какой-то мучительной глубины. — Вчера мне приснилось на Маркет-стрит, что я видел ее.

— Очень многое возможно, Конрад.

Райделл тем временем вынул из вещмешка розовый ранец и стал опоясывать себя его ремнями. Спереди на ранце красовался ухмыляющийся мультяшный дракон. Шеветта уставилась на дракона, а Райделл расстегнул молнию, достал из ранца сложенный розовый нагрудник, развернул его и застегнул вокруг шеи. Нагрудник гордо сообщал: "Служба безопасности "Счастливого дракона"" — черными рублеными буквами.

— Что это за штука? — спросила Шеветта.

— Бронежилет, — ответил Райделл и повернулся к светящейся девушке. — Лэйни говорит, что я должен оставить проектор на мосту. Но это значит, что мы вас покинем…

— Это то, чего я хочу, — сказала она. — Мы собираемся проникнуть в суть харвудовского замысла. Помешать ему. И изменить все, — она улыбнулась Райделлу, и Шеветта почувствовала укол ревности.

Но тут же услышала приближающийся шум, рев и вой надрывающегося электрического двигателя. Раздался грохот металла, и Фонтейн отпрыгнул от двери. Трехколесный вездеход, лязгнув, остановился снаружи; Тесса сидела позади мальчишки с круглой, словно луна, физиономией, в

черной сетчатой кепочке, надетой задом наперед, и черной футболке. На Тессе были видеоочки, на обеих руках красовались контрольные перчатки. Она стянула очки и откинула волосы со лба.

— Шеветта, быстро!

— Слезь-ка с трака, дорогуша, — сказал кругло-лицый мальчишка. — Здесь хрен развернешься.

Тесса спрыгнула с вездехода и вошла в лавку, глядя вверх на "Маленькую Игрушку Бога".

— Звук почему-то не записывается, — сказала она.

Мальчишка стукнул кулаком по двигателям, вмонтированным во втулки задних колес вездехода, и дал задний ход. Трак, накренясь, подался по кривой назад и снова вперед, развернувшись в сторону Сан-Франциско.

— Скорее, дорогуша! — сказал мальчишка.

— Две камеры снимают пожар, — сказала Тесса. — Этот отстойник горит.

— Пора сваливать, — сказал Райделл, положив руку на плечо Шеветты. — Мистер Фонтейн, не желаете прокатиться на этой штуке с Шеветтой?

— Никуда я не собираюсь, сынок, — ответил Фонтейн.

— На мосту пожар, мистер Фонтейн.

— Я здесь живу.

— Райделл, пошли, — сказала Шеветта, схватив его за брючный ремень.

Тесса залезла обратно на сиденье позади водителя в сетчатой кепочке и снова надела видеоочки.

— Господи Иисусе, — сказала Тесса. — Глазам не верю! Вот это ракурсы!

Шеветта вытащила Райделла за дверь и вскарабкалась на вездеход сзади (там было что-то вроде коляски), оставив место для Райделла.

— Стойте, — сказал Райделл. — Мы не можем просто так их оставить…

— Мы?! Приятель, ты никуда не едешь… — но тут круглолицый мальчишка заметил чейн-ган и заткнулся.

— Езжайте, — сказал Фонтейн. Он стоял теперь в дверях, обнимая одной рукой мальчика за плечи, который недавно был в шлеме, глаза парнишки смотрели на Райделла с равнодушием зверька. — Езжайте. У нас все будет в порядке.

— Мне очень жаль, — сказал Райделл. — Жаль, что так вышло с лавкой…

— Задницу твою будет жаль, если ты сейчас не уедешь.

Шеветта услышала, как со стороны Сан-Франциско завопила какая-то женщина, и изо всех

сил дернула Райделла за ремень, так что от ширинки его "хаки" отлетела пуговица. Он забрался в "коляску", сел напротив Шеветты, одной рукой держась за сиденье, другой крепко держа чейн-ган.

Последнее, что видела Шеветта, это была светящаяся девушка, которая говорила что-то человеку по имени Конрад. Потом "сетчатый" врубил двигатели, и вездеход рванул в сторону города.

— До свидания, Фонтейн! — прокричала Шеветта, но ей показалось, что он ее не услышал.

Ей вспомнилась ночь, когда загорелись холмы над кондоминиумом, вспомнилось, как в темных кустах вокруг дома проснулись птицы, чуя огонь. Их пронзительные голоса.

Сейчас, сквозь грубо сколоченный фанерный навес над головой, она чувствует утробный рокот большого пожара.

60. КРЫСЫ ВСЕ ЗНАЮТ

Фонтейн понимает, что мост и вправду горит, когда, выглянув наружу, видит крысу, бегущую в сторону Окленда. Потом вторую. И третью. Крысы все знают, а "мостовые" крысы считаются самыми знающими — да и как им такими не стать, когда на них постоянно охотятся дикие "мостовые" коты и многочисленные не менее дикие дети, вооруженные рогатками, сделанными из авиационного алюминия и хирургических резиновых трубок. Эти "мостовые" рогатки убийственны не только для крыс; их владельцы любят использовать шарики плотной влажной глины — военная хитрость, пришедшая из Средневековья, ее со счетов не скинешь.

Фонтейн смотрит, как мимо несутся крысы, и тяжко вздыхает. В лавке у него где-то спрятан пожарный топор, трофей с буксира, затонувшего в 2003 году в Китайской бухте, а также огнетушитель, но он не думает, что от них будет какой-нибудь толк, хотя прорубить топором в стене дыру и выпрыгнуть прямо в бухту — это тоже вариант. Интересно, вправду ли там полно акул, как думают здешние дети. Он доподлинно

знает, что в бухте водятся рыбы, мутировавшие из-за оксидов, которые образуются от соленой воды на пирсах у кабельных башен.

Но Фонтейн пережил многочисленные катастрофы — и общественные и личные, — и в нем теперь живет вера, которая не полагается на случай или надежду, что все в конце концов будет хорошо. И уж во всяком случае, всегда есть силы, с которыми никто не способен бороться, а если кто и способен, то уж точно не Фонтейн.

И вместо того чтобы спешно рыться в шкафу, куда, как смутно помнит, он засунул тот пожарный топор, — Фонтейн берет щетку и начинает прибираться в лавке, стараясь захватить как можно больше стекла и смести в одну кучу. Стекло, размышляет он, относится к той субстанции, которая занимает относительно мало места, пока его не разбили. Но в то же время, вспоминает он чей-то рассказ, стекло — это жидкость, если рассматривать по-настоящему космические временные отрезки. Любое стекло в любой раме, в любом окне претерпевает бесконечно медленный процесс таяния, оседания, расползания, вот только едва ли хоть одно окно переживет тысячелетия, необходимые для превращения в твердую лужу.

Тем временем к бегущим крысам присоединяются люди — разношерстная толпа, какая обитает лишь на мосту. Фонтейн только надеется, что Кларисса и дети в безопасности; он им звонил, но никто не брал трубку, а оставлять сообщение было довольно бессмысленно, учитывая обстоятельства.

Он оглядывается и видит, что голограммная подружка Райделла стоит на коленях у койки, говорит что-то мальчику. Рядом с ним сидит профессор, одолживший у Фонтейна "кит ган". Фонтейн поражен: они производят впечатление одной семьи, не правдоподобной, возможно, но не лишенной тепла. Фонтейн достаточно долго живет на свете и кое-что понимает в техническом прогрессе, чтобы ломать себе голову над вопросом — кем или чем является эта девушка: она похожа на компьютерную игрушку, которая будто вышла из компьютера и сидит у вас в комнате, и найдутся люди, думает он, которым это очень нравится.

Он натыкается на загубленных кукол-близняшек, лежащих в силиконовой пене. Теперь молчат все. Когда он сметает их в кучу осколков, его охватывает ужас. И тогда, отставив метлу, поднимает одного из младенцев за безжизненную

руку. Выносит маленького кукольного японца наружу, кладет на спинку перед лавкой. Потом всех по очереди, и, когда он кладет последнего, мимо лавки тяжелой увалистой походкой тащится грузная тетка с тюком каких-то пожитков. Она видит, что делает Фонтейн, и начинает кричать. И кричит, пока не скрывается с глаз, и ее все еще слышно, когда Фонтейн возвращается в лавку, думая о Турмалине, своей первой жене.

В воздухе уже виден дым, и, наверное, пора поискать топор.

61. "ФУТУРОМАТИКА"

Форма, которую Лэйни видит, когда смотрит на Харвуда, на идору, на Райделла, на всех остальных, до сих пор никогда не казалась ему пространством, местом, где можно жить. Но теперь, когда его подгоняет новое неотложное дело (и сопровождает практически все население Города-Крепости, действующее с синхронностью хора, поющего в унисон), — теперь ему удается на самом деле быть там, в пространстве, координаты которого заданы появившимися факторами узловой точки. Это место, где метафоры бессильны, дескриптивная черная дыра. Он не способен описать ее не только самому себе, хотя ощущает ее, но и кому-нибудь другому.

Все больше эта штука, эта поворотная точка истории похожа на ту Дыру, которую он помещает в центре своей души, пустота, лишенная и тьмы и света.

Мгновенно Лэйни понимает, хотя и не знает, каким образом, что Харвуд рядом с ним.

— Харвуд?

— О, Колин Лэйни! Вечер чудес! Неожиданных…

— Ты приказал сжечь мост?

— А как насчет тайны частной жизни?

— Ты пытаешься остановить ее, не так ли?

— Полагаю, да, хотя и не знаю, что она пытается сделать. Она — развивающаяся система. Она не знает себя.

— А ты? Ты знаешь, что ты хочешь?

— Я хочу, чтобы нанотехнология пришла в мир, который сохранит хотя бы видимость сходства с тем миром, в котором я проснулся сегодня утром. Я хочу, чтобы мой мир преобразился, но не очень отличался от теперешнего. Я хочу сразу всего. И мне кажется, я нашел способ это устроить. Хотя и у тебя есть свой вариант. Теперь мы должны спросить себя: в чем здесь ошибка?

— Ты сделал свой выбор. Ты решил попробовать 5-SB. В сиротском приюте мы добровольно участвовали в экспериментах, но не имели понятия о том, что нас ждет.

— А я решил попробовать 5-SB, наблюдая за тобой, Лэйни. За тобой и за девушкой по имени Дженнифер Мо, которой в голову пришла идея убить этого актеришку Кевина Берка. Она покончила с собой, когда взяла его в заложники в медитационном центре штата Айдахо.

Лэйни знал историю Дженнифер Мо; эта исто-

рия преследовала его с тех самых пор, когда он впервые узнал ее — несколько лет назад — из официального сообщения.

— Почему сталкер-синдром не подействовал на тебя, Харвуд? Почему ты оказался нечувствительным?

— Возможно потому, что я слишком уж одержим самим собой, чтобы всерьез заинтересоваться кем-нибудь другим. Для меня это все игрушки. Но лучше этого — только точное знание будущего. Даже наоборот: мы получаем немного свободной воли, и вы только гляньте, насколько мы счастливее! Разве нет? А смотреть назад почти так же весело, как смотреть вперед, хотя наш прославленный цифровой суп довольно быстро теряет густоту: вся эта история с мужем мадам Кюри… изменила все, но кто знает об этом? Я спрашиваю тебя, Лэйни, кто знает?

— Только мы с тобой.

— Да, только мы двое.

— Все изменится снова. Сегодня ночью.

— Утром, если точнее. По тихоокеанскому времени очень рано. Конечно, все изменится, и я пришел сюда для того, чтобы все изменилось именно так, как хочу я.

— Мы собираемся сорвать твои планы.

— Конечно, такова ситуация этой ночи, не так ли? Я и не ждал, что будет по-другому.

Теперь Лэйни чувствует две вещи одновременно: холод физический и неотвратимый, который поднимается у него под сердцем, и незримое присутствие множества индивидуумов, населяющих Город-Крепость, стоящих у него за спиной, словно глиняные солдаты, готовые вечно маршировать в императорской гробнице. Эти солдаты двинутся, если Лэйни прикажет им, и еще он чувствует присутствие Рэи Тоэи и понимает, что еще не все закончено.

— Она здесь, Лэйни. Она попала в поток. Ты сделал это — ты и твои друзья. Но вам это не поможет, потому что я отправляюсь туда, где вы меня не найдете. Кратковременный отпуск. Пока все не кончится. Твои друзья не единственные, кто умеет исчезать без следа.

И с холодом, охватывающим его сердце, Лэйни понимает, что это правда, что Харвуд уходит, выворачиваясь наизнанку, в информационную червоточину, подобную той, в которой существует Город-Крепость.

И он тянется вниз (кажется, вниз, хотя в этом месте нет ни координат, ни направления), и вместе с ним воинство, чтобы найти…

62. ЛОС-ПРОЖЕКТОС

Силенцио вспоминает огонь в ржавых жестянках во дворах Лос-Прожектоса, люди стоят, сплевывают и греют руки. Плейбоя и Крысука он встретил около такого костра, и теперь в этой комнате тоже воняет жестянками. Силенцио страшно, и даже это существо, которое светится само по себе и говорит с ним на языке его мамы (только по-доброму), не может вернуться к часам, к циферблатам, оценке состояния и ценам, в эту вселенную, которая сама отыскала его, в этот способ существования, вне которого — только страх.

Съежившись на кровати черного мужчины, с доброй феей, сияющей с ним рядом, он чувствует еще больший страх, а черный мужчина забрался в шкаф и кидает наружу какие-то штуки, но Силенцио хочет только часы.

На границе его сознания притаились люди с собачьими клыками и крыльями, их лица черней, чем лицо у черного мужчины с часами. Их лица черные, как та черная гадость, которую люди втирают в десны.

— Придвинь к нам проектор, — говорит фея тому человеку, который остановил Плейбоя

и Крысука. Силенцио замечает, что когда она говорит, то делается другая — волосы гладкие, золотые, лицо какое-то чужое. — Принеси ноутбук. Осторожнее с кабелем.

Человек придвигает серебристую штуку, которая пугает Силенцио (теперь Силенцио боится всего), несет на кровать искатель часов, из которого тянется провод.

— Подключи шлем. Быстро!

Человек втыкает провод от шляпы в искатель часов и подает Силенцио шляпу. Внутри нее Силенцио близко видит картинки, на них — те же часы, что на экране искателя, и Силенцио чувствует облегчение, страх уходит за контуры вещей, где можно не бояться людей с собачьими клыками. Он надвигает шляпу на глаза.

И оказывается в странном месте, где нет ни верха, ни низа, бесконечное пространство шире дворов Лос-Прожектоса, такого он никогда не видел.

Но та, что светится, тоже здесь, и рядом с ней — еще кто-то, только менее четкий.

— Это мистер Лэйни, — говорит она на языке, на котором говорила мать. — Ты должен помочь ему. Он ищет часы. Вот такие. — И в ее ладони Силенцио видит часы, которые были на

экране искателя. Это "Лекультр Футурoматика", с обратным ходом, черным циферблатом и автоматическим заводом. Силенцио знает их серийный номер, историю их хождения по торгам, номер лота на сегодняшнем аукционе. — Кто-то украл их. Ты должен идти за ними.

Силенцио переводит взгляд с прекрасного вида "Футурoматики" на лицо женщины.

— Ты должен найти для мистера Лэйни…

Часы исчезают, вместе с ними и она, и тот, другой, тоже. Они бросили Силенцио в этом пространстве, в котором только простор, лишенный цвета и формы. Силенцио кажется, что сейчас он заплачет.

Где-то там, очень-очень далеко, он чувствует их, чувствует часы. Он узнает их, они все еще там, но кругом только эта бесконечность, эти серые поля света. Снова исчезли.

Нет. Возникает система: система из всех часов. Сходства. Различия. Слова. Кодировка. Ничто не теряется в этой системе, и "Футурoматика" выступает на первый план, будто всплывает из чистой воды. До часов подать рукой.

И снова исчезли. Пустота.

Но он хочет видеть их. И он снова входит в систему.

Он несется над серыми полями, ища только "Футуроматику", — вслед за часами…

63. ФУНИКУЛЕР

Хотя в Ноксвилле Райделл прошел курс контроля над общественными беспорядками и поэтому кое-что знал — правда, чисто теоретически — о пожарах и прочих стихийных бедствиях, но то, что случилось, застало его врасплох: едва он успел уцепиться одной рукой за заднюю часть вездехода, как Элмор, "сетчатый", которого подружка Шеветты кое-как уговорила ехать, газанул назад в сторону Брайент-стрит и понесся через верхний уровень моста. До сих пор Райделл ни разу не видел здесь никакого транспорта, за исключением велосипедов, и ему пришло в голову, что в нормальных условиях им бы не дали уйти далеко.

Вот только условия сейчас были точно ненормальные, да и само это место "нормальным" никак не являлось. Люди валили бурлящим потоком из верхних построек этой коммуны поселенцев, как муравьи бегут из развороченного муравейника, но Райделла поразила их общая невозмутимость. В каком-то смысле эти люди не были обыкновенными гражданами — скорее, закаленными борцами за выживание, привыкшими жить среди себе подобных, пола-

гаясь только на себя. Кажется, некоторые из них кричали, а кое-кто, может быть, бежал не в ту сторону или по кругу, — но этого нельзя было разобрать, несясь в болтающемся из стороны в сторону вездеходе. Райделл просто чувствовал их решительность; они поняли, что мост горит, и потому решили, что надо сваливать. Большинство, кажется, что-то тащили. Некоторые тащили на себе детей, но больше всего домашнюю утварь, и Райделл заметил, по меньшей мере, трех человек с оружием.

Стиль езды Элмора сквозь толпу был на редкость прямолинейный; он просто гнал машину вперед, не глядя, кто и что перед ним, и долбал рукой в мерзко пищащий маленький рожок (сигналов которого, подумал Райделл, все равно никто не слышал), — гнал, полагаясь на то, что люди успеют отскочить. И они успевали порой лишь чудом, но тут правое заднее колесо вездехода сбило колонну из желтых пластиковых корзин для овощей и обрушило ее на головы двух обильно татуированных типов в кожаных штанах и заляпанных краской строительных сапогах. Элмору пришлось ударить по тормозам, и Райделл увидел, как Шеветта слетела с сиденья; он не смог ее удержать, потому что в руке у него

был чейн-ган, девать который было некуда.

Столкнувшись с препятствием в виде кучи желтых пустых корзин, Элмор дал задний ход, откатил вездеход на четыре фута, поставил его на дыбы и впахался в корзины и в татуированных типов; те, обезумев от ярости, закопошились в куче, вскочили и набросились на Элмора, который отнюдь не выглядел силачом.

— Отцепитесь от него! — заорала подружка Шеветты, сопротивляясь попыткам стащить ее с сиденья вместе с водителем. Райделл вскинул чейн-ган и ткнул им в лицо одного из татуированных. Тот скосил глаза, поморгал, посмотрел на Райделла и рванулся, чтобы схватить и его, но какой-то коповский рефлекс заставил Райделла прореветь "ДПЛА! Лечь на землю!" — что было абсолютно бессмысленно, учитывая обстоятельства, но тем не менее сработало.

— Это — пушка, — добавил Райделл и вспомнил предупреждение Фонтейна о том, что из чейн-гана невозможно прицелиться.

— Вы совсем рехнулись! — выпалил второй татуированный, с голой грудью, в затейливых наколках, и драпанул по желтым корзинам; свет отразился от круглого стального болта в его нижней губе. Его напарник рванул за ним.

Райделл спрыгнул на землю и обнаружил Шеветту, пытавшуюся выбраться из кучи раздавленных баклажанов. Оглянувшись в сторону вездехода, он увидел, как женщина со спортивной стрижкой и серьезными бицепсами нокаутировала Элмора, кувырнувшегося в корзины.

— Где Тесса?!

— Не знаю, — ответил Райделл, подавая Шеветте руку. — Пошли!

Когда они отдалились от вездехода (который все равно, похоже, никуда не ехал), Райделл почувствовал, что на мосту происходит что-то странное. Всю дорогу от лавки Фонтейна люди бежали в сторону Брайент, а теперь он видел, что они устремились обратно, на их лицах был страх.

— Похоже, у трапа тоже пожар, — сказал Райделл. В воздухе уже висел дым, и Райделл заметил, что он становится все гуще.

— Где Тесса, Райделл?

— Потерялась где-то.

Визжа, на них налетела девушка в горящей рубашке, бежавшая со стороны города. Райделл повалил ее, бросив Шеветте чейн-ган, и склонился, чтобы сбить с нее пламя. Она кричала не переставая, потом вскочила и побежала дальше.

Райделл видел, что рубашка уже не горит. Он забрал у Шеветты чейн-ган.

— Туда мы даже не будем соваться, — сказал он ей. Ему не хотелось думать о том, что там сейчас творится, если толпа действительно попала в огонь.

— Давай попробуем здесь. — Он поволок Шеветту в двери пустого кафе: чашки с кофе на столиках, слышна спокойная музыка, пар поднимается от кастрюли с супом, стоящей на электроплитке за стойкой. Он втащил Шеветту за стойку, в маленькую тесную кухню, но обнаружил, что окна в ней забраны от воров ажурными металлическими решетками.

— Черт, — сказал Райделл, внимательно всматриваясь в окно, все в отложениях морской соли, и пытаясь прикинуть высоту над уровнем моря на случай, если придется выбираться здесь.

Теперь была очередь Шеветты схватить его и тащить на улицу. Выскочив из кафе, они чуть не попали под ноги других людей, в панике спасающихся от происходящего на Брайент. Они оба упали, и Райделл увидел, как чейн-ган провалился в канализационное отверстие палубы. До него донесся звук от удара снизу, и он накрыл руками голову, ожидая взрыва, но взрыва не

последовало.

— Смотри, — сказала Шеветта, встав на ноги и махнув рукой, — мы как раз у подножия башни Скиннера. Давай попробуем забраться на верхотуру.

— С нее потом не спустишься, — вставая на ноги, возразил Райделл; боль в ребрах была просто убийственной.

— Но и гореть на ней нечему, — сказала она, — надо только пройти через гидропонную теплицу.

— Задохнемся от дыма.

— Не факт, — сказала она, — но здесь внизу он нас точно задушит.

Она посмотрела на него.

— Прости меня, Райделл.

— За что?

— За то, что я думала, что все случилось по твоей вине.

— Я очень надеюсь, что не по моей, — сказал Райделл.

— Как тебе жилось?

Он ухмыльнулся, несмотря на боль, тому, что она спросила об этом сейчас.

— Я по тебе скучал, — сказал он.

Шеветта замялась.

— А я — по тебе.

Она снова схватила его за руку и бросилась к пластиковой конструкции у подножия кабельной башни. Судя по движению, толпа все-таки прорезала ход сквозь пламя. Шеветта вошла в пятифутовую прорезь. Райделл, нагнувшись, последовал за ней — во влажный, как в джунглях, воздух и запах химических удобрений. Но в теплице тоже был дым, клубящийся в мареве гидропонных ламп. Шеветта закашляла. Тени бегущих людей проносились за полупрозрачным пластиком. Шеветта вскочила на лестницу и полезла вверх. Райделл застонал.

— Что? — она остановилась и глянула вниз.

— Ничего, — сказал он и пополз за ней, кусая губы каждый раз, когда приходилось поднимать руки.

Где-то вдали послышались сирены — странный нарастающий вой, голоса сплетались и расходились — настоящий концерт волков-роботов. Райделл подумал, не такой ли вой стоял здесь в первые минуты после Великого землетрясения 44.

Он на самом деле не знал, сколько ступеней этой лестницы осилит. Лестница была металлическая, приклеена к стене этим супержеле,

которое здесь повсеместно использовалось; он поднял голову вверх, увидел, как ребристые пластиковые подошвы Шеветты исчезают в треугольном проеме.

И он почувствовал, что улыбается — потому что это действительно была она, это были ее подошвы, и она только что сказала, что скучала по нему. Остаток пути показался ему не таким уж и трудным, но когда он добрался до верха и, втиснувшись в проем, присел отдышаться на самый край, увидел, что она начала подниматься по наклонной ферме, цепляясь обеими руками за тупозубые рельсы, по которым ездила маленькая тележка, видневшаяся у верхушки башни.

— Господи, — сказал Райделл, представив себе, что ему придется последовать за ней.

— Стой на месте, — бросила она через плечо. — Я попробую спустить к тебе эту рухлядь.

Райделл смотрел, как она поднимается, боялся, что она поскользнется на смазке, но она упорно карабкалась вверх и вскоре уже сидела в тележке, которая с этого расстояния напоминала мусорный бак, вроде тех, что стояли за "Счастливым драконом", только меньших размеров.

Райделл услышал, как заскулил электродвигатель. Скрипнув, маленькая тележка с Шеветтой

направилась вниз.

Он встал на ноги, дым попал ему в легкие, сломанное ребро кололо, словно штык, изнутри каждый раз, когда он начинал кашлять.

— Кто-то лазал туда, наверх, — сказала Шеветта, доехав до Райделла. — Рельсы все в смазке. Я буквально недавно забиралась туда посмотреть, и на них была только пыль.

— Может, там просто кто-то живет, — сказал Райделл, рассматривая темные хлипкие стены, окружавшие башню на высоте двенадцати футов от платформы, на которой он стоял. Он забрался в тележку, и Шеветта нажала кнопку. Тележка скрипнула, застонала и поехала по ферме.

Первое, к чему Райделл был не готов, — масштаб пожара, вид на который открылся, когда они миновали закрывавшую обзор стену. Оказалось, что конец моста со стороны Брайент-стрит полностью охвачен огнем, огромные тучи черного дыма валили клубами в ночное небо. Сквозь эту завесу виднелись огни спасательных вертолетов — целые дюжины огней, — и, заглушая скрип зубчатого колеса, до Райделла донесся хор завывающих сирен.

— Господи Иисусе! — выдохнул он.

Он посмотрел в сторону Острова Сокровищ —

тот тоже горел, хотя, казалось, менее интенсивно; впрочем, может быть, просто было далеко.

— У тебя есть фонарик? — спросила Шеветта.

Он расстегнул молнию своего "драконовского" ранца и выудил оттуда маленький одноразовый фонарик, которым обзавелся еще в Лос-Анджелесе. Шеветта включила его, повернув вверх лампочку, и полезла по лесенке, ведущей к дырке, пропиленной в полу маленькой кубической хижины на самой верхушке башни — здесь она жила, когда Райделл впервые встретил ее. Просто квадратный лаз, в который она сейчас светила фонариком.

— Открыто, — негромко сказала Шеветта, и Райделл, собравшись с силами, двинул за ней.

Когда он протиснулся в комнатенку, Шеветта стояла там и светила в разные стороны. Внутри ничего не было, только мусор. В одной из стен круглое отверстие; Райделл вспомнил, что раньше там было вставлено старое цветное стекло.

В тусклом свете фонарика он увидел новое выражение ее лица.

— Здесь и вправду ничего не осталось, — сказала она, будто не веря своим глазам. — Я почему-то думала, что здесь все по-прежнему…

— Никто здесь больше не живет, — как-то

неуверенно сказал Райделл.

— Люк на крышу тоже открыт, — сказала Шеветта, направив луч вверх.

Райделл подошел к старой стремянке, прихваченной к стенке болтами, и полез вверх, ощущая ладонями влажное шершавое дерево. До него стало доходить, что идея лезть на эту верхотуру была плохая, потому что если мост действительно сгорит до основания, они, скорее всего, уже никогда отсюда не спустятся. Он знал, что дым так же опасен, как пламя, и не был уверен, что она это понимает.

Второе, к чему он оказался не готов, когда высунул голову из люка наружу, — к тому, что в ухо ему тут же сунут ствол пистолета.

Его приятель в шарфе.

64. НАЖИВКА

Харвуд начинает, искажаясь, убывать, и все остальное вместе с ним, среди ужасного всепоглощающего холода. Лэйни чувствует, будто на огромном расстоянии его ноги скручивает судорога в путанице спальников и конфетных фантиков. Вдруг появляется сама Рэи Тоэи и вручает ему тайный символ — круглую печать, циферблат, двенадцать знаков дня, двенадцать — ночи, черный лак и золотые цифры, он кладет этот символ туда, где мгновение назад был Харвуд.

Лэйни видит, как этот символ втягивает внутрь себя Харвуда; он полностью во власти сил превращения, и вот он исчезает совсем.

Лэйни убывает тоже, но не за Харвудом.

— Попался, — шепчет Лэйни во тьму своей зловонной коробки, стоящей в подземке метро среди инфразвуковых вздохов пригородных поездов и постоянного топота проходящих ног.

В то же мгновение он оказывается во Флориде на залитых солнечным светом широких бетонных ступенях, ведущих наверх к невзрачному входу в федеральный сиротский приют.

Там, наверху лестницы, — девчушка по имени Дженнифер, ей в точности столько же лет, сколько Лэйни, на ней джинсовая юбочка и белая тенниска, у нее прямая черная челка, она осторожно идет — пятка — носок, пятка — носок, руки — в стороны, для равновесия, — по самому краю верхней ступеньки, как по натянутому канату.

Она очень сосредоточенна и серьезна.

И кажется, что если бы она упала, то непременно бы разбилась.

Лэйни, увидев ее, улыбается, вспомнив внезапно приютские запахи: бутерброды с джемом, дезинфекцию, глину для лепки, чистые простыни…

Холод обступает его со всех сторон, но наконец-то он дома.

65. СВЕЖИЙ ВОЗДУХ

Фонтейн, работая топором, размышляет о том, что прожил довольно долгую жизнь, но то, что случилось сегодня, для него абсолютно ново: поднять топор над головой, потом — резко вниз по задней стене магазина, фанера гулко грохочет. Он слегка озадачен тем, как легко отскакивает топор, но при следующем замахе он поворачивает его обухом и колотит по стене, наконец, пробивая ее на третьем ударе насквозь. Фонтейн удваивает усилия.

— Нам нужен свежий воздух, — говорит он скорее самому себе, чем парочке, чинно сидящей на его койке, — седовласому человеку и мальчику, чью голову опять не видно из-под шлема. Посмотришь на этих двоих — так подумаешь, что и проблем-то, собственно, нет никаких и этот чертов мост не горит.

Куда девалась голограммная девица?!

Работа топором дает результаты, хотя его руки уже разболелись. Дыра в стене уже размером с блюдце и становится все больше.

Он еще не знает, что ему делать, когда она станет достаточно велика, но он любит, чтобы были

заняты руки.

Таков он всегда, Фонтейн: когда дела идут плохо, да что говорить, хуже некуда, а вероятнее всего, подошли к концу, — он любит, чтобы были заняты руки.

66. ГРУЗОВОЗ

Шеветта выползает через люк на крышу Скиннеровой лачуги и видит там Райделла, стоящего на коленях, в этом своем "счастливом" "драконовском" защитном слюнявчике, но критическим фактором здесь является человек из бара — тот, который застрелил Карсона, он воткнул в ухо Райделла пистолет, а сейчас смотрит на нее и улыбается.

Он немного старше меня, размышляет она, вот его короткая стрижка, как у военного, черный кожаный плащ, шарф повязан небрежно, но ясно, что ему пришлось с ним повозиться. Она задается вопросом: как это люди становятся вот такими — берут и тычут своим пистолетом кому-нибудь в ухо, и вы знаете, что они обязательно нажмут на курок? И почему ей кажется, будто Райделл специально находит таких людей, — или это они его специально находят?

За спиной человека в черном, над мостом, она видит поднятую фонтаном воду и понимает, что это, должно быть, палят из пожарной лодки, так как она буквально только что видела пожарную лодку в действии — когда загорелся пирс на Эм-

баркадеро.

Господи, как же здесь наверху сейчас все-таки странно: все ночное небо в дыму, огонь повсюду, он будто бросается в море и гаснет от катящегося дыма. Вокруг нее падают и, мерцая, умирают маленькие красные светящиеся искры, в воздухе запах гари. Она знает, что не хочет, чтоб Райделлу было больно, но она не боится. Теперь она просто-напросто не боится; она не знает почему.

Рядом, на крыше, она замечает какой-то предмет — планер, сидящий на собственной небольшой платформе, своими шасси вцепившийся в асфальтовое покрытие.

Около планера навалены черные нейлоновые мешки. Шеветта принимает их за спальники. Кто-то, видно, готов провести здесь всю ночь, если будет нужно, и она понимает, что парень с военной стрижкой подготовил себе укрытие на случай, если ему придется прятаться. До нее вдруг доходит, что, вероятно, это он поджег мост и виновен уже во множестве смертей, а сейчас стоит себе улыбается, будто очень рад ее видеть, и пистолет его воткнут Райделлу в ухо.

У Райделла сокрушенный вид. Такой печальный сейчас.

— Ты убил Карсона, — слышит она собствен-

ный голос.

— Кого?

— Карсона. В баре.

— Он здорово попортил твою вывеску.

— Он был задницей, — сказала она, — но ты не должен был его убивать.

— К счастью, — ответил "шарф", — вопрос тут не в том, кто задница, а кто нет. Если б вопрос был в этом, мы ни за что бы не справились с нашей работой.

— Ты умеешь управлять этой штукой? — Шеветта махнула рукой в сторону планера.

— Конечно. Я собираюсь убрать этот пистолет из вашего уха, — сказал он Райделлу.

И убрал. Она заметила, Райделл взглянул на нее. Парень с военной стрижкой ударил его пистолетом по голове. Райделл опрокинулся навзничь. Лежал там, как большая сломанная кукла. Одна из светящихся искр упала на его дурацкий розовый защитный слюнявчик, прожгла в нем черную метку.

— Я собираюсь оставить вас здесь, — сказал "шарф". Он навел пистолет на ноги Райделла. — Коленная чашечка, — сказал "шарф".

— Не надо, — сказала она.

Он улыбнулся.

— Ложись там, где стоишь. На самом краю. Лицом вниз. — Пистолет не сдвинулся с места.

Она поступила, как ей велели.

— Руки за голову.

Она поступила, как ей велели.

— Так и лежи.

Она могла наблюдать самым краешком глаза, как он движется к планеру. Крыло трепещет под дуновеньем бриза, издавая ритмичное бренчание.

Она увидела, как "шарф" нырнул под похожее на воздушного змея крыло и оказался внутри углеродно-волоконного каркаса. Там имелась панель управления; она видела в фильмах "Реальности", как люди летают на этих конструкциях.

В руке "шарф" по-прежнему держал пистолет, но в Райделла он уже не целился.

Она вдыхала запах асфальта, спекшегося на крыше. Она помнила, как размазывала асфальт со Скиннером в жаркий безветренный день, как они разогревали ведро с затвердевшим гудроном над пропановой горелкой.

Мир, в котором Скиннер помогал строить, горел на ее глазах, и они с Райделлом могли сейчас запросто сгореть вместе с ним, а парень с военной стрижкой спасал свою шкуру.

— Неужели ты долетишь на этой штуковине до самого Эмбаркадеро?

— Легко и непринужденно, — ответил он. Она увидела, что он сунул пистолет в карман черного плаща и вцепился в перекладину обеими руками, приподнимая планер. Бриз подхватил его. "Шарф" поймал ветер, напомнив ей отчего-то шагающего ворона, из тех больших воронов, которых она видела в детстве в Орегоне. Теперь он был всего в нескольких футах от края, на той стороне крыши Скиннеровой лачуги, что смотрела на Китайский залив. — Ты со своим дружком доставила мне чертову массу хлопот, — сказал он, — но теперь вы оба либо сгорите заживо, либо задохнетесь от дыма, так что, я полагаю, мы квиты. — Он огляделся, ступил вперед.

Шеветта, не успев принять никакого сознательного решения, вскочила на ноги, идет, открыв нож, который оставил ей Скиннер. Ножом прорезает — в тот момент, когда "шарф" уже шагает через край, — трехфутовую полосу в черном крыле планера.

Не успев издать ни звука, дернувшись всем телом, он ринулся вниз, все быстрей и быстрей вращаясь, словно лист, и разбился, ударившись обо что-то внизу.

Она осознала, что стоит на самом краю, рука протянута в пустое пространство, — и сделала шаг назад. Посмотрела на нож, зажатый в руке, на впечатанный в него узор кованых звеньев мотоциклетной цепи. Потом она бросила его прочь, повернулась и пошла к Райделлу, опустилась рядом с ним на колени. На голове его была рана, волосы мокрые от крови. Глаза открыты, но, казалось, он ничего не видит.

— Где он? — спросил Райделл.

— Не верти головой, — сказала она, — его больше нет.

Бриз изменил направление, на них навалился такой густой дым, что города не стало видно. Оба начали кашлять.

— Что там за шум? — еле выдавил Райделл, пытаясь вытянуть шею, чтобы посмотреть.

Она решила, что это, должно быть, грохот огня, но звук перешел в уверенный барабанный бой, и, всмотревшись, она увидала — точно на уровне своей головы — невозможный, с целый квартал шириной, блестящий серый нос грузовоза, украшенный буквами "Омаха трансфер", тридцати футов каждая.

— Господи Боже, — сказала она, когда чудовище нависло над ними; его гладкое, невероятно

широкое брюхо было так близко, что она могла бы потрогать его.

А потом грузовоз сбросил вниз свой груз — около двух миллионов галлонов чистой ледниковой воды, предназначенной для городов южнее Лос-Анджелеса, и ей оставалось только прижаться к Райделлу и держать рот закрытым, сопротивляясь давлению этого океана, а потом она оказалась совсем в другом месте, и плыла по течению, и еще ей казалось, что она так давно, так давно не спала.

67. СЕРЕБРЯНЫЙ ЗАМОК

В серых полях Силенцио находит серебряный замок, место пустое и какое-то новое. Здесь совсем нет людей, одни лишь коридоры, и он удивляется, зачем кто-то построил подобную штуку.

Система наручных часов ведет его вглубь, все глубже и глубже, каждый следующий коридор похож на предыдущий, и он устал от этого, но "Футуроматика" все еще где-то там, впереди, и он обязательно ее найдет.

А когда, наконец, он находит ее в очень маленькой комнате, у корня, из которого растет серебряный мир, он обнаруживает, что он не один.

В этой комнате какой-то мужчина, и мужчина глядит на Силенцио и не может поверить, что Силенцио тоже в комнате, в глазах мужчины страх, который, Силенцио чувствует, отражает, как зеркало, его собственный страх, и Силенцио хочет сказать мужчине, что он пришел сюда только затем, чтобы взять часы, потому что они — часть системы стрелок, циферблатов и приклеенных цифр, и что Силенцио не сделает ничего плохого, но глаза у мужчины похожи на глаза тех, кому

Крысук показывал нож, и вдруг кто-то кашляет за спиной у Силенцио. Обернувшись, Силенцио видит страшного человека, его голова как облако крови, окровавленный рот раскрыт в безмолвном вопле, и этот рот совсем не шевелится, когда страшный человек произносит:

— Привет, Харвуд.

И вдруг почему-то он вновь рядом со светящейся девушкой.

Она говорит Силенцио, чтобы он снял с себя шляпу, и он снимает ее и видит, как в шляпе гаснут картинки замка, а комната вся заполнена дымом, и снаружи, через разбитую дверь проникает еще больше дыма, а черный мужчина, седые веточки его волос бессильно свисают, пробил в стенке дырку своим топором. Дырка не очень большая, но он залезает в нее по самые плечи, и Силенцио видит, как черный мужчина дергается, будто что-то его колотит. Он вылезает из дырки обратно в комнату, с выпученными глазами и мокрый, весь мокрый, с него ручьями льется вода, вода хлещет в комнату через дырку, седые волосы, спутавшись, липнут к лицу мужчины, вдруг сверху падает еще больше воды, будто в туннель, похожий на улицу, там, за разбитой дверью, — так много воды!

А человек в длиннополом пальто стоит себе, руки в карманах, и смотрит, как льется вода, и Силенцио видит, как морщины на лице человека становятся глубже. Потом человек кивает Силенцио, кивает черному мужчине и выходит вон через разбитую дверь.

Силенцио очень хочется знать, стало ли в серебряном замке так же мокро.

68. АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА

Бумзилла — в "Счастливом драконе", приперся обратно, на этот раз потому, что знает: сегодня они в первый раз запустят этот свой долбаный драконовский "Нанофакс", это вам не игрушки, а типа того, что копируешь любое дерьмо из одного магазина в другой. Он не уверен, что врубается, как это, но в магазине бесплатно дают конфеты и много газировки всем детям, к которым он определенно навострился пристраиваться, прямо сейчас, но все псу под хвост, потому что мост загорелся и эти, мать их так, грузовозы слетелись и сбросили чертову прорву воды, приехала сотня, наверно, грузовиков, и все при делах, и полиция тут, и тактические отряды, и вертолеты в воздухе, короче "Счастливый дракон" обломался, и супершоу в честь первого запуска "Нанофакса" не будет, менеджер спятил, ходит взад-вперед по проходу, сам с собой разговаривает. Но магазин все равно торгует на всю катушку, шишки из главного офиса не разрешают ему закрываться, в общем, Бумзилла начал лопать конфеты бесплатно, а все потому, что охранники знай себе смотрят, как дым валит из мокрого черного мусора, больше на

этом конце моста ничего не осталось, так что сам настоящий мост стало видно, ну, старую часть, вон она, тоже черная, висит себе в воздухе, как скелет.

И потом заявляется менеджер и читает по ноутбуку: леди и джентльмены, сей судьбоносный момент истории, трали-вали, и вот мы видим, как самый первый предмет помещается в передатчик в нашем главном филиале в далеком Сингапуре (Бумзилла видит по телевизору, который висит на пилоне, что этот "предмет" — золотая статуэтка "Счастливого дракона" собственной персоной, улыбка до ушей), и через минуту он будет репродуцирован на молекулярном уровне в каждом филиале нашей сети по всей планете.

Кассирша и двое охранников хлопают. Бумзилла сосет ледышку со дна своей газировки. Ждет, чего будет.

У "Нанофакса" в "Счастливом драконе" спереди такой большой люк, что Бумзилла точно туда поместится, коли приспичит, так что в башке у него возникает вопрос: а можно ли так наделать много-много Бумзилл в других местах и можно ли будет доверять этим сраным Бумзиллам? Если да, тогда он сколотит, в натуре, крутую банду, но вот в чем загвоздка: лично он сам никому не дове-

ряет, так с какой стати они ему будут доверять?

Фонарик над люком делается зеленым, люк отъезжает кверху, и наружу вылазит, типа как раскладная, эта самая голозадая девка, волосы черные, китаянка, а может, японка, в общем, что-то типа того, длиннющая, и титьки маленькие такие. Бумзилле такие не нравятся, но она улыбается, и у всей этой кодлы — кассирши, охранников, менеджера — челюсти отвисают, глаза на лоб лезут: девка потягивается, по-прежнему улыбаясь, и быстро чешет к парадному входу вдоль стойки охранников, и Бумзилла видит, как она тянет руку и открывает дверь, типа все, я ушла, всем привет, а уж там, снаружи, такой бардак вперемешку с катастрофой, что на какую-то голую девку-японку никто и смотреть-то особо не станет.

Но самый что ни на есть сумасшедший бардак заключается в том… и Бумзилла настолько от этого обалдевает, стоя там, в магазине, и глядя на долбаную видеоколонну через стеклянные двери, что решает выйти наружу и скурить последнее русское "Мальборо", чтобы как следует обмозговать увиденное… заключается в том, что, когда он видит ее проходящей мимо экранов, он видит ее на всех экранах без исключения, выходящей

из всех "Счастливых драконов" на всей планете, с одной и той же счастливой улыбкой.

Бумзилла все еще думает, что бы это значило, от "Мальборо" остается лишь фильтр, и тогда он решает: какого черта, время полакомиться омлетоладьями из "драконовской" микроволновки, Бумзилла считает, что это его заслуженный бизнесменский завтрак, у него даже деньги есть, но, когда он заходит обратно, омлетоладьи, как выясняется, кончились, сраные суки пожарные все их сожрали.

— Какого хрена, — говорит он пожарным, — отфаксуйте хоть одну из долбаного Парижа!

Так что охранникам приходится наподдавать ему под зад.

69. ВСЁ НАВСЕГДА

Райделл просыпается от боли там, что казалось ему ближайшим приближением к раю, в этом чудесном, сухом, абсолютно новом, высокотехнологичном спальном мешке, рядом со свернувшейся калачиком Шеветтой, ребра горят; он лежит, слушает, как вертолеты гудят подобно стрекозам, и вяло думает, а не содержит ли чего-нибудь вредного клеящая поверхность, которой он обмотан.

Они нашли этот спальный мешок в герметичной прозрачной упаковке сразу после потопа, болтающимся на одном из клиньев, которыми планер "шарфа" крепился к крыше. И не было в их жизни более желанной находки — скинуть промокшую одежду и забраться в сухое тепло, в этот мешок с водонепроницаемой и, вероятно, пуленепробиваемой подкладкой, — в эту весьма дорогую часть военного обмундирования. И лежать себе там, внутри, и смотреть, как прибывают еще два грузовоза — огромные, неповоротливые, беспилотные гудящие трутни, свернувшие с курса, как впоследствии выяснится, в соответствии с планом, разработанным несколько лет назад

группой быстрого реагирования Северной Калифорнии, — прибывают, чтобы сбросить вниз еще больше воды, погасив огонь со стороны Острова Сокровищ, а заодно затопив весь центральный участок. И каждый из грузовозов, истощившийся и ослабевший, мгновенно взлетал, избавившись от балласта, как слон в нелепом слоновьем балете.

Они держали друг друга в объятиях там, наверху, пока не рассвело, морской ветер уносил с собой запах гари.

Райделл окончательно проснулся и видит голое плечо Шеветты, он ни о чем особо не думает, вот разве что медленно формируется в голове мысль о завтраке, хотя это может и подождать.

— Шеветта? — голос из маленькой дребезжащей колонки. Он смотрит вверх и видит серебряный майларный шарик, натягивающий поводок, глаз видеокамеры наблюдает за ними.

Шеветта шевелится.

— Тесса?

— С тобой все в порядке?

— Да, — отвечает она, голос сонный, — сама-то ты как?

— Это художественный фильм, — говорит голос из воздушного шарика. — Огромный бюджет. У

меня есть такие кадры… ты не поверишь, настоящий экшн.

— Что значит "это художественный фильм"?

— Я подписала контракт. Они вылетели сюда этим утром. Что ты делаешь на этой верхотуре?

— Пытаюсь спать. — Шеветта перекатывается на другой бок, натянув на голову спальный мешок.

Райделл лежит, наблюдая за тем, как воздушный шарик подпрыгивает на своем поводке, пока, наконец, не исчезает.

Он садится и трет руками лицо. Выкатывается из мешка и неуклюже встает — голый мужчина с большой заплатой из серебристой непроницаемой пленки на ребрах. Интересно, на скольких телеэкранах он виден в эту секунду. Хромая, он топает к люку и лезет вниз, в темноту, где с облегчением прислоняется к стенке.

— Райделл?

Райделл вздрагивает. Это Кридмор, сидит на полу, подняв колени к подбородку и обхватив руками голову, мокрую на вид.

— Райделл, — говорит Кридмор, — есть выпить?

— Что ты делаешь на этой верхотуре, Бьюэлл?

— Сначала я залез в эту теплицу, ну, которая

внизу. Я думал, там будет вода. Потом я понял, что сварюсь, как жопа каракатицы, ну и залез на эту верхотуру. Сучьи дети.

— Кто?

— Мне крышка, — продолжает Кридмор, не отвечая на вопрос. — Рэнди разорвал со мной контракт, а долбаный мост сгорел. Вот так дебют, а? Господи!

— Ты можешь сочинить про это песню, я так думаю.

Кридмор глядит на него снизу вверх в полнейшем отчаянии. Нервно сглатывает. Когда он вновь заговаривает, в голосе его ни следа акцента.

— Ты, правда, из Теннесси?

— Конечно, — отвечает Райделл.

— Мать твою, зачем я не оттуда, — говорит Кридмор, голос его тих, но эхом отдается внутри пустого деревянного ящика, солнечный свет пробивается через квадратную дырку над головой, освещая часть досок, два на четыре дюйма сечением, которые выложены в длину, чтобы пол был прочнее.

— А откуда ты, Бьюэлл? — спрашивает Райделл.

— Сукин ты сын, — отвечает Кридмор, снова с

акцентом, — я из Нью-Джерси.

И начинает плакать.

Райделл снова влезает наверх, и потом, стоя на лестнице, высовывает голову и смотрит в сторону Сан-Франциско. Конец света, о котором твердил Лэйни, видимо, не случился.

Райделл переводит взгляд на спальный мешок, внутри него то, что он жаждет больше всего на свете, — та, которую хочет любить всю свою жизнь. Ветер меняется, шевелит его волосы, и когда он выходит на крышу, залитый солнечным светом, все еще слышно, как Кридмор рыдает внизу.

70. ВИЗИТ ВЕЖЛИВОСТИ

Взяв такси до "Трансамерики", он закрывает глаза и видит часы, которые вручил мальчику, — часы, время которых движется по черному циферблату, его собственное внутреннее время вырвалось на свободу, с мертвого якоря его сняла незнакомка, воссоздавшая для него облик Лизы. Стрелки часов вычерчивают орбиту радия, мгновение за мгновением. В это утро он видит спираль бесконечных возможностей, открытых, впрочем, не для него.

Мост, оставшийся за его спиной, — возможно, что навсегда, — это транспортное средство, достигшее конечной станции: соленый воздух, свалочный неон, отрывистые крики чаек. Здесь он краем глаза увидел кусочек жизни, которая, как он понял, вечна и бесконечна. Видимый беспорядок, организованный неким глубинным, неким немыслимым образом.

Возможно, он слишком долгое время пробыл наемником и сообщником тех, кто якобы правит миром. Тех, чьи мельницы мелют все более мелко, все более близко к какой-то невообразимой точке омега чистой информации, к какому-то

чуду, которое вечно должно вот-вот произойти. Которое, подсказывает ему интуиция, явлено не будет, теперь уже — никогда, а если и будет, то совсем не в той форме, о которой мечтали его бывшие работодатели.

В атриуме отеля он описывает цель своего прихода как визит вежливости. Его разоружают, обыскивают, надевают наручники и по приказу Харвуда препровождают в лифт. Когда двери лифта бесшумно закрываются, он ощущает легкое чувство вины перед своими конвоирами за их возбуждение и неопытность, за то, что надели на него наручники спереди, а не сзади.

Еще до того, как скоростной лифт достигнет этажа, на котором находится офис Харвуда, он останется в одиночестве.

Он дотрагивается до пряжки пояса и думает о простом, но убийственно эффективном орудии между слоями изысканной итальянской телячьей кожи.

И существует в мгновении.

71. ЯМАДЗАКИ

Ямадзаки, мрачный и нервный, спускается в метро в час пик ранним утром в сопровождении громадного бритоголового, с изувеченным ухом австралийца.

— Ты знал, что он здесь? — спрашивает здоровяк.

— Он желал уединения, — говорит Ямадзаки, — мне очень жаль.

Ямадзаки ведет австралийца к картонному городу и указывает коробку Лэйни и вход в нее.

— Эта?

Ямадзаки кивает.

Австралиец достает нож, который беззвучно раздвигается от нажатия кнопки. Он вырезает верх ящика и поднимает его, будто крышку коробки с крупой, и Ямадзаки видит наклейки с Коди Харвудом.

Австралиец, будучи намного выше Ямадзаки, внимательно смотрит внутрь коробки. Сам Ямадзаки не решается туда посмотреть.

— От чего он бежал? — спрашивает австралиец.

Ямадзаки глядит снизу вверх в его маленькие,

очень умные глазки, не идущие его тяжелому лицу.

— Ни от чего, — говорит Ямадзаки. — Он бежал навстречу чему-то.

Прибывший поезд в глубинах системы выпускает наверх, на улицу, по запасному пути теплый спертый воздух навстречу новому дню.

72. ФОНТЕЙН

Фонтейн выбирается из почерневших балок и бредет к Брайент-стрит с кувшином воды и парой сандвичей, выданных Красным Крестом. Там царит странная обстановка, уж очень похоже на фильмы-катастрофы. Они Фонтейну никогда не нравились. У медиа больше машин, чем у спасателей, хотя и тех там полно. Жертв удивительно мало, и он решает, что это связано с духом людей, живших на мосту: они всегда серьезно подходили к делу выживания и верили в неорганизованное сотрудничество. Может быть, думает он, ему никогда не узнать, что все это значило — в смысле причин и следствий, — хотя он уверен, что был свидетелем чего-то значительного.

Он хочет надеяться, что Шеветта и ее парень пробились, — впрочем, он полагает, что это именно так, и профессор исчез, ушел по делам, которыми занимаются люди вроде него, а об этих делах лучше вовсе не знать. Маршалла придется поставить в известность, что его чейн-ган пропал, но это все так, частности. Кто-то разбрызгал напротив лавки целый галлон этой штуки под названием "Килз" — на всякий случай, если лип-

кая масса, оставленная выстрелом чейн-гана, вдруг окажется зараженной какой-нибудь опасной болезнью.

Он подходит к лавке, и до его слуха доносится шорох сметаемых стеклянных осколков. Фонтейн видит, что косолапый парень в больших белых ботинках проделал большую работу, даже расставил вещи на сохранившихся полках. Серебристый кусок железа, похожий на большой шейкер для коктейлей, занимает почетное место, возвышаясь над разбитой витриной между оловянными солдатиками и двумя вазами — изделиями окопного искусства, изготовленными из кайзеровских пушечных гильз.

— Куда она делась? — спрашивает Фонтейн, оглядываясь.

Парень перестает подметать, вздыхает, опирается на метлу и молчит.

— Улетела, а?

Парень кивает.

— Сандвичи, — говорит Фонтейн, протянув один из них парню. — Нам тут придется затянуть пояса на какое-то время. — Он вновь поднимает взгляд на серебряный сосуд. Откуда-то ему известно, что там ее нет — кем и чем бы она ни была. Сам сосуд стал историей — ни больше, ни

меньше, чем грубые, но в своем роде элегантные вазы из пушечных гильз, выделанные в какой-то французской траншее. В этом тайна вещей.

— Фонтейн…

Обернувшись, он видит Клариссу, стоящую в дверях с сумкой в руках.

— Кларисса…

Беспокойство плещется в глубине ее глаз, зеленых, как море, или тревога, а может, забота.

— У тебя все нормально?

— Да, — говорит Фонтейн.

— Я думала, ты помер, Фонтейн.

— Нет.

— Я принесла еду.

— Дети в порядке?

— Им страшно, — отвечает она, — они с Турмалиной.

— С ней мне тоже было бы страшно.

Улыбка слегка касается ее губ. Она подходит к нему, отставив в сторону сумку. Ее губы мимолетом касаются его губ.

— Спасибо, — говорит он ей, приподнимая тяжелую сумку, откуда поднимаются приятные запахи. — Спасибо, Кларисса.

В глазах ее слезы.

— Подонок, — говорит она, — где мои куклы?

— Мне очень жаль, — отвечает он серьезно, как только может, — они стали жертвами страшного пожара. И они оба начинают смеяться.

73. СИЛЕНЦИО

— Где ты это нашел?

— Остров Сокровищ, — врет мальчик, передавая часы — солидную ржавую луковицу — через стеклянную витрину.

Силенцио пристально смотрит сквозь лупу на влажный бисквит из металла. Царапает ржавчину алмазным резцом.

— Нержавеющие, — соглашается он и знает, что парень поймет: "нержавеющие" — это прекрасно, хотя не так прекрасно, как "золотые". В общем, стоят, как нормальный обед.

— Я хочу посмотреть, как вы будете их чинить, — подает голос мальчик.

Силенцио вынимает лупу из глаза и смотрит на парня, как будто видит его в первый раз.

— Я хочу посмотреть, как вы будете их чинить. Мальчик тычет пальцем в стекло, показывая на часы, разложенные в витрине.

— Ах, ты про стенд! — говорит Силенцио. — Ты ведь был здесь с Сандро, когда мы реставрировали тот "Вашерон".

Силенцио приносит реставрационный стенд из задней комнаты лавки — квадратную поду-

шечку десять на десять дюймов. Он ставит ее на витрину, и мальчик наклоняется ближе, чтобы рассмотреть бархатисто-зеленую поверхность, которая состоит из миллионов манипуляторов.

Силенцио кладет часы на стенд. Смотрит вместе с парнем, как часы легко и плавно, будто сами по себе, встают на ржавое ребро и, кажется, тонут — не может быть! — в неглубокой площадке и стекле под нею. Исчезают, как монета, брошенная в ил.

Силенцио смотрит на часы на своем запястье — военный "Жаже Лекультр", Королевские ВВС Австралии.

— Девять минут, — говорит Силенцио, — кофе вон там.

— Я хочу посмотреть, — говорит мальчишка.

— Ничего там не видно.

Внутри стенда ржавый диск часов сканируется и демонтируется. Молекулы приходят в движение. Через девять минут часы снова всплывут, блестящие и безупречные — как в тот день, когда они покинули швейцарскую фабрику.

— Я хочу посмотреть, — повторяет мальчишка.

Силенцио понимает.

Он идет за кофе.

БЛАГОДАРНОСТИ

Всем, кто ждал этой книги еще терпеливее, чем обычно, в особенности — моим издателям, чудесным Сьюзен Элли-сон и Тони Лэйси.

Дэб, Грейм и Клэр, с любовью — за то, что мирились куда как с большим, чем обычное затворничество.

Джулии Уитуэр, как первому читателю текста — и за многое другое.

Далее особым друзьям этой книги: Гордону Беггу, Джужит Бил, Джессике Истмен, Карлу Таро Гринфелду, Марку Хейлику, Ричарду Кадри, Кевину Келли, Луэзе Жан Лэм, Роджеру Триллингу, Джеку Вомаку. Спасибо вам всем.

А еще спасибо посткиберпанковскому сообществу города Мехико, который — хоть я и отклонил их заботливое предложение совершить неофициальное турне — поддерживал меня своим теплым энтузиазмом все время написания решающей главы в отеле "Камино Реал".

10 мая 1999 г.,
Ванкувер,
Британская Колумбия

1.Падания — самопровозглашенная республика в Северной Италии (здесь и далее примеч, ред.).

2.GPS — Global Positioning System (англ.) — всемирная спутниковая система определения местонахождения

3.Pinche Chupacabra — букв, "гад (змея) чупакабра" — латиноамериканский сленг, явно пародия на латинские научные названия животных и растений; что такое чупакабра, станет ясно далее

4.Панчо Вилья — Франсиско Вилья (наст, имя Доротео Аранлья) (1877 — 1923), руководитель крестьянского движения на Севере Мексики в период Мексиканской революции 1910 — 1917 годов

5.Федора — название фасона мягкой фетровой шляпы

6.Буррито — мексиканская лепешка с начинкой из мяса, сыра или бобов

7.Los pojectos — букв. "новостройки", нищие латиноамериканские кварталы в долине Лос-Анджелеса

8.Pinche — здесь: гады (исп.)

9.Pinche madre — букв, "чертова мать" (исп.)

10.Наноботы — мельчайшие механизмы, созданные на основе нанотехнологии

11. Une petite problemette — небольшая проблемка (франц.)

12.Коулун — полуостров, континентальная часть Гонконга. В 1847 году на его территории была построена небольшая крепость. В архитектурном отношении город-крепость Коулун представлял собою удивительный феномен крайне хаотичной городской застройки и исключительно высокой плотности населения. В 1991 году власти Гонконга начали эвакуацию местного населения с целью уничтожить "городскую язву, рассадник преступности, проституции и наркоторговли", а в 1993 году город-крепость был разрушен окончательно. В память об этом месте Гибсон и создает сюрреалистический виртуальный Город-крепость хакеров

13.Бенто — традиционные японские коробочки для еды

14.Темпура — японское блюдо: рыба, обжаренная в кляре

15.Мисо — соевая паста. Здесь: суп, приготовленный с мисо

16.Уэвос ранчерос — жареные яйца с помидорами и острым соусом (исп.)

17.Кесадилья — лепешка из слоеного теста (исп.)

18.Название романа "Все вечеринки завтрашнего дня" заимствовано У. Гибсоном из дебютного альбома группы "Velvet Underground" ("Velvet Underground & Nico", 1967) из песни с тем же названием — "All Tomorrow's Parties"

19.Если ты грешишь, что делаешь ты Ему? И если преступления твои умножаются, что причиняешь ты Ему. — Иов. 35:6

20.Люсайт — исключительно прочное и прозрачное стекло из особого пластика

21. Heary Gear II и Yai Fu — распространенные на момент написания романа компьютерные игры

22.Фресно — в городе Фресно располагается Калифорнийский государственный университет

23. Gestalt — образ (нем.)

24.По всей видимости, имеются в виду из-

вестные исполнители музыки кантри Уэйлон Дженнингс и Лесил Травис Мартин (сценический псевдоним Товарнян Уилли)

25.Коктейль "Цезарь" приготовляется из взятых в равном количестве водки и лимонного сока с добавлением вустерского соуса и табаско

26.Идору — идол, "звезда" (яп.)

27.Гансмит Кэтс — главный персонаж одноименной серии японских аниме

28. Incommunicado — букв, некоммуникабельный, здесь — недостижимый (исп.)

29.ДПСФ — Департамент полиции Сан-Франциско

30.Байу — заболоченный рукав реки, озера или морского залива на юге США

31.Имеется в виду, скорее всего, известный фотограф Роберт Фрэнк. Серия его фоторабот "Американцы" (1955) запечатлела Соединенные Штаты Америки эпохи битников и стала одним из важных моментов в истории фотографии XX века. Введение к серии "Американцы" написал известный американский писатель Джек Керуак

32.Фрэнсис Бэкон (1909 — 1992) — выдающийся европейский художник ирландского происхождения. В его творчестве прослеживается влияние Пикассо, сюрреализма и экспрессионизма. Сам Бэкон утверждал, что он просто реалист: "Ничто не может быть ужаснее, чем сама жизнь..." Широко известна его серия "Орущие папы", в которой он использовал работы старых мастеров, например Веласкеса

33.Чилаго (исп.) — слэнговое самоназвание жителей Мехико

34.Странный аттрактор — математический образ сложного движения в нелинейных динамических системах

35.Хэнк Уильяме — американский певец в стиле кантри

36.Де-Мойн — в наши дни — столица штата Айова на Среднем Западе США

37.Сиэтл — в наши дни — крупнейший город и порт штата Вашингтон и главный торговый центр на Северо-Западе США

38.Коудс — по-английски, буквально, "коды"

39. Espontaneo — драчун (исп.)

40.Отаку — фанатик (яп.)

41.Помпадур — высокая мужская прическа с начесом

42.Сукразит — заменитель сахара

43.Чейн-ган — chain — цепь (англ.); в обычных вооружениях и компьютерных играх — многоствольный пулемет, обладающий исключительной разрушительной силой, в котором, однако, быстро заканчиваются боеприпасы

44.В мире "трилогии моста" ключевое событие, происходящее за кадром, — землетрясение, разделившее Калифорнию на Северную и Южную